

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

ТИПОЛОГИЯ МОРФОСИНТАКСИЧЕСКИХ ПАРАМЕТРОВ

ТОМ 6
ВЫПУСК 2

2023

ISSN 2686-7419

**Типология морфосинтаксических параметров
том 6, выпуск 2**

Издаётся с 2018 года

Периодичность издания: 2 выпуска в год

Учредитель:

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

Адрес редакции:

Россия, 117485, Москва, ул. Академика Волгина, 6

Сайт журнала:

<https://tmp.sc/>

Электронная почта:

tmp.2018.moscow@gmail.com

Свидетельство о регистрации:

ЭЛ № ФС 77-76307 от 19.07.2019

© Авторы, 2023

© Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2023

Pushkin State Russian Language Institute

T Y P O L O G Y O F M O R P H O S Y N T A C T I C P A R A M E T E R S

VOLUME 6
ISSUE 2

2023

ISSN 2686-7419

Typology of Morphosyntactic Parameters
volume 6, issue 2

First published in 2018

Two issues per year

The founder:

Pushkin State Institute for the Russian Language

Editorial office:

Ac. Volgin Str., 6 (ulitsa Akademika Volgina, 6), Moscow, 117485, Russia

Website:

<https://tmp.sc/index.php/eng>

E-mail:

tmp.2018.moscow@gmail.com

Mass media registration certificate:

ЭЛ № ФС 77-76307 as of 19.07.2019

© The authors, 2023

© Pushkin State Institute for the Russian Language, 2023

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Екатерина Анатольевна Лютикова —

доктор филологических наук, доцент; профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

[ORCID: 0000-0003-4439-0613](https://orcid.org/0000-0003-4439-0613)

[Личная страница в системе ИСТИНА МГУ](#)

[Личная страница на Academia.edu](#)

Заместитель главного редактора

Антон Владимирович Циммерлинг —

доктор филологических наук; главный научный сотрудник Государственного института русского языка имени А. С. Пушкина; профессор кафедры общего языкознания и русского языка Государственного института русского языка имени А. С. Пушкина; ведущий научный сотрудник сектора типологии Института языкознания РАН, Москва, Россия

[ORCID: 0000-0002-5996-2648](https://orcid.org/0000-0002-5996-2648)

[Личная страница на сайте ИЯ РАН](#)

[Личная страница на Academia.edu](#)

[Личная страница на Researchgate.net](#)

Ответственный секретарь

Ксения Павловна Семёнова —

специалист, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва, Россия

[Личная страница в системе ИСТИНА МГУ](#)

[Личная страница на Academia.edu](#)

Редколлегия

Джон Фредерик Бейлин —

Ph.D.; профессор университета Стоуни Брук, Нью-Йорк, США

<https://linguistics.stonybrook.edu/faculty/john.bailyn/>

Олег Игоревич Беляев —

кандидат филологических наук; доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

<https://istina.msu.ru/profile/belyaev/>

Яцек Виткощ —

Ph.D.; профессор университета г. Познань, Польша

http://wa.amu.edu.pl/wa/Witkos_Jacek

Анастасия Алексеевна Герасимова —

ведущий специалист Лаборатории автоматизированных лексикографических систем Научно-исследовательского вычислительного центра МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

<https://istina.msu.ru/profile/Gerasimova/>

Павел Валерьевич Гращенко —

доктор филологических наук; доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; старший научный сотрудник отдела языков народов Азии и Африки Института востоковедения РАН, Москва, Россия

<https://istina.msu.ru/profile/gra-paul/>

Атле Грённ —

Ph.D.; профессор университета г. Осло, Норвегия

<https://www.hf.uio.no/ilos/english/people/aca/atleg/index.html>

Нерея Мадарьяга —

Ph.D.; доцент университета Страны Басков, Витория, Испания

<https://ehu.academia.edu/NereaMadariaga>

Владимир Александрович Плунгян —

доктор филологических наук, профессор, академик РАН; заместитель директора Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН; заведующий сектором типологии Института языкознания РАН; профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

<https://www.ruslang.ru/publica/plungyan>

Мария Полинская —

Ph.D.; профессор университета Мэриленда и Гарвардского университета, США

<http://www.mariapolinsky.com/>

Андрей Владимирович Сидельцев —

доктор филологических наук; заместитель директора Института языкознания РАН

<http://iling-ran.ru/main/scholars/sidelcev>

Яков Георгиевич Тестелец —

доктор филологических наук, доцент; профессор учебно-научного центра лингвистической типологии Института лингвистики Российского государственного гуманитарного университета; ведущий научный сотрудник Отдела кавказских языков Института языкознания РАН, Москва, Россия

<https://istina.msu.ru/profile/Testelets/>

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief

Ekaterina A. Lyutikova —

Dr. Phil. Hab.; professor at the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

[ORCID: 0000-0003-4439-0613](https://orcid.org/0000-0003-4439-0613)

[Personal page on Istina.msu.ru](https://istina.msu.ru)

[Personal page on Academia.edu](https://academia.edu)

Deputy chief editor

Anton V. Zimmerling —

Dr. Phil. Hab.; principal research fellow at Pushkin State Russian Language Institute; professor at the Department of General Linguistics and Russian Language, Pushkin State Russian Language Institute; principal research fellow at the Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

[ORCID: 0000-0002-5996-2648](https://orcid.org/0000-0002-5996-2648)

[Personal page on The Institute of Linguistics RAS Website](https://www.ling.ras.ru)

[Personal page on Academia.edu](https://academia.edu)

[Personal page on Researchgate.net](https://www.researchgate.net)

Executive secretary

Xenia P. Semionova —

specialist at the Vinogradov Russian Language Institute RAS, Moscow, Russia

[Personal page on Istina.msu.ru](https://istina.msu.ru)

[Personal page on Academia.edu](https://academia.edu)

Editorial staff

John Frederick Bailyn —

Ph.D.; professor at the Stony Brook University, New York, USA

<https://linguistics.stonybrook.edu/faculty/john.bailyn/>

Oleg I. Belyaev —

Ph.D.; associate professor at the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

<https://istina.msu.ru/profile/belyaev/>

Jacek Witkoś —

Ph.D.; professor at the Poznań University, Poland

<http://wa.amu.edu.pl/wa/Witkos Jacek>

Anastasia A. Gerasimova —

leading specialist at the Laboratory for Computational Lexicography, Research Computing Center, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

<https://istina.msu.ru/profile/Gerasimova/>

Pavel V. Grashchenkov —

Dr. Phil. Hab.; associate professor at the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Lomonosov Moscow State University; research fellow at the Institute of Oriental Studies RAS, Moscow, Russia

<https://istina.msu.ru/profile/gra-paul/>

Atle Grønn —

Ph.D.; professor at the Oslo University, Norway

<https://www.hf.uio.no/ilos/english/people/aca/atleg/index.html>

Nerea Madariaga —

Ph.D.; professor at the University of the Basque Country, Vitoria, Spain

<https://ehu.academia.edu/NereaMadariaga>

Vladimir A. Plungian —

Dr. Phil. Hab., Professor, RAS full member; deputy director of the Vinogradov Russian Language Institute RAS; Head of Section of Linguistic Typology of the Institute of Linguistics RAS; professor at the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
<https://www.ruslang.ru/publica/plungyan>

Maria Polinsky —

Ph.D.; professor at the University of Maryland, professor at the Harvard University, USA

<http://www.mariapolinsky.com/>

Andrei V. Sideltsev —

Dr. Phil. Hab.; deputy director of the Institute of Linguistics RAS) Moscow, Russia

<http://iling-ran.ru/main/scholars/sidelcev>

Yakov G. Testeleets —

Dr. Phil. Hab.; professor at the Center for Linguistic Typology of the Institute of Linguistics of the Russian State University for the Humanities; leading researcher at the Department of Caucasian Languages of the Institute of Linguistics RAS, Moscow, Russia

<https://istina.msu.ru/profile/Testeleets/>

СОДЕРЖАНИЕ

<i>А.В. Циммерлинг, Е.А. Лютикова</i> Конструкции и лингвистическая типология.....	13
<i>М.А. Волина</i> Уступительные конструкции в собственно хваршинском.....	31
<i>Г.И. Кустова</i> Системные связи конструкций с союзом <i>чтобы</i>	52
<i>А.В. Птенцова</i> Семантика и синтаксические функции служебного слова <i>ати/оти</i> в древнерусских памятниках.....	73
<i>А.В. Циммерлинг</i> Импликативные вопросы и семантика Хэмблина.....	92
<i>Ф.Г. Шушурин</i> Согласование по переходности в чеченском языке: дистантный пассив без пассивизации	136

CONTENTS

<i>Anton Zimmerling, Ekaterina Lyutikova</i>	
Constructions and linguistic typology	13
<i>Maria Volina</i>	
Concessive constructions in Khwarshi proper	31
<i>Galina Kustova</i>	
Systemic relations of constructions with the conjunction <i>chtoby</i> ‘to’	52
<i>Anna Ptentsova</i>	
Semantics and syntactic roles of the function word <i>ati/oti</i> in Old East Slavic texts.....	73
<i>Anton Zimmerling</i>	
Biased questions and Hamblin semantics.....	92
<i>Philip Shushurin</i>	
Transitivity Concord in Chechen. Long-Distance Passive without passivization	136

Научная статья / Original article

УДК 81-114.2

doi:10.37632/PI.2023.26.91.001

КОНСТРУКЦИИ И ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ*

А.В. Циммерлинг¹, Е.А. Лютикова²

^{1,2}Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина /

¹Институт языкознания РАН / ²МГУ имени М.В. Ломоносова

Аннотация: В статье обсуждается понятие конструкции и его применимость в лингвистической типологии. Конструкции относятся к конкретно-языковым морфосинтаксическим феноменам. Обобщения о ментальном лексиконе и ментальной грамматике ортогональны типологии конструкций. В то же время утверждения о лингвоспецифичности конструкций и их идиоматичности, по-видимому, несут в себе потенциальный конфликт с типологической программой. Если принимать гипотезу, что логическая основа языка неизменна, то значение большей части конструкций может быть проанализировано в терминах универсального набора примитивов, прямым или косвенным образом отражающих логические категории, таких как значение общего вопроса, верификации, цели, уступки, и неуниверсального компонента, отражающего конкретно-языковое членение семантической структуры. Типология позволяет идентифицировать классы сопоставимых конструкций; межъязыковое сравнение изолированных конструкций, в свою очередь, основывается на предположении, что они могут относиться к одному таксономическому классу, обладая сходной деривацией.

Ключевые слова: конструкции, лингвистическая типология, универсалии, межъязыковые категории, семантика, грамматика, параметрический подход

Для цитирования: Циммерлинг А.В., Лютикова Е.А. Конструкции и лингвистическая типология // Типология морфосинтаксических параметров. 2023. Том 6, вып. 2. С. 13–30. (На английском.)

doi:10.37632/PI.2023.26.91.001

* Настоящее исследование поддержано проектом «Параметрическое описание языков народов Российской Федерации», реализуемым в Государственном институте русского языка им. А.С. Пушкина.

CONSTRUCTIONS AND LINGUISTIC TYPOLOGY*

Anton Zimmerling¹, Ekaterina Lyutikova²

*^{1,2}Pushkin State Russian Language Institute / ¹Institute of Linguistics RAS /
²Lomonosov Moscow State University*

Abstract: This paper reconsiders the notion of construction and its applications in linguistic typology. Constructions are language-specific parts of morphosyntax. Claims about mental lexicon and mental grammar are orthogonal to the typology of constructions. The claims that all constructions are language-specific and all constructions are idiomatic are potentially conflicting. If one accepts the hypothesis that there is no variation in logical structure, the meaning of most constructions can be decomposed into the universal component directly or indirectly based on logical categories, for example, the meaning of yes-no question, the meaning of verification, the meaning of goal, the meaning of concession, and the non-universal component resulting from language-specific partition of semantic structure. Typology provides the diagnostics for classes of comparable constructions, while cross-linguistic comparison of isolated constructions explores the idea that they can belong to the same class if they are derived the same way.

Keywords: constructions, linguistic typology, universals, cross-linguistic categories, semantics, grammar, parametrization

For citation: Zimmerling A., Lyutikova E. Constructions and linguistic typology. *Typology of Morphosyntactic Parameters*. 2023. Vol. 6, iss. 2. Pp. 13–30. doi:10.37632/PI.2023.26.91.001

1. Introduction: Beyond the terminology

The term ‘construction’ is part of the linguistic jargon. Its perception is facilitated by the existence of schools claiming the name of construction grammar [Goldberg 2016; Rakhilina 2010], likewise the perception of the term ‘structure’ is facilitated by the existence of influential works and schools that identi-

* This research has been written with support from the project “Parametric Description of the Languages of Russian Federation” realized at Pushkin State Russian Language Institute.

fied themselves with linguistic structuralism¹. However, the interpretation of this concept is a matter of agreement.

1.1. Morphosyntax and F-constructions

The author of the well-known manual “Introduction to Linguistics”, Anatoly Shaikevich [Shaikevich 2005: 76], defines constructions as ways of combining language signs into complex expressions. He argues it is reasonable to reserve the term ‘construction’ for syntactic expressions: “Let us agree to call rigid constructions ‘models’, and other constructions — ‘constructions’, as before. Then one can draw the boundary between two traditional components of grammar: *morphology* deals with models and their meanings, *syntax* — with constructions and their meanings” [ibid.: 77]. This definition is as good as it gets: it tells the reader that S(yntax) is *S*, M(orphology) is *M*, and constructions pattern with *S*. However, it has a drawback: the author assumes that *M* and *S* operate with non-intersecting sets of rules, each of them corresponding to its representation level. The validity of this assumption can be challenged [Marantz 1997]. Many mechanisms of grammar, e.g., assignment of case, require that *M* and *S* interact. The same holds for the semantics-to-grammar interface. If linguists want to explore how the meaning of goal or concession is expressed in Russian [Kustova 2023 / this volume], Old Russian [Ptentsova 2023 / this volume], or Khwarshi [Volina 2023 / this volume] polypredicative complexes (\approx ‘goal constructions’, ‘concessive constructions’), they must account both for morphology, e.g., the form of the predicate, case and agreement markers, and for syntax, e.g., word order, clausal structure, selectional restrictions on finite and infinite complements. It is, therefore, better not to ignore morphology in the definition of constructions.

The domain where *M* and *S* interact is *morphosyntax* ($M \bullet S$). Depending on the language model, $M \bullet S$ can be identified either with $M \cup S$ or with $M \cap S$. Language diversity is captured with either approach. Let us introduce the notion of F-construction, i.e., construction expressing the feature *F*. Linguistic ty-

¹ It is an open issue whether linguistic structuralism exists as a school in our day. However, this brand is revived with polemic purpose when the adepts of generative, functional, or cognitive linguistics refer to ‘structural notions’ or ‘structural approaches’. A different perspective is displayed by the Universal Decimal Classification (Russian: *UDK*): it recognizes ‘Structure. Structural linguistics’ (81-116) as a branch of linguistics, with subdivision into ‘Prague school’ (81.116.3), ‘Copenhagen school (Loius Hjelmslev)’, ‘Glossematics’ (81.116.4), ‘American structuralism (Zelig Harris)’ (81.116.5.), ‘Tagmemics. Tagmemic grammar (Kenneth Pike)’ (81.116.7), and even ‘Generative linguistics (Noam Chomsky)’ (81.116.6).

pology does not need preliminary consensus about the pool of grammatical features to analyze F-constructions in language L or all world's languages, cf. the pioneer works in the field entitled 'Typology of causative constructions' [Kholodovich 1969] and 'Typology of resultative constructions' [Nedyalkov 1983]. We claim that two conditions are required: a) one must define F explicitly as a universal semantic value; b) one must specify what kind of mapping between F and the grammatical form is licit. Requirement a) implies that F is mapped to grammar but not identical to the meaning of F-construction in any language, so that the meaning of 'goal' should not be defined circularly via the meaning of F-constructions as 'the meaning expressed by clauses with the complementizer *chtoby* in Russian or clauses with the marker α in Khwarshi, or clauses with the marker β in language L '. Requirement b) implies that the definition of F-construction is restrictive, and some texts of L might not count as causative or resultative constructions even if they contain an element expressing the causative or resultative meaning.

1.2. Lexicon, grammar, constructions

Classical language models distinguish *lexicon*, i.e., information stored in the memory, and principles of computation, i.e. *grammar*: this distinction applies to formal and natural languages. The boundary between lexicon and grammar depends on two factors — a) the amount of information the linguist wants to be stored; and b) the complexity of grammatical rules or principles [Grashchenkov 2016]. The frameworks claiming the name of 'construction grammar' give the lie to the idea that all language phenomena are unambiguously classified either with G (rammar) or Lex (icon).

Modest constructionists, cf. [Kopotev, Steksova 2016], assume that core language phenomena can be classified with G or Lex , but there is a grey zone with complex expressions that pattern both with G and Lex . The criteria by which language expressions end up in the grey zone include idiomaticity, since idioms are stored but have the same build as free combinations [Mel'čuk 2023], and size, since idiom chunks are merged into larger parts of structure, hence the identification of constructions with 'microsyntax' [Apresyan et al. 2010: 169–192].

Radical² constructionists claim that all complex expressions are idioms with a non-compositional meaning [Goldberg 2016]. All expressions the meaning of

² The term 'radical construction grammar' is coined by Croft [2001], whose own version is nevertheless not radical enough compared with [Jackendoff 2013] and [Goldberg 2016].

which is not predictable are language-specific, which holds both for the elements of *Lex* and for the elements of *G* (under the radical constructionist approach). This program has an anti-universalist message and feeds on the idea that idioms are assembled top-to-down. If most or all complex expressions are idioms, the view that syntactic structure is generated down-to-top [Chomsky 1995] is untenable. The most far-fetched formulation comes from Jackendoff [2013: 78], who argues that since every piece of structure is stored in the memory, there is no theoretically valid distinction between *Lex* and *G*, e.g., between words (=‘lexical constructions’ in terms of Jackendoff), idioms, phrase structure rules and ‘meaningful constructions’.

This position is inconvenient for typology since aprioristic claims like ‘everything in the language is X’ lead back to universal frameworks. Unsurprisingly, even the sympathizers of the constructionist approach from the camp of typologists revert to its modest versions. Haspelmath [2023] defines ‘construction’ in the following way:

“A construction is a conventional schema for creating or motivating well-formed expressions in which there is at least one open slot that can be filled by one or several expressions that belong to the same form-class” [Haspelmath 2023: 11].

This definition, as Haspelmath specifies [ibid.], excludes morphs (on the author’s account, they do not take open slots) and lexical items. Neither does it appeal to the idea that constructions are stored in the mental lexicon *pace* Jackendoff or Goldberg. Haspelmath’s position is close to Shaikevich’s [2005]: constructions are complex expressions with open slots; it makes sense to stipulate that such expressions are characteristic of syntax, not morphology. Both authors assume that constructions bring about form-meaning pairings. One might ask what makes linguists take the existence of such pairings for granted. We suggest two factors are in play. The first one is tradition. It is customary to use labels like ‘impersonal construction’ [Malchukov, Siewerska 2010], ‘pseudocleft construction’ [Ozhogova 2023], ‘cardinal construction’ [Corbett 1993], ‘approximative construction’ [Franks 1994], ‘raising construction’ in Russian, Germanic studies and elsewhere. The second one is the need to adopt a version of the semantics-to-grammar interface. Let us assume that language *L* has *n* constructions, and if *Con_k* is a construction of *L*, it has the meaning $m_k \in \{m_1, \dots, m_n\}^{CON}$. Given that constructions of *L* are linked with unique meanings, one can try the following definition:

- (1) A construction of *L* is a conventionalized part of syntactic structure of *L* that brings a unique form-meaning pairing.

The term ‘conventionalized’ comes from [Croft 2001: 19]. It implies that the partition of semantic structure into the meanings expressed by a variety of constructions is language-specific but does not say anything about the possibility of finding identical constructions in different languages. We address this issue in the following sections.

2. Universals and language-specific parts of morphosyntax

Semantics is the tertium comparationis of typology [Croft 2003], and logical semantics is its core. The claims that all constructions are language-specific and all constructions are idiomatic are potentially conflicting.

2.1. Logical semantics and variation

All languages are exposed to the same logical structure and presumably have cues for expressing any logical functions and distinctions. However, linguists often fail to show that specific categories are *grammaticalized* or *lexicalized* in *L*. It is not straightforward whether *factivity*, i.e., relation of the subject to the truth of the proposition and the feature of predicates triggering the presupposition by the speaker that the complement of the sentence expresses a true proposition [Kiparsky 1970], is *grammaticalized* in *L* insofar factive versus non-factive clauses always have different syntax in *L*³ or *lexicalized* in *L* so that *L* has a class of verbs that only combine with true propositions, cf. an attempt to refute the existence of factive verbs in [Hazlett 2010]. We argue it is better to accept the strong null hypothesis that there is no variation in logical structure [Matthewson 2001] than assume an agnostic position that one must get a complete knowledge of the language diversity to tell whether the distinction of factive versus non-factive meanings is universal. The no-variation hypothesis extends to quantification and logical form (LF) of questions. Zimmerling [2023a / this volume] takes a stand to Hamblin semantics. According to this model, an answer to the question is a choice on the set of exhaustive alternatives, and questions of all kinds contain the operator *Q* introducing or manipulating the alternatives. In *wh*-questions and alternative questions, *Q* is straightforwardly

³ This issue is touched on by Volina [Volina 2023 / this volume].

identified with *wh*-words and disjunction, but polar (yes/no) questions can be built without overt Q: some languages, including English, do not use *yes-no* particles in polar questions at all⁴. A linguist can consider visualization of Q an interface condition for well-formed questions with Hamblin semantics. Some scholars argue that polar questions lack it and do not introduce a choice between p or $\neg p$. This argument only makes sense if it applies to all languages. The ' p or $\neg p$ ' meaning is a function of standard logic. Therefore, all polar questions must be uniform across the world's languages and have the same LF.

2.2. Logical Form and constructions

It is weird to claim that English and Russian polar questions have different LFs because Russian has a yes-no particle *li* and English lacks it. An approach like this would obscure the description of languages where the yes-no marker is optional. Both (2) and (3) are polar questions in Russian. What differentiates them is not LF but morphosyntax. If the yes-no marker *li* is present, verb movement is obligatory as in (2). If a polar question is marked with prosody alone, as in (3), verb movement is optional. In the notation of (2)–(3), we tag the rising accent HL*L- with '↗' and put the tag before the accent bearer.

(2) Russian

A: [_{PQ} ↗ *Chital*_{PST.3SG.M} *li*_{PRT} *Ivan*_{NOM.SG.M} *etu stat'yu?*]
 'Did John read that paper?'

B: *Da.* / *Net.*
 'Yes.' / 'No.'

(3) Russian

A: [_{PQ} *Ivan*_{NOM.SG.M} ↗ *chital*_{PST.3SG.M} *etu stat'yu?*]
 'Did John read that paper?'

B: *Da.* / *Net.*
 'Yes.' / 'No.'

⁴ The subject-auxiliary inversion in English questions can be interpreted as evidence for null complementizer. Another proposal of restoring Q in the syntax of polar questions is based on the conjecture that they contain a deleted *or not* part and are alternative questions in disguise. Semantic scholars usually do not stick to this conjecture since the absence of the *or not* part and its presence contribute to different readings.

Russian particle *li* is a 2P element. It requires overt clausal material in the first position, but the correlation between the position of *li* and verb movement is not trivial. Russian licenses questions like (4a-b), where *li* attaches to the focused initial constituent, but they have the LF of alternative, not polar questions, and convey the meaning $\llbracket ? \llbracket_{\text{ALTQ}} (p \vee q) \rrbracket \rrbracket$.

(4) Russian

- a. $\llbracket_{\text{ALTQ}} \nearrow$ **Voloshinov**_{NOM.SG.M} *li*_{PRT} *napisal*_{PST.3SG.M} *etu*_{PROX.ACC.SG.F} *knigu*_{ACC.SG.F}
 < *ili kto-to drugoi* > ?
 ‘Did Voloshinov write that book < or did someone else do it > ?’

- b. $\llbracket_{\text{IQ}} \nearrow$ **Voloshinov**_{NP1} *li*_{PRT} *napisal*_{PST.SG.M} *etu*_{PROX.ACC.SG.F} *knigu*_{ACC.SG.F} *ili Bakhtin*_{NP2}], *Bakhtin pod nei ne*_{NEG} *podpisalsya*_{PST.SG.M.REFL}.
 ‘Whether Voloshinov wrote that book or Bakhtin did it, Bakhtin did not sign it.’

Thus, the combination of verb movement with the yes-no particle *li* is diagnostic for the meaning $\llbracket ? \llbracket_{\text{PQ}} (p \vee \neg p) \rrbracket \rrbracket$, which makes (2) a question construction displaying the LF of polar questions. Likewise, (3) is another question construction. Verb movement and rising prosody are widespread cues encoding the meaning of polar questions. A linguist may want to explore whether the distinction between (2) and (3) holds in languages with similar cues, e.g., in English. Example (5) is a standard question derived by auxiliary movement, while (6) is a so-called rising declarative, i.e., structure with the word order and morphosyntax of declarative sentences but prosody and illocutionary force of a polar question.

(5) English

Did John read that / any paper? question; + verb movement

(6) English

*John read that / *any paper?* rising declarative; –verb movement

(5) and (6) are question constructions in their own right, and transferring the label ‘rising declarative’ to the overtly similar example (3) does no harm. However, one should not mix up the properties of these constructions. (6) is a pragmatically marked question, where the speaker is biased against *p* and expects the confirmation that $\neg p$ is true. At the same time, (3) is a neutral polar question: its form does not disclose whether the questioner expects *p* or $\neg p$.

Discourse particles like the Russian *razve* ‘X doubts that p’ (in positive polar questions) or ‘isn’t it’ (in negative polar questions) have more complicated meanings than question markers. The lexicographical description of *razve* and its quasi-synonym *neuzheli* contains a ten-page instruction on how to differentiate these items and make them felicitous in the appropriate contexts [Bulygina, Shmelev 1997: 270–281]. Particles *razve* and *neuzheli* are stored in the lexicon, but clauses with *razve* and *neuzheli* can be interpreted as language-specific constructions⁵. Here, we arrive at the puzzle. Since *razve*- and *neuzheli*-constructions are questions, they must have a universal part, notably the meaning of polar question, plus the non-universal (possibly presuppositional) part projected by the lexical meanings of these particles. A straightforward way to solve this puzzle is to assume that semantic components of a construction combine compositionally. Thus, the strong null hypothesis predicting no variation in logical structure leaves little space for the idea that language-specific constructions are idiomatic.

3. Identifying constructions and cross-linguistic categories

The parametrization of language diversity requires an apparatus that applies to all languages. A morphological case like superessive is attested in the minority of case languages, and only minority of the world’s languages have morphological case, but definitions of ‘superessive’ and ‘morphological case’ should be uniform. For those authors who insist on the terminological distinction between *comparative concepts*, i.e., descriptive labels originating from observations on some datasets, e.g., Hungarian and Lezgian case systems or on large samples of languages, versus *universal categories* coming from axiomatic theories [Haspelmath 2018], the apparatus of typology mainly consists of cross-linguistic categories. Otherwise, this dispute about the terms reflects the polemics between different schools in typology rather than the relation between typology and other branches of linguistics. A non-linguist would probably treat all comparative concepts as universal, albeit in a different sense than logical functions ‘&’, ‘∨’, ‘→’.

⁵ Note that clauses with *razve* and *neuzheli* are constructions both according to the criterion in (1) since they bring about unique form-meaning pairings and according to the Haspelmath’s definition since discourse particles take propositional arguments and project a structure with open slots that can be filled with different syntactic expressions.

The concept of verb movement comes from axiomatic theories (generative syntax), but if the criteria of diagnosing verb movement are operational, one can parametrize the class of languages with verb movement. Linguistic theories are always motivated by some data, but the statements that the concept of verb movement emerged from studies in German and Dutch syntax, the concept of rheme was initially motivated by Czech word order, and the concept of raising emerged from descriptions of several English constructions contribute little to language theory. The notions of rheme [Mathesius 1939], verb movement [Den Besten 1983, Pollock 1989], argument raising [Postal 1974], backward control [Polinsky, Potsdam 2006] make sense if they are treated as general cross-linguistic categories / universal notions and not as ad hoc labels introducing language-specific data. This does not cancel the need to develop typologies of raising constructions, control constructions, constructions with verb movement, etc.

3.1. Multiple partitions of semantic structure

Semantic structure exposed to n constructions of language L can be partitioned in many ways. One gets different lists of Russian, Chechen, or Khwarshi constructions in the scenario where a linguist explores the mapping of causal, conditional, and concessive semantics to morphosyntax of these languages, in the scenario where a linguist explores the distribution of control and raising predicates, and in the scenario where a linguist identifies verb constructions as generalized schemes corresponding to thematic verb classes, i.e., activity, perception, modal and phase verbs. Some correlations are expected: modal and phase verbs are often associated with raising / functional restructuring construals, but one has to prove that they hold in L or a sample of languages.

3.2. Constructions and form-meaning pairings

Kustova [Kustova 2023 / this volume] addresses a variety of Russian constructions with the complementizer *chtoby* ‘that, to’. Pretheoretically, this element is often glossed as a goal or irrealis marker. In some cases, *chtoby* is licensed lexically by matrix clause verbs or matrix clause nouns with abstract or concrete semantics (= argument *chtoby*-clauses). In other cases, it is licensed configurationally by the predicate construction (= adjunct *chtoby*-clauses). Kustova argues that there is a grey zone between these poles. While canonic argument and adjunct *chtoby*-clauses are constructions only in the broad sense captured by our definition (1), *chtoby*-clauses from the grey zone presumably conform to more rigid criteria of construction grammar. Of particular interest are construc-

tions she calls semi-goal *chtoby*-clauses. Canonic goal clauses require that the matrix clause has an agreeing agentive subject with complete control over the produced action: *On vernulsya na rodinu, [GC chtoby igrat' v teatre]* 'He <consciously> **returned** to his home country [GC to play in the theater]'. Semi-goal constructions realize a deviant meaning 'X has a resource / X wants to get a resource to achieve one's goal or to make one's wish come true'. This meaning, as Kustova shows, is contributed by abstract nouns with resource semantics, cf. *predlog* in the meaning 'excuse': *On stal iskat' predlog^{RESOURCE}, [SGC chtoby rasstat'sya s lyubovnitsej]* 'He began to look for an **excuse^{RESOURCE}** [SGC to break up with his mistress]'. These facts suggest that Russian *chtoby*-clauses have an underspecified meaning, and their final interpretation comes from the interaction of the complement and matrix clauses.

Kustova's paper provides a fine-grained analysis of event structure and predicative meanings expressed by goal-like clauses sharing the same complementizer. Her analysis waits for typological approbation while Volina [Volina 2023 / this volume] implements the classifications of concessive constructions proposed earlier in [Haspelmath, König 1998] and [Khrakovskii 2024] in the analysis of Khwarshi proper. This practice is well-founded when linguists deal with understudied endangered idioms. In Khwarshi proper, concessive constructions have a generalized marker, converb affix *-lanna*, which is suffixed to the verb of the dependent clause. The linear order of protasis (main clause) and apodosis (embedded clause) is not a constraining factor. However, if a concessive construction combines with the adversative conjunction *henna* 'but', the protasis cannot follow the apodosis. Volina argues that Khwarshi concessives are not sensitive to factivity and taxis semantics. This language licenses concessive constructions in contexts of different types. By default, the protasis denotes a single referential situation, but the speakers can also express complex meanings, where the protasis denotes a pair of alternatives: '[*p* or \neg *p*], X will make *q*', or a set of possibilities: '[no matter, how much the candies cost], X will buy them'. Moreover, *wh*-words, cf., *dajcci* 'how much' in (7), combine with expressions introducing pairs of exhaustive alternatives. This makes (7) an idiosyncratic Khwarshi construction with alternative semantics.

(7) Khwarshi, after [Volina 2023 / this volume (32)]

[CONC IQ	<i>dajcci</i>	<i>baha</i>	<i>b-eča-lanna</i>	<i>b-eč-aj-lanna]</i>
	how.much	price[ABS]	III-be-CONC	III-be-NEG-CONC

de kila kampitte-ba l-e:za
 I.ERG kilogram candy-PL[ABS] NHPL-take.GNT

‘No matter how much the candies cost, I’ll buy one kilogram’, lit.: ‘How much the candies **cost do not cost**, I buy one kilogram.’

The presence of the *wh*-word *dajcci* ‘how much’ makes it possible to analyze the first clause in (7) as an indirect question since the clause does not contain any overt indefinite markers. This intuition is backed by exhaustive (Hamblin) semantics characteristic of indirect questions [Karttunen 1977]. From the perspective of other languages, the combination of two Hamblin operators — the *wh*-word and the disjunction introducing the ‘*p* or $\neg p$ ’ expression *b-eča-lanna b-eč-aj-lanna* is pleonastic, but it is difficult to say which one is redundant here.

Ptentsova [Ptentsova 2023 / this volume] discusses a fragment of Old Russian grammar. The function word *ati/oti* has a non-trivial derivation history. It is a clitic word consisting of the additive/adversative proclitic particle *a* ‘and’, ‘but’, and verification enclitic particle *ti* ‘indeed’, ‘really’. The puzzle is that free Old Russian *ti* is primarily used in indicative contexts [Zaliznyak 1993: 299] and typically refers to the real world, while *ati/oti* is an irrealis marker. Its status as a particle or complementizer is less clear. Ptentsova shows that in the Early Old Russian period, one deals with diverse *ati/oti* constructions rather than a uniform construction with a fully grammaticalized complementizer. The optative uses of *ati/oti* are a plausible source of the goal uses of *ati/oti*, while the reverse evolution is unlikely. Canonic optative *ati/oti*-clauses conveying the meaning ‘let it be *p*’ occur in direct speech. Some examples are two-way ambiguous between optative and goal readings: the optative readings can be rendered in Modern Russian via particles *pust’*, *puskai* or *davai*, while the goal reading can be rendered via Modern Russian *chtoby*-clauses. Some contexts exemplify the transition from optative to goal semantics. In (8), an optative reading is excluded.

(8) Old Russian, after [Ptentsova 2023 / this volume (11)]

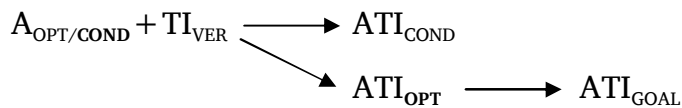
no vam” dwstoino s”prashivati s” tikhostiyu
 but 2PL.DAT worthy.PRED ask.INF with quietness.INSTR.SG

[_{GC} *at’ wniem” legko poviedyvati*].
 COMP 3PL.DIST.DAT easily.PRED respond.INF

‘But you should ask them quietly [_{GC} ATI to make it easy for them to answer].’

Several examples show the third facet of *ati/oti*-clauses: they can also express a conditional meaning. This fact is surprising, provided that Old Russian has many other conditional markers, and there are no obvious paths from either optative or goal *ati/oti* to conditional *ati/oti*. Ptentsova assumes that conditional meaning is old and dates back to the period where *a + ti* was a combination of two function elements, with optative/conditional semantics presumably coming from the proclitic *a* alone. This scenario implies the following map of irrealis meanings:

- (9) Semantic map of Old Russian irrealis meanings,
adapted from [Ptentsova 2023 / this volume]

If Ptentsova's reconstruction is justified, the evolution of the function word *ati/oti* has a single meaning shift *ati*_{OPT} 'let it be *p*' → *ati*_{GOAL} 'in order to realize *p*' that looks predictable. If the matrix clause subject has semantic control over *p*, the second clause can be interpreted as a planned action, and *ati/oti* is reanalyzed as a goal complementizer.

4. Constructions across the world's languages: Similar or different?

The default hypothesis with cross-linguistic comparison is that two constructions are never identical even if they show similar form-meaning pairings, but they can belong to the same class of constructions. Consequently, the task of linguistic typology is to develop diagnostics for classes of constructions, not for isolated constructions like the alternative concessive construction in Khwarshi in (7) or Old Russian goal *ati*-construction in (8). Linguists occasionally try to guess external parallels to the constructions they describe.

Shushurin [Shushurin 2023 / this volume] shows that two Chechen transitive phase verbs with the meanings 'to start something' and 'to finish something' invariably take transitive complements and explains this condition as transitive concord across the clausal boundary. This mechanism is poorly described, and the author compares the Chechen construction with German long-distance passive. This parallel is extravagant since German is an accusative-nominative language with the category of voice, while Chechen is an ergative language without voice and with quite different morphosyntax. A closely ge-

netically related Nakh language, Ingush, has a similar construction with transitive phase auxiliaries *d.uola.d.u* ‘start something’ and *chaqq.d.oaqq* ‘finish something’. The author of the Ingush grammar, Johanna Nichols, who dubs the Ingush construction ‘transitivity attraction’, assumes that the subject of the phase auxiliary belongs to the complement clause [Nichols 2011: 482-484]. In this case, the Ingush ‘transitivity attraction construction’ can be straightforwardly explained in terms of backward control, i.e. Equi-deletion of the matrix clause subject. Shushurin, however, argues that the agreement controller is located in the matrix clause. In that case, the Chechen ‘transitivity concord construction’ instantiates forward control with Equi-deletion of the complement clause subject. The parallel with German is only possible with the forward control analysis of Chechen (and Ingush) data. There is one more difficulty with the Chechen versus German comparison. The German long-distance passive in sentences like (10) can be interpreted as argument raising from the deepest embedded clause with subsequent restructuring, i.e. removal of the clausal boundary.

(10) German

$[_{CP}$ <i>dass</i> die	Lok	und	der	Wagen
that ART.NOM.F.SG	loco[F].NOM.SG	and	ART.NOM.M.SG	carriage[M].NOM.SG

<i>[zu reparieren</i>	<i>[versucht</i>	<i>wurd-en]]]</i>
to repair.INF	attempt.PST.PTCP	AUX.PST-3PL

‘... that one tried to fix the loco and the railway car’, lit.: ‘that [**the loco and the railway car**]_i were attempted to repair _{-i}’.

An analysis of Chechen and Ingush phase auxiliaries as raising predicates that undergo restructuring (in other terms — *clause union*) has not been proposed so far.

Turning back to Old Russian *ti*-clauses, another remarkable parallel was hinted at by Andrei A. Zaliznyak, who compared the discourse particle *ti* (= *ti₁*) he discovered in Old Russian with the Arabic particle ‘*inna* ‘verily’, ‘really’ [Zaliznyak 1993: 299]. Both particles are verification markers, but Arabic and Old Russian constructions differ. Arabic ‘*inna* is only used in nominal, i.e., tenseless clauses and changes the morphological case of the NP. Old Russian *ti₁* is used in verbal and copular, i.e., tensed clauses, and does not change the case form of the clausal subject. Therefore, the observation that neither ‘*inna* nor *ti₁* combine with the imperative does not prove that Arabic ‘*inna*-clauses and Old Russian *ti₁*-clauses belong to the same class of constructions. For Arabic ‘*inna*, the ab-

sence of imperative contexts trivially follows from the fact that nominal clauses lack imperative mood, while for Old Russian ti_1 , this constraint is not trivial [Zimmerling 2023b: 140].

5. Conclusions

We assessed programmatic claims about constructions and construction grammar and valued them across selected studies in language diversity. Grammatical constructions are always language-specific but not necessarily idiomatic. Semantics is the tertium comparationis of typology, cross-linguistic categories uniformly apply to all languages. If one assumes the strong null hypothesis claiming no variation in logical structure, there is little space for the idea that universal and non-universal components of grammatical constructions interact in a non-compositional way. Claims about mental lexicon and mental grammar are orthogonal to the typology of constructions.

Abbreviations

III — third agreement class; ALTQ — alternative question; ART — article; AUX — auxiliary; ABS — absolutive; COMP — complementizer; CONC — concessive; COND — conditional; DIST — distal; F — feminine; GC — goal clause; GNT — general tense; INF — infinitive; INSTR — instrumental; IQ — indirect question; LF — logical form; M — masculine; NEG — negation; NHPL — non-human plural; NP — noun phrase; OPT — optative; PL — plural; PQ — polar question; PRED — predicative; PROX — proximal; PRT — particle; PST — past tense; PTCP — participle; REFL — reflexive; SG — singular; SGC — semi-goal clause; VER — verum.

References

- Apresyan et al. 2010 — Apresyan Yu.D., Boguslavskii I.M., Iomdin L.L., Sannikov V.Z. Teoreticheskie problemy russkogo sintaksisa. Vzaimodeistvie leksiki i grammatiki [Theoretical Problems of Russian Syntax. Interaction of Lexicon and Grammar]. Moscow: Yazyki slavianskoi kul'tury, 2010 (in Russian).
- Bulygina, Shmelev 1997 — Bulygina T.V., Shmelev A.D. Yazykovaya kontseptualizatsiya mira (na materiale russkoi grammatiki) [Language Conceptualization of the World: Based on Russian Grammar]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 1997.
- Chomsky 1995 — Chomsky N. *The Minimalist Program*. (Current Studies in Linguistics 28.) Cambridge, MA: MIT Press. 1995.
- Corbett 1993 — Corbett, Greville. 1993. The head of Russian numeral expressions. In Fraser N.M, Corbett G.G., McGlashan S. (eds.). *Heads in grammatical theory*, Cambridge: Cambridge University Press. 1993. Pp. 11–35.
- Croft 2001 — Croft W. *Radical Construction Grammar: Syntactic Theory in Typological Perspective*. Oxford: Oxford University Press. 2001.

- Croft 2003 — Croft W. *Typology and Universals*. 2nd edition. Cambridge: Cambridge University Press. 2003.
- Den Besten 1983 — Den Besten H. On the Interaction of Root Transformations and Lexical Deletive Rules. *On the Formal Syntax of the Westgermania: Papers from the 3rd Groningen Grammar Talks (3e Groninger Grammatikgespräche)*. Abraham W. (ed.). Groningen. 1983. <https://doi.org/10.1075/la.3.03bes>
- Franks 1994 — Franks, S. 1994. Parametric properties of numeral phrases in Slavic. *Natural Language and Linguistic Theory*. 1994. Vol. 12. No. 4. Pp. 570–649.
- Goldberg 2016 — Goldberg A. Compositionality. *The Routledge Handbook of Semantics*. Riemer N. (ed.). London, New York: Routledge, 2016. Pp. 419-433.
- Grashchenkov 2016 — Grashchenkov P.V. Morphology: View from Syntax. *Voprosy jazykoznanija*. 2016. No.6. Pp. 7- 35 (in Russian).
- Haspelmath 2018 — Haspelmath M. How comparative concepts and descriptive linguistic categories are different. *Aspects of Linguistic Variation* [Trends in Linguistics, 342.] Van Olmen D., Mortelmans T., Brisard P. (eds.). Mouton de Gruyter. 2018. Pp. 84-113. <https://doi.org/10.1515/9783110607963-004>
- Haspelmath 2023 — Haspelmath M. On what a construction is. *Constructions*. 2023. Vol. 15. No. 1. Pp. <https://doi.org/10.24338/cons-539>.
- Haspelmath, König 1998 — Haspelmath M., König E. Concessive conditionals in the languages of Europe. *Adverbial Constructions in the Languages of Europe*. Van der Auwera J. (ed.). Berlin, New York: De Gruyter Mouton. 1998. Vol. 9. No. 3. Pp. 563-640.
- Hazlett 2010 — Hazlett A. The Myth of Factive Verbs. *Philosophy and the Phenomenological Research*. 2010. Vol. 80. No. 3. Pp. 497–522. <https://doi.org/10.1111/j.1933-1592.2010.00338>
- Jackendoff 2013 — Jackendoff R. Constructions in the Parallel Architecture. *The Oxford Book of Construction Grammar*. Hoffmann T., Trousdale G. (eds.). Oxford: Oxford University Press. 2013. Pp. 70-92.
- Karttunen 1977 — Karttunen L. Syntax and semantics of questions. *Linguistics and Philosophy*. 1977. No. 1. Pp. 3–44.
- Kholodovich 1969 — Kholodovich A.A. (ed.) *Typology of Causative Constructions. The Morphological Causative*. Leningrad: Nauka. 1969 (in Russian).
- Khrakovskii 2004 — Khrakovskii V.S. Concessive Constructions: Semantics, Syntax, Typology]. In Khrakovskii V.S. (ed.). *Typology of Concessive Constructions*. St.Petersburg: Nauka. 2004. Pp. 9–91 (in Russian).
- Kiparsky 1970 — Kiparsky P., Kiparsky C. Fact. In Bierwisch M., Heidolph K.E. (eds.). *Progress in Linguistics: A collection of Papers*, The Hague – Paris: Mouton, 1970. Pp. 143-173.
- Kopotev, Steksova 2016 — Kopotev M.V., Steksova T.I. Isklyuchenie kak pravilo: perekhodnye edinitiy v grammatike i slovare. [Exception as Rule: Transitional Units in Grammar and Lexicon]. Moscow: Yazyki slavianskoi kul'tury. 2016. (in Russian).
- Kustova 2023 — Kustova G. Systemic relations of constructions with the conjunction *chtoby* 'to'. *Typology of Morphosyntactic Parameters*. 2023. Vol. 6, iss. 2. Pp. 52–72. (In Rus.) [doi:10.37632/PI.2023.27.79.003](https://doi.org/10.37632/PI.2023.27.79.003)
- Malchukov, Siewerska 2011 — Malchukov A., Siewerska A. (eds.). *Impersonal Constructions*. Amsterdam – Philadelphia: John Benjamins. 2011.
- Marantz 1997 — Marantz A. No escape from syntax: don't try morphological analysis in the privacy of your own lexicon. In A. Dimitriadis, L. Siegel, C. Surek-Clark, and A. Williams (eds.). *Proceedings of the 21st Penn Linguistics colloquium*, UPenn Working Papers in Linguistics Philadelphia: University of Pennsylvania. 1997. Pp. 201–225.

- Mathesius 1939 — Mathesius W. O tak zvaném aktuálním členění věty. *Slovo a slovesnost*. Vol. 5. 1939. Pp. 171-174.
- Matthewson 2001 — Matthewson L. Quantification and the Nature of Crosslinguistic Variation. *Natural Language Semantics*. 2001. Vol. 9. Issue 2. Pp. 145-189.
- Mel'čuk 2023 — Mel'čuk I. *General Phraseology. Theory and Practice*. John Benjamins. 2023.
- Nediyalkov 1983 — Nediyalkov V.P. (ed.). *Tipologiya rezul'tativnykh konstruksii (rezul'tativ, passiv, stativ, perfekt)* [Typology of Resultative Constructions (Resultativ, Passive, Stative, Perfect)]. Leningrad: Nauka. 1983. (in Russian.)
- Nichols 2011 — Nichols J. *Ingush Grammar*. Berkeley, Los Angeles, London. University of California Press.
- Ozhogova 2023 — Ozhogova E.A. The Syntax of Pseudoclefts (kto X, take to Y) in Russian // Typology of Morphosyntactic Parameters. 2023. Vol. 6. Issue 1. Pp. 70-89 (in Russian.) doi:10.37632/PI.2023.74.73.003
- Paducheva 1985 — Paducheva E.V. *Vyskazyvanie i ego otnesenost' k deistvitel'nosti* [A Sentence and its Referentiality]. Moscow: Nauka, 1985 (in Russian).
- Polinsky, Potsdam 2006 — Polinsky M., Potsdam E. Expanding the Scope of Control and Raising. *Syntax*. Vol. 9. No. 2. 2006. Pp. 171-192.
- Pollock 1989 — Pollock J.-Y. Verb Movement, Universal Grammar, and the Structure of IP. *Linguistic Inquiry*. 1989. Vol. 20. Pp. 365–424.
- Postal 1974 — Postal P. *On Raising*. Cambridge, MA: MIT Press. 1974.
- Ptentsova 2023 — Ptentsova A. Semantics and syntactic roles of the function word *ati/oti* in Old East Slavic texts. *Typology of Morphosyntactic Parameters*. 2023. Vol. 6, iss. 2. Pp. 73–91. (In Rus.) doi:10.37632/PI.2023.76.55.004
- Rakhilina 2010 — Rakhilina E.V. (ed.). *Grammatika konstruksii* [Construction grammar]. Moscow: Azbukovnik. 2010. (in Russian.)
- Shaikevich 2005 — Shaikevich A.I. *Vvedenie v lingvistiku* [Introduction to Linguistics]. Moscow: Nauka, 2005. (in Russian.)
- Shushurin 2023 — Shushurin Ph. Transitivity Concord in Chechen. Long-Distance Passive without passivization. *Typology of Morphosyntactic Parameters*. 2023. Vol. 6, iss. 2. Pp. 136–160. (In Rus.) doi:10.37632/PI.2023.72.40.006
- Volina 2023 — Volina M. Concessive constructions in Khwarshi proper. *Typology of Morphosyntactic Parameters*. 2023. Vol. 6, iss. 2. Pp. 31–51. (In Rus.) doi:10.37632/PI.2023.54.43.002
- Zaliznyak 1993 — Zaliznyak A.A. Towards studying the language of birch bark manuscripts. Yanin V.L., Zaliznyak A.A. (eds.). *Novgorod Birch Bark Letters*. Vol. IX. Moscow: Nauka, 1993. Pp. 191–321. (in Russian.)
- Zimmerling 2023a — Zimmerling A. Biased questions and Hamblin semantics. *Typology of Morphosyntactic Parameters*. 2023. Vol. 6, iss. 2. Pp. 92–135. doi:10.37632/PI.2023.94.43.005
- Zimmerling 2023b — Zimmerling A.V. Really: Syntactics without semiotics? *Slovo.ru. The Baltic accent*. 2023. Vol. 14 (3). Pp. 125-153 (in Russian). doi: 10.5922/2225-5346-2023-3-9

Статья поступила в редакцию 20.12.2023; одобрена после рецензирования 26.12.2023; принята к публикации 26.12.2023;
The article was received on 20.12.2023; approved after reviewing 26.12.2023; accepted for publication 26.12.2023.

Антон Владимирович Циммерлинг✉

д.ф.н.; Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина / Институт языкознания РАН

Anton Zimmerling✉

Dr. Phil. Hab.; Pushkin State Russian Language Institute / Institute of Linguistics RAS

fagraey64@hotmail.com✉

Екатерина Анатольевна Лютикова

д.ф.н.; МГУ имени М.В. Ломоносова / Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

Ekaterina Lyutikova

Dr. Phil. Hab.; Lomonosov Moscow State University / Pushkin State Russian Language Institute

lyutikova2008@gmail.com

Научная статья / Original article

УДК 81-114.2

doi:10.37632/PI.2023.54.43.002

УСТУПИТЕЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В СОБСТВЕННО ХВАРШИНСКОМ*

М.А. Волина

Российский государственный гуманитарный университет

Аннотация: В статье описаны уступительные конструкции в собственно хваршинском диалекте хваршинского языка. Для хваршинского основным и, возможно, единственным средством выражения уступительных отношений являются полипредикативные конструкции с уступительными конвербами.

В первой части работы приведено морфологическое описание хваршинских уступительных конвербов и некоторые сведения о синтаксических свойствах конструкций с ними.

Во второй части мы характеризуем хваршинские уступительные конструкции в типологической перспективе. Хваршинская система интересна, например, отсутствием грамматических средств для выражения фактивности протасиса и, соответственно, неразличением условно-уступительных и причинно-уступительных конструкций, а также наличием «гибридных» конструкций, которые сочетают в себе признаки альтернативных и универсальных.

Ключевые слова: хваршинский язык, уступительные конструкции, генерализованные уступительные конструкции, конвербы, полипредикация, синтаксические нули, фактивность

Для цитирования: Волина М.А. Уступительные конструкции в собственно хваршинском // Типология морфосинтаксических параметров. 2023. Том 6, вып. 2. С. 31–51. doi:10.37632/PI.2023.54.43.002

* Работа выполнена в рамках проекта РГГУ «Полевое исследование грамматической семантики хваршинского языка» (конкурс «Студенческие проектные научные коллективы РГГУ»).

CONCESSIVE CONSTRUCTIONS IN KHWARSHI PROPER^{*}

Maria Volina

Russian State University for the Humanities

Abstract: The article describes concessive constructions in Khwarshi proper dialect of the Khwarshi language. For Khwarshi, the main and, perhaps, the only way to express concession relations is by using polypredicative constructions with concessive converbs.

The first part of the paper provides a morphological description of concessive converbs in Khwarshi proper and some information about their syntactic properties.

In the second part of the work, we characterize the Khwarshi concessive constructions from a typological perspective. The Khwarshi system is interesting, for example, in lacking of grammatical means for expressing the factiveness of the protasis and, accordingly, the non-distinction of conditionally concessive and causally concessive constructions, as well as the presence of “hybrid” constructions, which combine the features of alternative and universal ones.

Keywords: Khwarshi language, concessive constructions, concessive conditionals, generalized concessive constructions, converbs, polypredication, empty categories, factivity

For citation: Volina M. Concessive constructions in Khwarshi proper. *Typology of Morphosyntactic Parameters*. 2023. Vol. 6, iss. 2. Pp. 31–51. (In Rus.) doi:10.37632/PI.2023.54.43.002

1. Введение

Настоящая статья посвящена описанию уступительных конструкций в собственно хваршинском языке. Нельзя сказать, что уступительные конструкции в хваршинском совершенно не описаны — описание (наиболее полное на настоящий момент) уступительных конструкций в хваршинском можно найти в [Khalilova 2009: 415] (работа посвящена инхокваринскому диалекту хваршинского). Кроме того, конструкции с уступительным конвербом упомянуты в [Khalilova, Testeletis in press] (как и в настоящей работе, речь идёт о собственно хваршинском диалекте) и описаны, в контексте

^{*} The work was performed as part of the project “Field study of the grammatical semantics of the Khwarshi language” (contest “Student project research teams of RSUH”).

использования эвиденциальных конструкций в уступительных предложениях, в статье [Лютикова 2024: 117–121].

Существующие описания, однако, не содержат ответов на некоторые типологически значимые вопросы: возможно ли выражение видовременных характеристик на предикате с маркером уступки (уступительном конвербе), как на уступительном конвербе выражается отрицание, как маркируется фактивность протасиса¹, допустима ли нулевая анафора в таких конструкциях и какие она предполагает ограничения.

1.1. Хваршинский язык

Перед тем как перейти к непосредственному описанию хваршинских уступительных конструкций, необходимо дать справку о хваршинском языке и собственно хваршинском диалекте. Хваршинский язык принадлежит к цезской группе (или подветви) аваро-андо-цезской ветви нахско-дагестанской языковой семьи, распространён в Цумадинском, Хасавюртовском и Кизилюртовском районах Дагестана.

Хваршинский язык представлен двумя диалектами — инхокваринским и собственно хваршинским (иногда в литературе хварши-хонохский), причём внутри диалектов также выделяют более мелкие идиомы: согласно [Джидалаев и др. 2022: 16], инхокваринский диалект включает собственно инхокваринский, квантладинский, сантладинский и хвайнинский говоры, а собственно хваршинский — хваршинский и хонохский говоры. Говоры соответствуют крупным населённым пунктам, где проживают их носители.

Настоящая работа — результат анализа полевых данных, полученных от носителей собственно хваршинского диалекта, собранных в сёлах Муцалаул² и Хонох³ в 2023 году. В ряде работ, в том числе в очерке [Khalilova, Testelets in press] — самом полном на сегодня описании хварши-хонохского диалекта — собственно хваршинский описан как в достаточной степени отличный от инхокваринских идиомов, чтобы считать его отдельным языком. Тем не менее в нашей работе мы во многом опираемся на грамматическое описание [Khalilova 2009], посвящённое преимущественно инхокваринскому диалекту хваршинского языка.

¹ Выражение фактивности протасиса — существенный параметр в типологических описаниях уступительных конструкций, в частности в статье [Храковский 2004].

² Хасавюртовский район, республика Дагестан.

³ Цумадинский район, республика Дагестан.

1.2. Уступительные конструкции

Следует уточнить, что под уступительными мы понимаем конструкции, характерная черта которых — несоответствие ситуаций⁴, описанных зависимой клаузой (протасисом) и основной (аподосисом). Уступительная конструкция — это высказывание об истинности ситуации аподосиса при условии истинности ситуации (или одной из ситуаций) протасиса⁵, когда для говорящего очевидно, что истинность **P** (либо истинность $P' \in P$) в «нормальных условиях» должна снижать вероятность **Q**.

Классификационная модель, применяемая в настоящей работе, основывается преимущественно на исследовании [Храковский 2004]. Уступительные конструкции группируются на основании семантических факторов, грамматически выражаемых в конкретном идиоме:

1. количество ситуаций, охваченных протасисом (противопоставление генерализованных и негенерализованных уступительных конструкций);
2. фактивность протасиса;
3. расположение **P** и **Q** на временной оси (относительное и абсолютное).

2. Грамматические характеристики

2.1. Категория конверба в хваршинском

В хваршинском языке существует несколько нефинитных глагольных форм, среди прочих конвербы — формы, используемые для образования адвербиальной зависимой клаузы, где выступают в качестве предиката [Haspelmath 1995: 3]. Согласно [Khalilova 2009: 391], в хваршинском языке представлены две непересекающиеся группы конвербов: контекстные⁶ («contextual») — не предполагающие постоянной семантики для зависимой клаузы — и специализированные («specialized») — отражающие определённые семантические отношения между главной и зависимой клаузами.

⁴ Можно использовать термин «state of affairs», т. е. «положение дел», используемый в [Cristofaro 2003], объединяющий в себе ситуации, события и состояния. Мы отдаём предпочтение термину «ситуация», поскольку для русскоязычной литературы он привычнее.

⁵ Далее: **P** — ситуация (или множество ситуаций), описанная(-ое) в протасисе, **Q** — ситуация, описанная в аподосисе.

⁶ Принципы разделения конвербов на специализированные и контекстные подробно описаны в [Nedjalkov 1995: 106].

Специализированные хваршинские конвербы делятся в свою очередь на темпоральные и нетемпоральные. Основная функция темпоральных специализированных конвербов — отражать расположение ситуаций главной и зависимой клауз во времени друг относительно друга; нетемпоральные служат для выражения других семантических связей, например, причины или условия. К нетемпоральным относятся и уступительные конвербы.

Все хваршинские конвербы образуются суффиксально, однако от разных глагольных основ и форм:

- от базовой основы — в частности, уступительные и условные конвербы (*l-isa-tal* — <IV-найти-COND> [Khalilova, Testelets in press]);
- от инфинитивной основы — anteriорные конвербы *j-ez-λa-a*⁷, ‘после того как взял’ (инхокваринский диалект) [Khalilova 2009: 391];
- от формы настоящего времени — конвербы одновременного действия (simultaneous converb) *m-ok'-še-zuq'un*, ‘пока двигались’ (инхокваринский диалект) [Khalilova 2009: 391];
- от причастия прошедшего времени — темпоральные конверб, *akožt-o-q'ar-'o* — <уоставать-PTC-время-SUP> [Khalilova, Testelets in press].

Так как в полевых данных, полученных в ходе исследования⁸, уступка всегда выражается именно с помощью уступительного конверба, т. е. суффиксально на предикате протасиса, можно сказать, что настоящая статья целиком посвящена конструциям с уступительным конвербом.

2.2. Особенности маркирования

В собственно хваршинском уступительный конверб образуется от базовой глагольной основы, согласно [Khalilova, Testelets in press] — с помощью последовательности *-tal=na*, т. е. -COND=ADD, где *-tal* — суффикс для образования условных конвербов, а *=na* — частотная в хваршинском аддитивная частица, которая служит для сочинения именных групп и клауз (см. (1)) и для образования отрицательных местоимений (см. (2)).

- (1) *has b-eča-na-λλa vini-n xol-na*
 один HPL-быть-EVD-QU жена-ADD муж-ADD

‘Когда-то жили муж и жена.’⁹ [Khalilova, Testelets in press]

⁷ В оригинальном тексте *y-ez-λa-a*.

⁸ Данные получены в ходе опроса, анкета составлена на основе анкеты [Haspelmath, Köpfig 2015] и анкеты в приложении [Храковский 2004: 559].

⁹ Здесь и далее в цитируемых примерах сохранена стратегия глоссирования оригинала.

- (2) *isul soyro nan b-us-un-ay*
 TOT.LAT лошадь(III) нигде III-найти-PST.UW-NEG
 ‘Он нигде не нашёл лошадь.’ [Khalilova 2009: 159]

В [Khalilova 2009] для инхокваринского диалекта маркер уступки описан как отдельный суффикс *-ton*, хотя он также (с поправкой на диалектную фонологию) восходит к *-COND = ADD* — “derived from the conditional suffix *-to* and the particle *-n*” [Khalilova 2009: 415]. Более актуальным представляется рассмотрение маркера уступки как отдельного суффикса и для собственно хваршинского, поскольку в рамках полевого исследования у ряда носителей был обнаружен алломорф *-lanna*. Вероятнее всего, это следствие ассимиляции на морфемной границе между *COND* и *ADD* ($l \rightarrow n / _ + <ADD >$), что говорит о тенденции к её постепенному стиранию.

2.3. Отрицание

2.3.1. Глагольное отрицание в хваршинском

Стоит отметить разнообразие хваршинских маркеров отрицания: по [Khalilova, Testelelets in press] различаются презентный (*-atte*), претеритный¹⁰ (*-aj*), для формы общего времени (*-a:te*), для причастия прошедшего времени (*-ajti*) и нарративного конверба¹¹. Кроме синтетических существуют также аналитические формы отрицания, образуемые с помощью отрицательной формы вспомогательного *goŕe* (формой настоящего времени от ‘быть’) — *gobč'i*.

2.3.2. Отрицание на уступительном конвербе

В [Khalilova 2009] и [Khalilova, Testelelets in press] образование уступительных конструкций с отрицанием подробно не описано, в [Khalilova 2009], однако, есть пример с суффиксом *-bi-* между исходной глагольной основой и суффиксом уступительного конверба, в инхокваринском диалекте он служит для образования отрицательной формы прошедшего времени:

- (3) *mašina b-oq-ton, mašina b-oq-bi-ton, ŕ'o*
 машина(III) III-ловить-CONC машина(III) III-ловить-NEG-CONC 1PL.ABS

ono-γul m-ok'-a goli
 там-VERS HPL-идти-INF быть.PRS
 ‘Поймаем мы машину или нет, мы туда отправимся (букв.: пойдём)’
 [Khalilova 2009: 417]

¹⁰ «Past witnessed» в [Khalilova 2009] и «aorist» в [Khalilova, Testelelets in press].

¹¹ «Narrative converb» [Khalilova, Testelelets in press].

Предположительно (поскольку суффикс уступки происходит от суффикса условия), в собственно хваршинском отрицание должно маркироваться на уступительных конвербах так же, как и на условных, как в примере (4):

- (4) *nagahi buža-ha j-isa-j-łal n-as-o m-i*
 если верить-PRS II-найти-NEG-CND IV-мерить-IMP ты(SG)-ERG
 ‘Если ты не веришь, измерь ты!’ [Khalilova, Testelets in press]

Действительно, по последним полевым данным отрицание выражается в уступительных конструкциях с помощью той же морфемы, в той же позиции:

- (5) [*zawur acu j-uk-aj-łalna*] *di-qo*
 Завур дверь.ERG II-закрыть-NEG-CONC 1SG.OBL-POSS

gił-el l-eq^w-aj
 внизу-LAT IV-входить-NEG.PST.W

‘Хотя Завур не закрыл дверь, я не смог войти.’

- (6) [*leł-a-łanna leł-aj-łanna*] *žu ił'a-na ħalt'i-ł'o-l*
 болеть-CONC болеть-NEG-CONC DEM.DIST.ABS.SG идти-EVD работа-SUPER-LAT
 ‘Болеет он или нет, ему всё равно пришлось бы идти на работу.’

Таким образом, для собственно хваршинского диалекта, как и для инхокваринского, характерно использование претеритного маркера отрицания в уступительных конвербах. Стандартное использование этого маркера в финитной глагольной форме можно видеть в примере (7):

- (7) *žu, ħiše c'alida-na łeq'a-čo-q'a,*
 она книга читать-CVB заканчивать-PRS.CVB-TRM

ustur-ho-žo j-ah-aj
 стол-AD-ABL II-вставать-NEG.AOR

‘Она не вставала из-за стола, пока не дочитала книгу (букв.: не закончила читать).’ [Khalilova, Testelets in press]

2.4. Некоторые синтаксические сведения

2.4.1. Порядок клауз

На линейный порядок протасиса и аподосиса в собственно хваршинских уступительных конструкциях нет строгих ограничений:

- (8) *žawrijat j-ił'a gorat-ł'o-woł*
 Жаврият II-идти.PST.W город-SUPER-DIR
 [*maħačkala-ł'o-woł j-ił'-aj-łanna*]
 Махачкала-SUPER-DIR II-двигаться-NEG-CONC
 ‘Жаврият поехала в город, хотя и не в Махачкалу.’ (букв.: хотя не поехала в Махачкалу — здесь и далее)
- (9) [*maħačkala-ł'o-woł j-ił'-aj-łanna*] *žawrijat*
 Махачкала-SUPER-DIR II-двигаться-NEG-CONC Жаврият
j-ił'a gorat-ł'o-woł
 II-двигаться\PST.W город-SUPER-DIR
 ‘Жаврият поехала в город, хотя и не в Махачкалу.’
- (10) *žawrijat j-ił'a [maħačkala-ł'o-woł*
 Жаврият II-идти\PST.W Махачкала-SUPER-DIR
j-ił'-aj-łanna] gorat-ł'o-woł
 II-двигаться-NEG-CONC город-SUPER-DIR
 ‘Жаврият поехала в город, хотя и не в Махачкалу.’

Зависимая клауза может идти до, после и между другими составляющими главной.

2.4.2. Конвербное выражение уступки

Как было сказано выше, семантика уступки в хваршинском может быть выражена только с помощью уступительного конверба — то есть только посредством concessивного суффикса на предикате протасиса, причём этот маркер комбинируется только с глагольными основами.

При переводе стимулов с уступительными конструкциями без глагола в протасисе¹² с русского на собственно хваршинский носители строили конструкции с лексическим повтором предиката основной клаузы. Если в зависимой клаузе предполагается отрицание, оно, как и уступка, выражается синтетически на глаголе в зависимой клаузе.

- (11) *žawrijat j-ił'a gorat-ł'o-woł*
 Жаврият II-двигаться\PST.W город-SUPER-DIR
 [*maħačkala-ł'o-woł j-ił'-aj-łanna*]
 [Махачкала-SUPER-DIR II-двигаться-NEG-CONC]
 ‘Жаврият поехала в город, хотя и не в Махачкалу.’

¹² Например, ‘Меня встретил брат, хотя и не Вася’.

Если в уступительной конструкции оба предиката выражаются с помощью *eča* ‘быть’¹³, в основной клаузе эллипсис ‘быть’ допустим и даже частотен, в то время как в придаточной он невозможен: если опустить глагол в зависимой клаузе, не будет средств маркировать уступку.

- (12) *rasul bercina žik'wa [k'oɟtu eča-łanna]*
 Расул красивый мужчина низкий быть-CONC
 ‘Расул красивый мужчина, хотя и низкий.’

2.4.3. Нули и связывание

Теми же примерами можно проиллюстрировать некоторые соображения об анафорических и катафорических нулях в рамках уступительных конструкций. Абсолютив может быть нулевым как в зависимой клаузе (см. (11)), так и в основной:

- (13) [*maχačkala-λ'o-vol žawrijat j-iλ'-aj-łanna*] *j-iλ'a*
 [Махачкала-SUPER-DIR Жаврият II-двигаться-NEG-CONC II-двигаться\PST.W
gorat-λ'o-vol
 город-SUPER-DIR
 ‘Жаврият поехала в город, хотя и не в Махачкалу.’

Антецедент нулевого местоимения может находиться как в следующей, например, в (14), так и в предыдущей, как в (11)–(13), клаузе. Причём в обоих случаях ноль строго кореферентен абсолютиву второй клаузы — основной или зависимой, в зависимости от того, где абсолютив не нулевой.

- (14) [∅ *adala-b b-eča-łanna*] *išat'I q'ale c'alida-χ-χa*
 ∅ глупый-VI¹⁴ VI-быть-CONC мать.ERG ребёнок(VI) читать-CAUS-PST.W
 а. ‘Хотя он (ребёнок) и глупый, мать научила ребёнка читать.’
 б. #‘Хотя они (и мать, и ребёнок) и глупые, мать научила ребёнка читать.’

¹³ Глагол-связка *gole* имеет только формы презенса, причастия и простого конверба. Поскольку показатель concessiva присоединяется к исходной основе, которой у связки нет, используется глагол — *eča* ‘становиться’, обслуживающий отсутствующую часть парадигмы *gole*. Автор благодарит анонимных рецензентов за ценные критические замечания и дискуссию.

¹⁴ *b-* — маркер единственного числа для III и VI согласовательных классов и одновременно множественного числа для I, II и VI классов.

- (15) * $[\emptyset$ *adala-j j-eča-łanna*] *išat'I q'ale c'alida-χ-χα*
 \emptyset глупый-II II-быть-CONC] мать.ERG ребёнок(VI) читать-CAUS-PST.W
 Ожид. зн.: 'Хотя она (*мать*) и глупая, мать научила ребёнка читать.'

- (16) **išat'i q'ale c'alida-χ-χα* [\emptyset *adala-b b-eča-łanna*]
 мать.ERGĒ ребёнок(VI) читать-CAUS-PST.WĒ \emptyset глупый-NPL NPL-быть-CONC
 Ожид. зн.: 'Мать научила ребёнка читать, хотя они оба глупы.'

В хваршинском языке предикат согласуется по классу с именной группой в позиции абсолютива. Так как *adala* и *eča* требуют маркера класса, легко установить, что ноль в протасисе не может быть кореферентным эргативной именной группе аподосиса (см. (15)). Также он не может иметь референт, не упоминаемый непосредственно в аподосисе (хотя и семантически релевантный, как в (14b)); при этом линейный порядок основной и зависимой клаузы неважен ((14b) и (16) одинаково неприемлемы).

Отчасти то же касается анафорических и катафорических местоимений: абсолютивы протасиса и аподосиса должны быть кореферентными, если абсолютив одной из клауз представлен анафорическим (или катафорическим) местоимением, при этом абсолютивы обеих клауз — референциально связанные именные группы, и референт местоимения не очевиден из контекста¹⁵. Так (18) и (19) не грамматичны, а для (17) допустима только трактовка (17a).

- (17) *žu/∅ ejča [de lat'ip goł-aj-łanna]*
 DEM.DIST.ABS.SG/ \emptyset быть\PST.W 1SG.ERG Латип приглашать-NEG-CONC
 а. 'Он_i (Латип) пришёл, хотя я его_i не приглашала.' (букв.: Он_i был, хотя я и не приглашала Латипа_i)¹⁶
 б. #'Он_i (сын Латипа_j) пришёл, хотя я даже Латипа_j не приглашала.'

- (18) **žu/∅ j-ejča [de lat'ip goł-aj-łanna]*
 DEM.DIST.ABS.SG/ \emptyset II-быть\PST.W 1SG.ERG Латип приглашать-NEG-CONC
 Ожид. зн.: 'Она (*жена Латипа*) пришла, хотя я даже Латипа не приглашала.'

- (19) **lat'ip liχ-na [de žu/∅ goł-aj-łanna]*
 Латип идти_вниз-PST.U 1SG.ERG DEM.DIST.ABS.SG/ \emptyset приглашать-NEG-CONC
 Ожид. зн.: 'Латип пришёл, хотя я даже её (*жену Латипа*) не приглашала.'

¹⁵ Как, например, в (21), где очевидно, что Мариам является референтом местоимения.

¹⁶ Такое высказывание, как правило, предполагает рематическое выделение *lat'ip* с помощью интонации или иных средств.

Ноль, кроме того, может заменять эргатив — как в протасисе, так и в аподосисе, и такой ноль, должен быть кореферентен эргативной именной группе второй клаузы (без нуля):

- (20) [patimat-i es'no gud es-łanna] žu š'ł-a:t'e
 Патимат-ERG новый рубашка купить-CONC DEM.DIST.ABS.SG носить-NEG.GNT
 а. 'Хотя Патимат купила новую рубашку, она (Патимат) её не носит.'
 б. #'Хотя Патимат купила новую рубашку, он (муж Патимат) её не носит.'
 с. #'Хотя Патимат купила новую рубашку, никто её не носит.'

2.4.4. Противительный союз

Поскольку семантика уступки включает в себя компонент противопоставления [Храковский 2004: 13], для некоторых языков грамматично использование противительных маркеров в уступительных конструкциях. В частности, в собственно хваршинском диалекте представлены уступительные конструкции с адверсативным союзом *henna*:

- (21) а. *mar'jam-i ekzamen-ba k'wet' t'ł-ła*
 Мариам-ERG экзамен-PL.ABS хорошо давать-PST.W
henna žu c'ali-ł'o-l j-ił-aj
 но DEM.DIST.ABS.SG учёба-SUPER-LAT II-идти-NEG.PST.W
 'Мариам хорошо сдала экзамены, но в университет (букв.: на учёбу) не поступила.'
- б. [*mar'jam-i ekzamen-ba k'wete t'ł-łanna*]
 Мариам-ERG экзамен-PL.ABS хорошо давать-CONC
henna žu c'ali-ł'o-l j-ił-aj
 но DEM.DIST.ABS.SG учёба-SUPER-LAT II-идти-NEG.PST.W
 'Хотя Мариам хорошо сдала экзамены, но в университет не поступила.'
- с. **henna žu c'ali-ł'o-l j-ił-aj*
 но DEM.DIST.ABS.SG учёба-SUPER-LAT II-идти-NEG.PST.W
 [*mar'jam-i ekzamen-ba k'wete t'ł-łanna*]
 Мариам-ERG экзамен-PL.ABS хорошо давать-CONC
 Ожид. зн.: 'Хотя Мариам хорошо сдала экзамены, но в университет не поступила.'

d. [?]*ʒu* *c'ali-λ'o-l* *j-iλ-aj*
 DEM.DIST.ABS.SG учёба-SUPER-LAT II-идТИ-NEG.PST.W

[*henna mar'jam-i ekzamen-ba k'wete tīλ-lanna*]
 но Мариам-ERG экзамен-PL.ABS хорошо давать-CONC

‘Хотя Мариам хорошо сдала экзамены, но в университет не поступила.’

При этом для уступительных конструкций *henna* «вводит» неактуальные для прочих уступительных конструкций ограничения на порядок клауз: протасис, расположенный после аподосиса, неграмматичен, если противительный союз включён в главную клаузу, как в (21c), и допускается лишь некоторыми носителями, если союз в зависимой клаузе, как в (21d).

3. Классификация хваршинских уступительных конструкций

В этом разделе описаны типологические характеристики хваршинских уступительных конструкций, упомянутые в разделе 1.2: локализация **P** и **Q** во времени — в разделе 3.1, фактивность протасиса — в разделе 3.2 и реализация универсальных, альтернативных и скалярных уступительных конструкций — в разделе 3.3.

3.1. Время

В [Храковский 2004] в качестве одного из типологически значимых параметров предлагается исчисление опций для расположения **P** и **Q** на временной оси. Учитывается как абсолютное (т. е. относительно момента речи), так и относительное расположение (т. е. таксисные отношения **P** и **Q**). К хваршинской системе этот параметр применить трудно: средств для выражения времени на уступительном конвербе нет, и соответственно, временная локализация у одной и той же формы может быть разной.

(22) [*os leq'a-lalna*] *rasul-i* *zihī* *tīλ-aj*
 деньги заканчиваться-CONC Расул-ERG корова отдать-NEG.PST.W
 ‘Хотя деньги закончились, Расул не продал корову.’

(23) [*os leq'a-lalna*] *rasul-i* *zihī* *tīλ-a:te*
 деньги расходовать-CONC Расул-ERG корова отдать-NEG.GNT
 а. ‘Хотя деньги закончились, Расул не продаёт корову.’

б. ‘Хотя деньги закончатся, Расул не продаёт корову.’ (Всем, в том числе Расулу и говорящему, известно, что деньги закончатся завтра)

Примеров, демонстрирующих запреты на какую бы то ни было таксисно-временную семантику **P**, не удалось обнаружить. Также не удалось получить и примеров, явно демонстрирующих влияние таксисно-временной семантики на структуру протасиса (в том числе на морфологическую структуру уступительного конверба) — в высказываниях, порождаемых носителями, менялось только время аподосиса.

3.2. Фактивность протасиса

Другой существенный в типологической перспективе семантический параметр для уступительных конструкций — фактивность **P**. Согласно [Храковский 2004], уступительные конструкции делятся на:

- причинно-уступительные — с фактивным протасисом (говорящий уверен в истинности **P** и истинности **Q**);
- условно-уступительные — с нефактивным протасисом, т. е. потенциальным (говорящий допускает как истинность, так и ложность **P** и, как правило, уверен в истинности **Q**) или ирреальным (говорящий убеждён, что **P** ложно, и, как правило, уверен в истинности **Q**).

Причинно-уступительное значение формируется из сочетания противительного и причинного значений, условно-уступительное значение — соответственно из сочетания противительного и условного. Здесь мы используем только более общий термин «уступительные конструкции», поскольку различать причинно-уступительные и условно-уступительные конструкции бессмысленно для хваршинской системы. На уровне семантики протасис может быть и фактивным, и ирреальным, и потенциальным, однако специальных грамматических средств, чтобы это отразить, нет. По полевым данным в собственно хваршинском фактивность **P** на протасис не влияет:

(24) а. [zawur acu j-uk-aj-łalna] di-qo
 Завур дверь\ERG II-закрывать-NEG-CONC 1SG.OBL-POSS

gił-el l-eq^w-aj
 внизу-LAT IV-входить-NEG.PST.W

‘Хотя Завур не закрыл дверь, я не смог войти.’ (Известно, что Завур не закрывал дверь)

б. [zawur acu j-uk-aj-łalna] di-qo
 Завур дверь\ERG II-закрывать-NEG-CONC 1SG.OBL-POSS

gił-el l-eq^w-a:te
внизу-LAT IV-входить-NEG.GNT

‘Даже если Завур не закроем дверь, я не смогу войти.’ (Пока неизвестно, закроем ли Завур дверь)

Выражать ирреальность, потенциальность или фактивность лексически необязательно: без дополнительного экстралингвистического контекста в (25)–(26) а и б — одинаково вероятные трактовки.

(25) [*os łeq'a-łalna rasul-i zihĩ tĩł-a:te*]
деньги расходовать-CONC Расул-ERG корова отдать-NEG.GNT

а. ‘Даже если деньги закончатся, Расул не продаст корову.’ (Пока неизвестно, закончатся ли деньги)

б. ‘Хотя деньги закончились, Расул не продаёт корову.’

(26) [*os łeq'a-łalna rasul-i zihĩ tĩł-aj*]
деньги расходовать-CONC Расул-ERG корова отдать-NEG.PST.W

а. ‘Даже если бы деньги закончились, Расул не продал бы корову.’ (А они точно не закончились)

б. ‘Хотя деньги закончились, Расул не продал корову.’

Таким образом эта «ось» классификации просто не релевантна для хваршинского: в отрыве от контекста хваршинские уступительные конструкции — это высказывания о независимости **Q** от **P** («с оглядкой» на то, что одновременная истинность **P** и **Q** маловероятна). Поэтому, не зная, какими сведениями об истинности **P** располагает говорящий, невозможно судить о фактивности протасиса и, как следствие, о том, относится конструкция к условно- или причинно-уступительным по [Храковский 2004] («concessives» или «concessive conditionals» по [Haspelmath, König 1998]).

3.3. Множество **P**. Скалярные, альтернативные и универсальные уступительные конструкции

В [Храковский 2004] по количеству ситуаций, которые входят в множество **P**, уступительные конструкции разбиваются на: генерализованные (где **P** — несколько ситуаций) и негенерализованные (где **P** — одна ситуация).

В статье [Haspelmath, König 1998: 1], посвящённой условно-уступительным конструкциям, предлагается делить их на скалярные, универсальные и альтернативные:

- скалярные — [(даже если **P**), **Q**]. **P** — одна ситуация;
- универсальные — [(кто/что/когда бы ни **p_x**), всё равно **Q**]. **P** — широкое множество ситуаций, которое характеризуется разными значениями компонента, выражаемого, как правило, с помощью вопросительного слова вида ‘что’, ‘где’ и т. п. в протасисе;
- альтернативные — [(**p₁** или **p₂**), всё равно **Q**]. **P** строго ограничено, все его элементы явно перечислены, чаще всего их два.

Поскольку для собственно хваршинского нерелевантно деление конструкций на условно- и причинно-уступительные, вольно применяя¹⁷ подход [Haspelmath, König 1998], уступительные конструкции можно разделить на:

- скалярные и квазискалярные (под квазискалярными мы понимаем причинно-уступительные конструкции, структурно они неотличимы от скалярных, но имеют фактивный протасис);
- универсальные (только условно-уступительные);
- альтернативные (только условно-уступительные).

Рассмотрим синтаксис всех трёх видов конструкций в собственно хваршинском языке. Базовыми (синтаксически) уступительными конструкциями в хваршинском можно считать квазискалярные и скалярные: специальных средств для подтверждения того, что **P** — одна ситуация, не требуется, это «значение по умолчанию» (см. примеры (22)–(26)).

В универсальных уступительных конструкциях протасис обязательно включает вопросительное слово:

(27) [na-vol cane-ba n-ak'a-łalna] iho
где-DIR коза-PL.ABS NHPL-идти-CONC пастух

žida-lo žoho i:ʎ'a
DEM.DIST.OBL.PL-GEN2 вслед_за уходить\GNR

‘Куда бы козы ни пошли, пастух идёт за ними’

(28) [dajcci baha b-eča-łanna] de kila
сколько цена III-быть-CONC 1SG.ERG килограмм

kampitte-ba l-e:za
конфета-PL.ABS NHPL-брать\GNT

‘Сколько бы конфеты ни стоили, я куплю килограмм.’

¹⁷ О причинах выбора этого подхода ниже, в разделе 3.3.1.

- (29) [tu hiba deb-*kol* ĭla-*łanna*] žu hiban bit'e gobčĭ
кто что 2SG.OBL-DIR говорить-CONC DEM.DIST вещь точно NEG.COP
‘Кто бы тебе это ни сказал, это неправда.’

Для построения альтернативных уступительных конструкций используется протасис с двумя лексическими предикатами (оба в форме уступительного конверба). Значительную часть таких конструкций составляют высказывания, где альтернатива заключается в истинности или ложности одной и той же ситуации: $[(p_1 \text{ или } p_2) \text{ всё равно } Q]$, где $p_2 = \text{не-}p_1$, т. е. $P = \{p; \text{не-}p\}$. Причём, поскольку p и $\text{не-}p$ — взаимоисключающие ситуации, как правило, только одна из них неблагоприятна для Q ¹⁸).

В хваршинском для альтернативных уступительных конструкций вида p — $\text{не-}p$ используется протасис с повтором лексического предиката (уступительного конверба), причем вторая словоформа маркируется отрицанием:

- (30) [qeta liχ-*łanna* liχ^w-*aj-łanna*]
дождь идти_вниз-CONC идти_вниз-NEG-CONC
patimat-i agarod poliwatⁱ l-u:wa
Патимат-ERG огород поливать IV-делать\GNT
‘Будет дождь или нет, Патимат будет поливать огород.’

Пожалуй, самая интересная часть системы уступительных конструкций в собственно хваршинском — «гибридные» альтернативно-универсальные конструкции, сочетающие в придаточной клаузе наличие вопросительного слова и двух глагольных форм с суффиксом уступки.

- (31) [dajcci baha b-eča-*łanna*] de kila kampitte-ba l-e:za
сколько цена III-быть-CONC 1SG килограмм конфета-PL.ABS NHPL-братъ\GNT
‘Сколько бы конфеты ни стоили, я куплю килограмм.’

- (32) [dajcci baha b-eča-*łanna* b-eč-*aj-łanna*]
сколько цена III-быть-CONC III-быть-NEG-CONC
de kila kampitte-ba l-e:za
1SG килограмм конфета-PL.ABS NHPL-братъ\GNT
‘Сколько бы конфеты ни стоили (букв.: стоили — не стоили), я куплю килограмм.’

¹⁸ Например, ‘Сломался лифт или нет, мы всё равно пошли по лестнице’: p_1 — лифт сломался, p_2 — лифт исправен, при p_1 компонент уступки пропадает.

Синтаксически эти конструкции нельзя не причислить одновременно к альтернативным и универсальным, в то время как семантически их сложно характеризовать. Можно предположить, что «альтернативность» должна дополнять **P** одной ситуацией, не выражаемой вопросительным словом в универсальной конструкции.

Так, предположим, множество ситуаций протасиса в (31), где конфеты имеют различные цены, «альтернативность» дополняет в (32) до множества ситуаций, где конфеты имеют различные цены либо не имеют цены. Тогда «альтернативный» компонент значения задавал бы множество **P**, такое что $P = \{p; \text{не-}p\}$, где **p** — наличие цены у конфет, а **не-р** — отсутствие; **p** — в свою очередь тоже являлся бы множеством, таким, что $p = P'$ и P' — множество ситуаций с различной ценой килограмма конфет.

Однако, например, в (33) никакого «альтернативного» семантического компонента усмотреть нельзя: если козы никуда не пойдут, пастух не может пойти вслед за ними.

- (33) [*na-vol cane-ba n-ak'a-łalna n-ak'-aj-łalna*]
 где-DIR коза-PL.ABS NHPL-идти-CONC NHPL-идти-NEG-CONC
- iho žida-lo žoho i:ʎ'a*
 пастух DEM.DIST.OBL.PL-GEN2 вслед_за уходить\GNR
- ‘Куда бы козы ни пошли (букв.: пошли-не пошли), пастух идёт за ними.’

Складывается впечатление, что «конверб-дубликат» с отрицанием не несёт в таких конструкциях совершенно никакой семантической нагрузки. Опираясь на интроспекцию носителей, не удалось установить наверняка, так ли это¹⁹. Более того, и ограничений на построение таких конструкций как будто нет: из любой универсальной уступительной конструкции можно сделать «альтернативно-универсальную».

- (34) а. [*hiba išat'i l-u-łanna uža l-ac'-aj*]
 что мать.ERG IV-делать-CONC мальчик IV-есть-NEG.PST.W
- ‘Что бы мать ни приготовила, сын не ел.’

¹⁹ Часть носителей утверждают, что разницы нет, другие — что незначительное различие всё-таки существует, но, чтобы пояснить его, переводят конструкции на русский, насколько это возможно, дословно: например, для (34b) ‘Хоть что мама готовила-не готовила, он не покушал’.

b. [*hiba išat'i l-u-łanna l-uw-aj-łanna*]
 что мать.ERG IV-делать-CONC IV-делать-NEG-CONC

uža l-ac'-aj
 мальчик IV-есть-NEG.PST.W

‘Что бы мать ни приготовила (букв.: готовила - не готовила), сын не ел.’

Можно предположить, что и в других уступительных конструкциях конвербы с маркером отрицания не всегда в действительности выражают отрицание. Однако заменить глагол на симметричный по отрицанию в протасисе исходной универсальной конструкции нельзя:

(35) * [*hiba išat'i l-uw-aj-łanna uža l-ac'-aj*]
 что мать.ERG IV-делать-NEG-CONC мальчик IV-есть-NEG.PST.W
 Ожид. зн.: ‘Что бы мать ни приготовила, сын не ел.’

Также можно предположить, что необязательная семантическая нагрузка характерна именно для «альтернативной структуры» с отрицанием, т. е. что протасис с двумя уступительными конвербами (симметричными по отрицанию и совпадающими лексически) допустим не только в «р — не-р» конструкциях. В таком случае речь шла бы не об особых альтернативно-универсальных конструкциях, но о свойствах конверба-предиката для хваршинских уступительных конструкций в целом. Однако «альтернативная структура» предиката применима не ко всем конструкциям: она не допускается в квазискалярных конструкциях, где протасис безусловно и очевидно фактивен.

(36) a. *zawur-I lac'a k'wet' l-u:wa*
 Завур-ERG еда хорошо IV-делать\GNT

[*žu vini j-eč-aj-łalna*]
 DEM.DIST.ABS.SG женщина II-быть-NEG-CONC

‘Завур хорошо готовит, хотя он и не женщина.’

b. **zawur-i lac'a k'wet' l-u:wa*
 Завур-ERG еда хорошо IV-делать\GNT

[*žu vini j-eča-łalna j-eč-aj-łalna*]
 DEM.DIST.ABS.SG женщина II-быть-CONC II-быть-NEG-CONC

Ожид. зн.: ‘Завур хорошо готовит, женщина он или нет.’ (Завур — только мужское имя)

Мы руководствуемся подходом, приближенным к [Haspelmath, König 1998], но не [Храковский 2004], в рамках которого скалярным уступительным конструкциям соответствуют негенерализованные, а универсальные и альтернативные рассматриваются как генерализованные, объединённые в силу семантической близости. Хотя с точки зрения семантики альтернативно-универсальные конструкции, судя по всему, совпадают с соответствующими универсальными, грамматическую разницу игнорировать невозможно. Именно поэтому подход [Haspelmath, König 1998] предпочтителен: «гибрид» альтернативных и универсальных конструкций сложно описать, не считая их разными категориями.

4. Заключение

Подводя итоги описания системы уступительных конструкций в собственно хваршинском языке, нельзя не отметить её типологическую нетривиальность — особенно примечательны в этом отношении альтернативно-универсальные конструкции. Настоящая работа открывает перспективу для дальнейших исследований уступительных конструкций в языках Дагестана, поскольку их было бы интересно сравнить с собственно хваршинской системой.

Высока вероятность столкнуться с типологически схожими системами, поскольку категория уступительного конверба описана в грамматиках родственных языков — [Forker 2013, 2021], кроме того в [Халилов и др. 2015] описана форма уступительного наклонения, структурно схожая с формой хваршинского уступительного конверба, однако на данный момент найти достаточно полных описаний систем уступительных конструкций ареала не удалось.

Список условных сокращений

1, 2 — 1, 2 лицо; II–IV — согласовательный класс; Abl — аблатив; Abs — абсолютив; Ad — адлокатив; Add — аддитив; Aor — аорист; Caus — каузатив; Conc — уступка; Cond, Cnd — условие; Cop — копула; Cvb — конверб; Dem — демонстратив; Dir — директив; Dist — дистальный; Erg — эргатив; Evid — эвиденциалис; Gen2 — второй генитив; Gnt — общее время; Hpl — согласовательный класс для множества людей; Imp — императив; Inf — инфинитив; Lat — латив; Neg — отрицание; Nhpl — согласовательный класс для множества не людей; Obl — косвенная основа; Pl — множественное число; Poss — посс-эссив; Prs — настоящее время; Pst.Uw, Pst.U — непрямо прошедшее время; Pst.W — прямо прошедшее время; Qu — квотатив; Sg — единственное число; Super — суперлокатив; Trm — терминатив; Vers — версатив; Ø — синтаксический ноль.

Список источников / References

- Джидалаев и др. 2022 — Джидалаев Н.С., Магомедова З.Д., Халилов М.Ш. Словарь хваршинского языка. Махачкала: АЛЕФ, 2022. [Dzhidalaev N.S., Magomedova Z.D., Khalilov M.Sh. Slovar' khvarshinskogo yazyka. Makhachkala: ALEF, 2022.]
- Лютикова 2024 — Лютикова Е.А. От полипредикации к эвиденциальным и условным конструкциям: хваршинские находки. Состав науки: Сборник статей к юбилею Веры Исааковны Подлесской. Коротаяев Н.А., Сумбатова Н.Р. (ред.), М.: Буки Веди, 2024. С. 102–123. [Lyutikova E.A. Ot polipredikatsii k evidentsialnyim i uslovnyim konstruktsiyam: hvarshinskie nahodki. Sostav nauki: Sbornik statey k yubileyu Veryi Isaakovny Podlesskoy. Korotayev N.A., Sumbatova N.R. (eds.). M: Buki Vedi, 2024. Pp. 102–123.]
- Халилов и др. 2015 — Халилов М.Ш., Комри Б., Халилова З.М. Грамматика бежтинского языка. Махачкала: ИП Овчинников Михаил Артурович (Типография Алеф), 2015. [Khalilov M.Sh., Comrie B., Khalilova Z.M. Grammatika bezhtinskogo yazyka. Makhachkala: IP Ovchinnikov Mikhail Arturovich (Tipografiya Alef), 2015.]
- Храковский 2004 — Храковский В.С. Уступительные конструкции: семантика, синтаксис, типология. Типология уступительных конструкций. Храковский В.С. (ред.), 2004. С. 9–91. [Khrakovskii V.S. Ustupitel'nye konstruktsii: semantika, sintaksis, tipologiya. Tipologiya ustupitel'nykh konstruktsii. Khrakovskii V.S. (ed.), 2004. Pp. 9–91.]
- Cristofaro 2003 — Cristofaro S. Subordination. Oxford Studies in Typology and Linguistic Theory. Oxford: Oxford University Press, 2003.
- Forker 2013 — Forker D. A Grammar of Hinuq, Berlin, Boston: De Gruyter Mouton, 2013.
- Forker 2021 — Forker D. Sketch grammar of Avar. The Oxford Handbook of Languages of the Caucasus. Polinsky M. (ed.). Oxford: Oxford University Press. 2021. Pp. 243–279.
- Haspelmath 1995 — Haspelmath M. The converb as a cross-linguistically valid category. Converbs in Cross-Linguistic Perspective: Structure and Meaning of Adverbial Verb Forms — Adverbial Participles, Gerunds. Haspelmath M., König E. (eds.). Berlin, Boston: De Gruyter Mouton, 1995. Pp. 1–56.
- Haspelmath, König 1998 — Haspelmath M., König E. Concessive conditionals in the languages of Europe. Adverbial Constructions in the Languages of Europe. Van der Auwera J. (ed.), Berlin, New York: De Gruyter Mouton. 1998. Vol. 9. No. 3. Pp. 563–640.
- Haspelmath, König 2015 — König E., Haspelmath M. (2015). Questionnaire on concessive conditional clauses. Version 2.0. FU Berlin. url: https://www.eva.mpg.de/lingua/tools-at-lingboard/pdf/ET_5_6_Haspelmath_concessive_conditional_clauses.pdf
- Khalilova 2009 — Khalilova Z. A grammar of Khwarshi. Ph.D. dis. Leiden University, 2009.
- Khalilova, Testelet in press — Khalilova Z.M., Testelet Y.G. Khwarshi. The Caucasian Languages. An International Handbook. Handbooks of Linguistics and Communication Science. The Hague; New York, Netherlands: Mouton, in press.
- Nedjalkov 1995 — Nedjalkov V.P. Some typological parameters of converbs. Converbs in Cross-Linguistic Perspective: Structure and Meaning of Adverbial Verb Forms — Adverbial Participles, Gerunds. Haspelmath M., König E. (eds.). Berlin, Boston: De Gruyter Mouton, 1995. Pp. 97–136.

Статья поступила в редакцию 21.11.2023; одобрена после рецензирования 28.12.2023; принята к публикации 29.12.2023;

The article was received on 21.11.2023; approved after reviewing 28.12.2023; accepted for publication 29.12.2023.

Мария Анатольевна Волина

Российский государственный гуманитарный университет

Maria Volina

Russian State University for the Humanities

volina092@ya.ru

Научная статья / Original article

УДК 81-114.2

doi:10.37632/PI.2023.27.79.003

СИСТЕМНЫЕ СВЯЗИ КОНСТРУКЦИЙ С СОЮЗОМ *ЧТОБЫ*

Г.И. Кустова

Институт русского языка имени В.В. Виноградова РАН

Аннотация: В статье рассматриваются конструкции с союзом *чтобы*. Анализируются формальные и семантические отношения между разными типами *чтобы*-клауз, подчиненными существительному.

Различаются несколько семантических классов существительных: (1) абстрактные существительные (а) *случай, прецедент, пример, факт, история, ситуация*; (б) *повод, основание* и др., ср.: *Но в тридцатилетней практике бухгалтера не было случая, чтобы кто-нибудь /.../ затруднялся бы принять деньги* [М.А. Булгаков]; (2) конкретные функциональные существительные, обозначающие предмет: *У него с собой всегда была иголка с ниткой, чтобы пуговицы пришивать*; лицо: *У него есть повар, чтобы готовить*.

Показано, что системные связи между актантными и сирконстантными *чтобы*-клаузами определяются сходными компонентами в семантической структуре предложений.

Ключевые слова: конструкция, союз *чтобы*, актантные клаузы, сирконстантные клаузы, абстрактные существительные, конкретные функциональные существительные

Для цитирования: Кустова Г.И. Системные связи конструкций с союзом *чтобы* // Типология морфосинтаксических параметров. 2023. Том 6, вып. 2. С. 52–72. doi:10.37632/PI.2023.27.79.003

SYSTEMIC RELATIONS OF CONSTRUCTIONS WITH THE CONJUNCTION *CHTOBY* ‘TO’

Galina Kustova

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences

Abstract: The paper discusses constructions with the conjunction *chtoby* ‘to’. Formal and semantic relations between different types of *chtoby*-clauses subordinate to a noun are analyzed.

Several semantic classes of nouns are contrasted: (1) abstract nouns: (a) *sluchai* ‘case’, *pretsedent* ‘precedent’, *primer* ‘example’, *fakt* ‘fact’, *istoriya* ‘history’, *situatsiya* ‘situation’, (b) *povod* ‘occasion’, *osnovanie* ‘reason’, etc., cf.: *No v tridtsatiletnei praktike bukhgaltera ne bylo sluchaya, chtoby kto-nibud' /.../ zatrudnyalsya by prinyat' den'gi* [M.A. Bulgakov] ‘But there had been no case in the bookkeeper's thirty years of experience when anyone /.../ had had a hard time accepting money’; (2) concrete functional nouns denoting (a) an object: *U nego s soboi vsegda byla igolka s nitkoi, chtoby pugovitsy prishivat'* ‘He always had a needle and thread with him to sew on buttons’; (b) a person: *U nego est' povar, chtoby gotovit'* ‘He has a chef to cook’.

The article argues that the systemic connections between argument and circumstantial *chtoby*-clauses are determined by similar components in the semantic structure of sentences.

Keywords: constructions, conjunction *chtoby* ‘to’, argument clauses, circumstantial clauses, abstract nouns, concrete functional nouns

For citation: Kustova G. Systemic relations of constructions with the conjunction *chtoby* ‘to’. *Typology of Morphosyntactic Parameters*. 2023. Vol. 6, iss. 2. Pp. 52–72. (In Rus.) doi:10.37632/PI.2023.27.79.003

1. Введение

Материалом настоящей статьи послужили некоторые виды конструкций с зависимыми *чтобы*-клаузами.

Обычно выделяется два основных типа зависимых клауз — пропозициональные (сентенциальные) актанты и пропозициональные сирконстанты (ср., например, [Летучий 2021: 25–50]), в терминах традиционной синтаксической теории — присловные и неприсловные придаточные ([РГ-80, §2762].

Если исходить из этого общего противопоставления, предложения со *чтобы*-клаузами можно расположить на некоторой воображаемой шкале. На одном полюсе этой шкалы будут находиться пропозициональные актанты (изъяснительные придаточные), реализующие пропозициональную валентность матричного предиката с модальной семантикой (желания, волеизъявления и под., ср. [РГ-80, §2783–2785; Летучий 2021: 43–46]) — глагола: *Просил, чтобы мы пришли*; существительного: *Наступил момент безразличия ко всему, желание, чтобы все это кончилось...* [П.А. Бессонов. Славик с Гавани // «Волга», 2014], предикатива: *Необходимо, чтобы ком-*

плекс мер по стратегическому сдерживанию заблаговременно планировался [«Отечественные записки», 2003] (альтернативный вариант присоединения ирреального сентенциального актанта (ср. [Пекелис 2014]) — инфинитивную конструкцию вида *просил приехать; желание признаться; необходимо принять меры* — мы не рассматриваем). К прототипическим актантами *чтобы*-кляузам примыкают случаи, когда основным союзом является *что*, а *чтобы* появляется в контексте отрицания и в других модализованных контекстах, — это так называемое заместительное *чтобы* (см. [РГ-80, §2785]): *Не думаю, чтобы наше дело было проще, чем управление машиной* [И.Э. Кио. Иллюзии без иллюзий (1995–1999)]. На другом полюсе шкалы находятся пропозициональные сирконстанты со значением цели: *Дочке только десять исполнилось, но сюда иногда заглядываю, чтобы от жизни не отставать* [Наши дети: Подростки (2004)] (целевую семантику может иметь и пропозициональный актанта, см. ниже).

Союз *чтобы* маркирует ирреальную модальность подчиненной кляузы. Однако, как мы попытаемся показать ниже, между *чтобы*-кляузами разных типов может быть более содержательная связь, не сводящаяся к ирреальности.

Между полюсами (актантами и целевыми *чтобы*-кляузами) нашей воображаемой шкалы — в переходной зоне — будет располагаться множество «промежуточных» конструкций с союзом *чтобы*, например: *Он не так воспитан / он не такой человек, чтобы на это согласиться; Не те времена, чтобы рисковать будущим десятков людей из-за самолюбия одного* [Петр Акимов. Плата за страх (2000)]; *Я не автомат, чтобы работать по 20 часов; Не нужно быть профессором, чтобы понять такую простую вещь; Достаточно малейшего прикосновения, чтобы все рассыпалось* и под. В грамматиках и пособиях по синтаксису (ср. [Грамматика-70; Крючков, Максимов 1977; РГ-80]) подобные предложения называются фразеологизованные конструкции; в работах авторов, связанных с теорией лингвистических моделей «Смысл ⇔ Текст» и с Московской семантической школой (ср. [Мельчук 1999; Апресян и др. 2010]), — синтаксические фраземы. Наконец, поскольку для присоединения «промежуточных» *чтобы*-кляуз нужны дополнительные лексические, семантические и грамматические условия (по сравнению с «регулярными» изъяснительными и целевыми кляузами), что делает их синтаксическими идиомами, соответствующие предложения могут рассматриваться как конструкции в смысле грамматики конструкций (ср. [Рахилина 2010; Adverbial Constructions 1998; Croft, Cruse

2004; Goldberg 1995, 2006; Language Typology 2007]). Общим для этих подходов является акцент на идиоматичности.

Термин «конструкция» может использоваться и «вне связи с постулатами об идиоматичности / некомпозициональности значения сложных выражений» [Циммерлинг 2018: 11]. В указанной работе конструкция понимается в смысле «лексико-синтаксический шаблон, служащий для выражения заданного значения на базе некоторой группы лексики конкретного языка» (там же см. обзор подходов к описанию конструкций с точки зрения грамматики и словаря [с. 8–11]).

В нашей работе мы используем термин «конструкция» в этом более общем смысле, который, однако, не исключает большей или меньшей степени идиоматичности.

Из всех конструкций, расположенных на нашей воображаемой шкале, мы рассмотрим только *чтобы*-клаузы, присоединяемые к существительным:

- (1) а. *Не было случая, чтобы он сидел сложа руки.*
- б. *Удобная ситуация, чтобы задать вопрос.*
- с. *У него не было даже иголки с ниткой, чтобы пуговицу пришить.*
- д. *Где найти помощника, чтобы знал три языка.*
- е. *Я не повар, чтобы на всех готовить.*

(некоторые из них упоминаются в грамматиках и пособиях по синтаксису (ср. [Грамматика-70; Крючков, Максимов 1977; РГ-80]), другие — нет, вероятно потому, что не связаны с реализацией валентности или наличием в контексте очевидных показателей вроде местоимений; впрочем, в [РГ-80, §2745] упоминаются некоторые родственные конструкции с инфинитивом, ср.: *Найди щетку почистить обувь*).

Собственно целевые придаточные в наш материал не входят, т.к. сирконстантные придаточные, в отличие от актантных, не присоединяются к слову. Вообще говоря, семантические связи между целевым придаточным и существительным в главной клаузе иногда можно обнаружить, ср.: *Он устроил праздник, чтобы порадовать детей*: цель — ‘порадовать детей’, средство — ‘праздник’.

Но мы будем рассматривать конструкции, которые связаны с существительным не только семантически, но и формально. В первую очередь нас будет интересовать система переходов от существительных, которые имеют пропозициональную валентность, реализуемую *чтобы*-клаузой, к суще-

ствительным, которые не имеют словарной сентенциальной валентности, но тем не менее тоже присоединяют *чтобы*-клаузу. Многие из этих конструкций связаны еще и с целевыми придаточными, т.к. имеют квазичелевую семантику.

Существительные, которые присоединяют *чтобы*-клаузу, для краткости будем называть базовыми. Далее мы рассмотрим *чтобы*-клаузы, связанные с двумя типами базовых существительных — абстрактными и конкретными. Ввиду большого разнообразия материала мы сможем обсудить лишь некоторые частные типы конструкций и группы базовых существительных.

2. *Чтобы*-конструкции с абстрактными существительными

Итак, один из полюсов нашей шкалы образуют *чтобы*-клаузы при существительных с пропозициональной валентностью. Основная группа — существительные (обычно отглагольные), имеющие модальную семантику:

- (2) *Он выразил желание / высказал просьбу / выдвинул требование, чтобы на юбилей пригласили не только родственников, но и учеников.*

Подчиненная клауза в таких предложениях выражает валентность содержания базового существительного. Это тривиальный случай, который мы рассматривать не будем.

Мы рассмотрим две периферийные, но более интересные и важные для нашей темы группы базовых существительных — (1) существительные с бытийной *чтобы*-клаузой и (2) существительные с ресурсной, или квазичелевой, *чтобы*-клаузой.

2.1. Бытийные конструкции

Существительные *случай, прецедент, пример, факт, история, ситуация, происшествие, обстоятельство / обстоятельства* семантически связаны с бытийными глаголами типа *случаться, бывать, происходить*: *Может случиться, что избирательный блок будет под Народной партией* [«Газета», 2003.06.25]. Мы будем условно называть эти существительные «группа 'ситуация'».

Бытийная лексика (как глаголы, так и — тем более — существительные) не является прототипической с точки зрения пропозициональной валентности. Прототипическими с этой точки зрения являются предикаты пропозициональной установки (типа *знать, считать, предполагать*), кото-

рые имеют две основных валентности: X — субъекта пропозиционального отношения и P — содержания, соответствующего пропозициональному объекту. Что касается бытийных глаголов, то они сочетаются как с предметными (*В реке есть* [‘водится’] **рыба**; *Единорогов не существует*), так и с пропозициональными актантами (*случается / происходит / бывает, что P*). Причем в последнем случае этот актант — не пропозициональный объект, а, так сказать, пропозициональный субъект. В любом случае изъяснительные придаточные с бытийными глаголами — периферийная группа. Строго говоря, их пропозициональную валентность нельзя считать полноценной. «Настоящая» пропозициональная валентность реализуется при любой морфологической форме слова и в любой синтаксической позиции: *догадался, что P / догадавшись, что P / догадавшийся, что P*. А присоединение пропозиционального актанта к бытийному глаголу связано с определенными ограничениями: бытийные глаголы с пропозициональным актантом выступают в формах 3 лица или среднего рода, т.е. в формах, характерных для безличных глаголов.

Часто присоединение бытийного придаточного поддерживается местоимением (коррелятом), причем это местоимение также не типично для изъяснительных придаточных. «Нормальный» коррелят для изъяснительных придаточных — местоимение *то* (*Признал то, что P; Доволен тем, что P; Вспомнил о том, что P; Согласен на то, чтобы P* и т.д.), а в бытийных предложениях используется *так* (3a–b) или *такое* (3c):

- (3) а. *Порой случается так, что мы, сами того не замечая, оказываемся в важных точках мироздания.* [«Ковчег», 2013]
 б. *Молодой автор как бы играючи создает шедевр, а дальше нередко бывает так, что опыта становится больше, мастерства — тоже, но алхимия куда-то уходит.* [В.О. Авченко. Фадеев (2017)]
 с. *И несколько раз уже случалось такое, что «деды» остаток ночи развлекали себя гитарой и пенцем.* [Михаил Елизаров. Госпиталь (2009)].

Вообще, сообщение о существовании (наличии) ситуации обычно не требует специального глагола, т.к. этот смысл выражается грамматической модальностью: *‘Было, что в конце октября выпал снег* [‘В конце октября имела место ситуация: выпал снег’] → *В конце октября выпал снег.*

Бытийные глаголы часто выражают не просто существование ситуации, но и какую-то дополнительную информацию — повторяемость, обобщенность: *Бывает / случается, что в конце октября выпадает снег*. Подобные конструкции с точки зрения семантики являются вариантом выражения разных референциальных статусов ситуации, и эти статусы могут обозначаться не только глаголами, ср.: *Иногда в конце октября выпадает снег*.

Аналогично — бытийные конструкции с существительными (вида *были случаи / были примеры, что Р*) также используются, чтобы не просто сообщить факт, а подчеркнуть, что он является показательным, характерным, интересным, необычным.

Мы не можем углубляться в эту проблематику — это увело бы нас слишком далеко от темы. Мы просто констатируем, что бытийные глаголы не являются типичными изъясняемыми словами. Тем более не являются типичными изъясняемыми словами существительные *пример, случай* и под. Синтаксическая связь такого существительного с ситуацией (подчиненной клаузой) требует соблюдения целого ряда условий.

Пропозициональная валентность базового существительного обычно реализуется в контексте глагола *быть*:

- (4) а. *Был случай, что кто-то взял, да и положил слой краски на картину Прянишникова*. [«Петербургская газета», 1911]
- б. *Были случаи, что солдатские патрули обезоруживались женщинами на улице*. [П.Н. Краснов. На внутреннем фронте (1922)]
- с. *Есть примеры, что неграмотный больше грамотного понимает, особенно ежели грамотный-то сытый!* [Максим Горький. Мать (1906)]
- д. *Так, был пример, что несколько человек соглашались и покупали один двор, совершив купчую на общее имя, и двор принадлежал не одному лицу, а всем вместе*. [Н.И. Костомаров. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях (1862)]

Примеры с другими глаголами (ср.: *Я знаю случай, что крестьянин посеял на ляде 9 мер ячменя и намолотил 15 кулей* [А.Н. Энгельгардт. Письма из деревни (1872–1887 гг.). Письмо десятое (1880)]) в корпусе единичны и относятся к XIX – началу XX вв.

Союз *чтобы* в «нормальных» условиях невозможен: **Были случаи / примеры, чтобы несколько человек купили один двор*.

При существительных бытийной группы, как и при бытийных глаголах, *чтобы* является заместительным, т.е. *чтобы*-придаточные употребляются в условиях снятой утвердительности (о понятии снятой утвердительности см. [Падучева 2013, 2015]) — в контексте отрицания или в модальном контексте, ср.:

- (5) а. *Уже были примеры, что из тюрьмы выходили величайшие преступники, но уже исправленные.* [А.Н. Радищев] → *Еще не было примеров, чтобы...*
- б. *Это средство давно испытано, и не было примера, чтобы оно не подействовало.* [М.Н. Волконский. Две жизни (1914)]
- с. *Еще ни разу не было ситуации, чтобы иск подавался только против России.* [«Известия», 29.11.2001]
- д. *А бывали ли ситуации, чтобы Минпечати, наоборот, за СМИ заступалось?* [«Витрина читающей России», 02.08.2002]

ЗАМЕЧАНИЕ. *Чтобы*-конструкции с абстрактными существительными имеют системные связи с другими конструкциями не только по линии *чтобы*, но и по другим параметрам. У нас нет возможности рассматривать эти связи подробно, поэтому ограничимся лишь упоминанием двух родственных типов конструкций.

(1) По степени абстрактности существительные группы 'ситуация' близки к местоимениям, что выражается в их системных связях с местоименными конструкциями, ср.:

- (i) *А бывало ли такое, чтобы Минпечати за СМИ заступалось?*
- (ii) *Взять хотя бы наш конкурс — еще не было такого, чтобы два года подряд победа доставалась представительницам одного города.* [«Огонек», 2014] ≈ *Не было случая / ситуации, чтобы...*

(2) Еще одна особенность *чтобы*-конструкции, не отмечавшаяся в грамматиках: *чтобы*-придаточное при существительных данной группы имеет в качестве варианта относительное придаточное с *когда*. При этом относительное придаточное безразлично к отрицанию:

- (iii) *Есть ситуации, когда [= в которых] поступки профессионала можно просчитать со стопроцентной вероятностью.* [А.А. Бушков (2016)]
- (iv) *Он выразил надежду, что больше не будет ситуаций, когда выделенные деньги не доходят до адресатов.* [lenta.ru, 2019.10]
- (v) *Есть примеры, когда пророчество нарушает причинно-следственные связи.* [А. Иличевский. (2009)]

- (vi) *У меня в жизни не было примеров, когда бизнес с родственниками приводил к чему-то хорошему.* [Форум: Бизнес с друзьями и родственниками (2010)].

2.2. Ресурсные (квазицелевые) конструкции

Еще одна группа абстрактных существительных, присоединяющих *чтобы*-придаточные, — *повод, предлог, мотив, причина, основание, условие, отговорка* и под. (сокращенно — группа ‘повод’).

ЗАМЕЧАНИЕ. Сразу отметим, что мы рассматриваем не все значения этих слов. Например, *условие* имеет значение *условие*-‘требование’, у которого валентность тоже выражается *чтобы*-придаточным, ср.: *И у меня было условие, чтобы в нашей передаче обязательно выступил Булат* [Независимая газета, 1997.01].

Нас интересует другое значение — *условие*-‘возможность’: *Нужно создать условия, чтобы у владельца таких капиталов появился интерес инвестировать в Россию* [Итоги, 2003.01.13]. У этих лексем разная сочетаемость с легкими глаголами (лексическими функциями в терминологии модели «Смысл ⇔ Текст», см. [Апресян 1995: 45–50]): *поставить/выдвинуть условие* (‘требование’) vs *создать/сложилась условия* (‘возможность’).

Конструкции с существительными этой группы условно можно назвать ресурсными, или квазицелевыми (другие виды ресурсных конструкций мы рассмотрим ниже). Общий смысл этих конструкций можно сформулировать так: ‘у X-а имеется [или: X хочет получить] средство / условие / ресурс для достижения цели, реализации желания’. Таким образом, термины «ресурсная» и «квазицелевая» обозначают два разных аспекта таких конструкций: наличие ресурса для реализации цели / желания.

Это редкий случай, когда лексическая валентность имеет типичное сирконстантное значение. Примеры таких валентностей описаны в работе [Апресян 1995: 126, 120]: например, *срок* в большинстве случаев является обстоятельством (ср. *приехал на две недели; взял на три дня*), но у слов типа *арендовать срок* («на какое время») является лексической валентностью; у глагола *стремиться (к Р)* цель — лексическая валентность. Аналогично у существительных группы ‘повод’ *чтобы*-клауза выражает лексическую валентность (в описании О.Ю. Богуславской она соответствует желанию субъекта, см. [НОСС 2003: 281], но в широком смысле эту валентность можно рассматривать и как квазицелевую):

- (6) а. *Это был просто **предлог, чтобы** распрощаться побыстрее и занять место у подоконника.* [Г.М. Артемьева. Фата на дереве (2012)]
- б. *Он стал **искать предлог, чтобы** расстаться с любовницей.*
[М.К. Кантор. Диссидент осеннего призыва (2011)]
- с. *Как сам он сказал позднее, переговоры эти **были для него предложом, чтобы** повидать дочь.* [Людмила Улицкая. Пиковая дама (1995–2000)]
- д. *Суховой намеренно **использовал надуманный предлог, чтобы** оттянуть знакомство со свалившимся на его голову Подлевским почти на неделю.* [Анатолий Салуцкий. Немой набат // «Москва», 2019]
- е. *Ему можно было и так все объяснить, и он **нашел бы предлог, чтобы** приостановить работу.* [«Известия», 2003.01.12].

В группе ‘ситуация’ для присоединения *чтобы*-кlausулы к абстрактному существительному нужны были специальные условия — отрицание при предикате или модальный контекст. В группе ‘повод’ для реализации пропозициональной валентности *чтобы*-кlausулой специальных условий не требуется — она реализуется в любой позиции, занимаемой базовым существительным, — и в позиции субъекта, и в позиции дополнения, и в позиции предиката:

- (7) а. *Есть **повод, чтобы** прекратить работу.*
- б. *Нет **повода, чтобы** прекращать работу / Это не **повод, чтобы** прекращать работу.*
- с. *Он всегда найдет **повод, чтобы** прекратить работу.*
- д. ***Повод, чтобы** прекратить работу, всегда найдется.*

Тем не менее особо выделяется конструкция, в которой существительное группы ‘повод’ занимает позицию предиката под отрицанием или в модальном контексте:

- (8) *Это **не основание, чтобы** отбирать у него паспорт и военный билет!* [Даниил Корецкий. Менты не ангелы, но... (2011)] (ср. также: *Разве это основание, чтобы Р?*)

Именно эта конструкция имеет максимальное сходство с другими *чтобы*-конструкциями, требующими отрицания: *Я не дурак, чтобы всему верить; Я не сторож, чтобы ваши вещи охранять; Не тот случай, чтобы отказываться.*

2.3. Контекст оценочного прилагательного

Итак, мы рассмотрели два случая: бытийные конструкции, в которых присоединение *чтобы*-клаузы возможно при наличии отрицания (или других условий снятой утвердительности) в главной клаузе, и ресурсные (квази-целевые) конструкции, в которых *чтобы*-клауза не требует специальных условий.

Теперь рассмотрим поведение этих групп существительных в контексте оценочного прилагательного.

Для группы 'повод' контекст оценочного прилагательного ничего не меняет, а только добавляет (усложняет) значение:

- (9) а. *Это — прекрасный повод, чтобы разобрать ее до основания.*
[С.Н. Сергеев-Ценский. Как прячутся от времени (1929)]
- б. *Именно поэтому данные издания дают прекрасный повод, чтобы показать, как на близком материале разворачиваются две разные стратегии исследования и соответственно перевода.* [В.Г. Лысенко. Классическая индийская философия в переводах и исследованиях российских ученых (1990–1996) (1996)]
- с. *Если у нас еще не принято широко пользоваться понятием «элитарная критика», то «Сумма поэтики» — хороший повод, чтобы вести его в обиход.* [Сергей Орбий. Критика vs поэзия: поверх границ // «Октябрь», 2013]
- д. *Это был удобный повод, чтобы воспользоваться предложением Ясперса о военной экспедиции против возглавления КПК.* [Мосты, 1967].

При этом группа 'повод', как показано выше, и без оценочного прилагательного может присоединять *чтобы*-придаточные в неотрицательном контексте.

А группа 'ситуация' демонстрирует изменение свойств: существительные группы 'ситуация', которые в «изолированном» употреблении сочетались со *чтобы* только в отрицательном контексте, ср.: *Не было примера / случая / ситуации, чтобы P* (но: **Были случаи, чтобы P* → *Были случаи, что P*, см. примеры выше), при наличии оценочного прилагательного могут присоединять *чтобы* и без отрицания (*удобная ситуация / хороший пример / удобный случай, чтобы P*), т.е. ограничение снимается:

- (10) а. *В подъезде было темно, лампы вывернуты — очень неплохая ситуация, чтобы пальнуть в затылок из пистолета /.../ Очень удобная ситуация, чтобы шмальнуть ему в спину автоматной очередью.*
[Евгений Сухов. Делу конец — сроку начало (2007)]

- b. *Для господина Ахтисаари это был очень хороший пример, чтобы предложить нечто подобное здесь, в Сербии, для решения косовской проблемы.* [Vesti.ru, 2007.04]
- c. *Дом одной стороной практически примыкал к лесополосе — очень неплохое обстоятельство, чтобы в случае нужды незаметно скрыться.* [Евгений Сухов. Делу конец — сроку начало (2007)].

Таким образом, в контексте оценочного прилагательного различия между бытийной и ресурсной конструкциями в значительной степени нейтрализуются, хотя, разумеется, группы ‘повод’ и ‘ситуация’ не становятся полностью «симметричными».

Существительные группы ‘повод’ наряду с оценочными допускают также количественные и другие прилагательные: *достаточный / единственный / основательный / убедительный X, чтобы P*, ср.:

- (11) a. *Разве это достаточное основание, чтобы проклинать философию Шопенгауэра и музыку Вагнера?* [Л.И. Шестов. Достоевский и Ницше (1903)]
- b. *Донос был достаточным поводом, чтобы войско опричников во главе с Иваном IV выступило в поход на русский город.* [В. Кобрин. Посмертная судьба Ивана Грозного // «Знание — сила», 1987]
- c. *В них заключается единственное основание, чтобы признать за нравственными предписаниями логическую (т. е. для разума очевидную) цену.* [Л.М. Лопатин. Нравственное учение Канта (1890)]

Для группы ‘ситуация’ нужны либо общеоценочные прилагательные типа *хороший*, либо прилагательные типа *пригодный, подходящий, удобный*. Впрочем, *хороший* с точки зрения человека нередко и означает ‘удобный, подходящий для чего-л’, ср. [Vendler 1967].

Без оценочного определения (как и без отрицания) такие базовые существительные в контексте *чтобы* дают неграмматичные предложения: **Это ситуация, чтобы пальнуть; *Это обстоятельство, чтобы незаметно скрыться*. Следовательно, под влиянием оценочного прилагательного в этой конструкции происходит семантический сдвиг в зону значений ресурсной конструкции.

Более того, такое влияние оценочное прилагательное оказывает не только на существительные группы ‘ситуация’, но и на существительные других групп:

- (12) а. *Заброшенные торфяные карьеры, да ещё и горящие, — хорошее место, чтобы спрятаться.* [Иванов. (2011)], ср. **Торфяные карьеры — место, чтобы спрятаться.*
- б. *Весы смогут опереться на поддержку друзей. Хороший день, чтобы приблизиться к осуществлению мечты.* [Коммерсант, 2002.11]

В подобных случаях в семантической структуре обнаруживается смысл 'ситуация (объект) годится / подходит / является пригодной(-ым) / подходящей(-им), чтобы Р' (где Р — цель, желание, намерение названного или неназванного субъекта), т.е. на глубинно-семантическом уровне *Это хорошее место, чтобы Р ≈ Это место годится, чтобы Р*. Аналогичная семантика выражается в предложениях, где *чтобы*-клауза является валентностью глагола:

- (13) а. *Это место годится, чтобы спрятаться.*
- б. *Этот день подходит, чтобы осуществить наш план.*

Таким образом, обнаруживаются системные семантические и грамматические связи между клаузами, реализующими лексическую валентность, и клаузами с промежуточным статусом, которые лицензируются конструкцией.

У *годиться* есть пропозициональная валентность, которая выражается, в частности, *чтобы*-клаузой, а *место* — слово с почти местоименной семантикой, и такой валентности у него нет. Тем не менее в результате «перекройки», перераспределения компонентов в глубинно-семантической структуре семантический комплекс *хорошее место* развивает семантику, «лицензирующую» *чтобы*-клаузу: 'место подходит для Р / чтобы Р'.

Подобные процессы имеют важное следствие для теории валентностей и для грамматического описания «переходных», гибридных синтаксических явлений. А именно: они являются основанием для того, чтобы скорректировать теорию валентностей и способов их выражения. В теории валентностей актантные клаузы противопоставляются обстоятельственным. Однако если переместиться на уровень семантической структуры, оказывается, что за присоединение клаузы отвечает фрагмент семантической структуры, которому в поверхностной структуре не обязательно соответствует лексема со «словарной» валентностью. Т.е. одну и ту же клаузу могут присоединять сходные фрагменты семантической структуры, которым при этом соответствуют разные лексические конфигурации в поверхностной структуре.

3. Ресурсные (квазицелевые) *чтобы*-конструкции с конкретными существительными

Цель системно связана со средством ее достижения. При отсутствии средства, ресурса, условий, возможностей для достижения цель превращается в желание, мечту и т.п. Ресурсная *чтобы*-конструкция переносит акцент с действия, которое является средством достижения цели субъекта, на ресурсы и возможности, которые субъект использует в ходе реализации цели, но при этом сохраняет целевую или квазицелевую семантику.

Типичным ресурсом, нужным для достижения цели, является время: *Нам достаточно трех часов, чтобы добраться до вокзала.* Данная конструкция подробно описана в [Богуславский 1996: 97–100]. В рамках нашей темы такая *чтобы*-клауза является тривиальной, т.к. соответствует валентности слов группы *достаточно, нужно, необходимо.*

Мы рассмотрим кластер конструкций с конкретными существительными, у которых нет «словарной» пропозициональной валентности, но которые тем не менее присоединяют *чтобы*-клаузы, т.к. их референт включает в себе ресурс или возможность для реализации цели; в более слабом случае референт базового существительного имеет (может, должен иметь) признак, соответствующий желанию субъекта.

3.1. Основная функция

Наиболее простой и очевидный случай — функциональные существительные, обозначающие инструменты — предметы, позволяющие агенсу реализовать определенную цель, для которой эти инструменты предназначены и которая соответствует их функции. Тривиальная цель-предназначение является обычно экскорпорацией внутреннего семантического предиката такого существительного:

(14) а. *У него с собой всегда была иголка с ниткой, чтобы пуговицы пришивать.*

б. *У нас нет даже ножа или ножниц, чтобы веревку перерезать.*

(вариантом, как и в других случаях целевого *чтобы*, является инфинитивная конструкция: *У тебя не найдется иголки с ниткой пуговицу пришить?; Нет ножниц веревку перерезать?*).

При наличии в главной клаузе «полноценного» действия агенса придаточное превращается в обычное целевое:

(15) *Он принес ножницы, чтобы перерезать веревку.*

(в данном предложении случайным образом в центр внимания попал инструмент для перерезания, однако это не обязательно, ср.: *Он полез на дерево, чтобы перерезать веревку, на которой висел сундук*).

Не только названия инструментов содержат в своей семантике функцию, она есть и у функциональных названий лица: *повар* — ‘готовить пищу’; *судья* — ‘судить’, а также у названий учреждений и функциональных помещений: *ресторан* — ‘есть’, *спортзал* — ‘заниматься спортом, тренироваться’:

(16) а. *Он работает в прекрасном месте: поблизости есть кафе, чтобы обедать, и спортзал, чтобы заниматься, но, к сожалению, нет ни одного автобуса, чтобы быстро и без пересадок туда доехать.*

б. *В сибирской ссылке у князя не было ни повара, чтобы готовить, ни прислуги, чтобы помогать по дому.*

Отметим, что для присоединения *чтобы*-клаузы к конкретным существительным нужны определенные условия. Само по себе наличие внутреннего семантического предиката достаточным условием не является, ср.: *?Он повар, чтобы готовить*.

Ключевым условием для реализации квазицелевой *чтобы*-клаузы данного типа является контекст бытийных (в том числе отрицательно-бытийных) и посессивных предикатов (‘быть’, ‘иметь’, ‘иметься в чьем-л. распоряжении’), а также предикаты, которые имплицитно имеют такую семантику (кроме того, существуют многочисленные фразеологизованные модели, например с семантикой предназначения, ср.: *На то он и повар, чтобы готовить*, см., например, [Крейдлин 1992; Левонтина 2006], — которые мы здесь не рассматриваем).

Приведенные выше *чтобы*-клаузы (*повар, чтобы готовить; автобус, чтобы доехать*) достаточно тривиальны, т.к. «материализуют» внутренний семантический предикат функционального существительного. Однако и у лица, и даже у предмета диапазон возможных полезных признаков и способов «применения» существенно шире, чем «встроенная» функция. И интерес представляют случаи с менее тривиальным соотношением базового существительного и *чтобы*-клаузы.

3.2. Желательный признак

Один из таких случаев — предложения, которые обозначают потребность лица S в объекте X с заданным или желательным признаком P. Таким объектом может быть как лицо (17a), так и предмет (17b–c) или учреждение (17d):

- (17) а. *А Анастасия Владимировна терпела: где еще найдешь сиделку, чтобы хорошо ладила с Васей?* [А. Терехов (1997–2008)]
б. *Мне нужна таблетка, чтобы растворялась в воде.*
в. *Где же взять устройство, чтобы помещалось в кармане.*
д. *Есть поблизости ресторан, чтобы недорого и тихо?*

В главной клаузе речь идет о потребности субъекта S в объекте X (или о поиске объекта X) с заданным признаком, а в *чтобы*-клаузе описывается сам этот признак.

У таких конструкций имеется ряд ограничений:

(а) существование объекта X — в сфере действия модального оператора, сам объект нереферентный, ср.:

- (18) а. **Наконец они нашли сиделку, чтобы ладила с Васей.*
б. **После долгих поисков пришли в ресторан, чтобы тихо и недорого.*

(б) наличие эксплицитно выраженного или имплицитно присутствующего субъекта желания, которое выражено в *чтобы*-клаузе.

Конструкции желательного признака системно связаны с атрибутивными придаточными, которые имеют аналогичные характеристики (ограничения) — сослагательное наклонение или будущее время (которое ведет себя как модальность) и субъекта желания, выводимого или эксплицитно обозначенного:

- (19) а. *Им нужна сиделка, которая бы ладила с мальчиком.*
б. *Где же взять устройство, которое бы помещалось в кармане.*

При невозможности реконструировать такого субъекта предложение становится неприемлемым:

- (20) *?В витрине выставлены устройства, которые бы помещались в кармане.*

Даже замена причастия на императив улучшает предложение (хотя и не делает его полностью приемлемым): *Положи на видное место устройства, которые бы помещались в кармане* — хотя «распорядитель» сам не будет пользоваться устройствами, тем не менее появляется субъект, который контролирует желательный признак.

Таким образом, конструкция желательного признака (*Есть поблизости ресторан, чтобы тихо и недорого?*) — своего рода контаминация атрибутивной конструкции, описывающей признак предмета, и целевой конструкции, описывающей цель (желание) человека. У *чтобы*-придаточного как бы двойная семантическая связь: с существительным в главной клаузе, признак которого обозначен в придаточном, и с — часто невыраженным, но присутствующим в семантической структуре — субъектом S, для которого признак P является желательным.

ЗАМЕЧАНИЕ. От квазицелевых конструкций следует отличать внешне похожие конструкции со значением ирреального следствия (функционального несоответствия или несоответствия ожиданиям). *Чтобы*-клауза в таких конструкциях, как и в рассмотренных выше квазицелевых, может содержать экспликацию внутреннего семантического предиката (i), а может выражать самые разные признаки, ассоциируемые с референтом базового существительного (ii), при этом само существительное — не обязательно функциональное (iii):

- (i) *Я не повар, чтобы на всех готовить;*
Я не банк, чтобы деньги выдавать;
Я не прокурор, чтобы обвинять;
Здесь не пляж, чтобы загорать.
- (ii) *Тут не ресторан, чтобы блюда выбирать;*
Здесь не пляж, чтобы в купальнике ходить.
- (iii) *Я не Пушкин, чтобы стихи писать;*
У нас не юг, чтобы абрикосы сажать;
Тут не Сочи, чтобы пальмы росли;
Сейчас не зима, чтобы на лыжах кататься;
Сейчас не лето, чтобы без пальто ходить.

Эти конструкции требуют отрицания, которое может быть представлено в самых разных видах (iv), в том числе в виде риторического вопроса (v):

- (iv) *Вы не на пляже, чтобы в купальниках ходить*
Это же было не вчера, чтобы я все помнил,

(v) *Где у меня деньги, чтобы всем раздавать?!*

Разве я деньги лопатой гребу, чтобы всем раздавать! — ср.: Я не банк / не банкир, чтобы всем деньги раздавать.

Существительные в главной клаузе тяготеют к позиции предиката или, по крайней мере, находятся в реме. С точки зрения семантики *чтобы*-клаузы такие конструкции похожи на ресурсные, с точки зрения обязательности отрицания они обнаруживают сходство с конструкциями абстрактных существительных группы 'ситуация', у которых *чтобы*-клауза также появляется в контексте отрицания (*не было примеров, чтобы...*). Тем не менее эти конструкции имеют существенно отличную семантику и прагматику и требуют отдельного рассмотрения.

4. Заключение

Хотя в грамматиках — не только школьных, но и академических — цель считается разновидностью обстоятельства и рассматривается вместе с другими сирконстантами — причиной, условием, сравнением, временем, в действительности цель занимает особое место в подсистеме сирконстантных значений. Она очень слабо связана с группой типичных обстоятельств и, наоборот, сильно сдвинута в сторону предикатов пропозиционального отношения, что естественно: цель — это желание, намерение, для реализации которого субъект затрачивает усилия. Пропозициональное содержание цели может быть оформлено и с помощью актантного придаточного: *Ведущие компании стремятся к тому, чтобы компьютер появился на каждом рабочем месте, на каждом столе* [«Информационное общество», 2010]. Однако лексем, у которых цель — лексическая валентность, крайне мало.

В основном, цель выражается с помощью сирконстантных придаточных, однако такое придаточное предполагает в семантической структуре главной клаузы субъекта — носителя соответствующей пропозиции, т.е. «автора» цели. С этим связаны семантические ограничения на придаточные цели: в главной клаузе должен быть личный субъект, выполняющий контролируемое действие, направленное на достижение цели. В противном случае придаточное не относится к собственно целевым (ср. так называемые придаточные антицели: *После долгих скитаний он вернулся на родину, чтобы через полгода умереть*).

Таким образом, существенно наличие в семантической структуре субъекта и пропозиции, которая может быть квалифицирована как его цель

(или потенциальная цель, о потенциальной цели см., например, [Левонтина 2006: 219–220]).

Однако наличие такого фрагмента в семантической структуре не обязательно приводит к его репрезентации в виде придаточного цели. Ему могут соответствовать и другие конструкции с ресурсным и квазицелевым значением.

В грамматиках, которые ориентированы на разграничение типов придаточных, клаузы с союзом *чтобы*, даже имеющие сходное содержание, рассматриваются в разных разделах, а материал «переходных», «промежуточных» конструкций часто не рассматривается вообще. Между тем в грамматической системе языка такие клаузы имеют многочисленные семантические и грамматические связи и иногда могут выступать в качестве вариантов выражения одних и тех же фрагментов семантической структуры.

Список источников / References

- Апресян 1995 — Апресян Ю.Д. Лексическая семантика // Апресян Ю.Д. Избр. труды. Т. 1. М.: ЯРК, 1995. [Apresjan Yu. D. Leksicheskaya semantika [Lexical semantics]. Apresyan Yu.D. Izbr. trudy. Vol. 1. Moscow: Yazyki russkoy kultury, 1995.]
- Апресян и др. 2010 — Апресян Ю.Д., Богуславский И.М., Иомдин Л.Л., Санников В.З. Теоретические проблемы русского синтаксиса. Взаимодействие грамматики и словаря. М.: Языки славянских культур, 2010. [Apresjan Yu. D., Boguslavskii I.M., Iomdin L.L., Sannikov V.Z. Teoreticheskie problemy russkogo sintaksisa. Vzaimodeistvie grammatiki i slovarya [Theoretical problems of the Russian syntax: Interaction of grammar and vocabulary]. Moscow: YaSK, 2010.]
- Богуславский 1996 — Богуславский И.М. Сфера действия лексических единиц. М.: ЯРК, 1996. [Boguslavskii I.M. Sfera dejstviya leksicheskikh edinic [The scope of lexical units]. Moscow: Yazyki russkoy kultury, 1996.]
- Грамматика-70 — Шведова Н.Ю. (ред.) Грамматика современного русского литературного языка. М.: Наука, 1970. [Shvedova N.Yu. (ed.) Grammatika sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka [Modern Russian Grammar]. Moscow: Nauka, 1970.]
- Крейдлин 1992 — Крейдлин Г.Е. К проблеме языкового анализа концептов «цель» vs «предназначение» // Логический анализ языка. Модели действия. М., 1992. С. 23–30. [Kreidlin G.E. K probleme yazykovogo analiza kontseptov «tsel'» vs «prednaznachenie» [On the problem of linguistic analysis of the concepts “goal” vs “purpose”]. Logicheskii analiz yazyka. Modeli deistviya. Moscow, 1992. Pp. 23–30.]
- Крючков, Максимов 1977 — Крючков С.Е., Максимов Л.Ю. Современный русский язык. Синтаксис сложного предложения. М., 1977. [Kryuchkov S.E., Maksimov L.Yu. Sovremennyi russkii yazyk. Sintaksis slozhnogo predlozheniya [Modern Russian. Syntax of complex sentence]. Moscow, 1977.]
- Левонтина 2006 — Левонтина И.Б. Понятие цели и семантика целевых слов русского языка // Языковая картина мира и системная лексикография. Отв. ред. Ю.Д. Апресян. М.: ЯСК, 2006. С. 163–238. [Levontina I.B. Ponyatie tseli i semantika tselevykh slov russkogo yazyka // Yazykovaya kartina mira i sistemnaya leksikografya. Otv. red. Yu.D. Apresyan. M.: YASK, 2006. S. 163–238.]

- russkogo yazyka [The concept of purpose and semantics of purpose words in the Russian language]. *Yazykovaya kartina mira i sistemnaya leksikografiya*. Ed. by Yu.D. Apresjan. Moscow: YaSK, 2006. Pp. 163–238.]
- Летучий 2021 — Летучий А.Б. Русский язык о ситуациях. Конструкции с сентенциальными актантами в русском языке. СПб.: Алетейя, 2021. [Letuchii A.B. Russkii yazyk o situatsiyakh. Konstruktsii s sententsial'nymi aktantami v russkom yazyke [Russian language about situations. Constructions with sentential arguments in Russian]. Saint Petersburg: Aleteiya, 2021.]
- Мельчук 1999 — Мельчук И.А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл ⇔ Текст». Семантика, Синтаксис. 2-е изд. М.: ЯРК, 1999. [Mel'chuk I.A. Opyt teorii lingvisticheskikh modelei «Smysl ⇔ Tekst». Semantika, Sintaksis [Towards a theory of “Meaning ⇔ Text” linguistic models. Semantics, Syntax]. 2nd edition. Moscow: YARK, 1999.]
- НОСС 2003 — Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общ. рук. Ю. Д. Апресяна. Вып. 3. М., 2003. [Novyi ob'yasnitel'nyi slovar' sinonimov russkogo yazyka / Ed. by Yu.D. Apresjan. Issue 3. Moscow, 2003.]
- Падучева 2013 — Падучева Е.В. Синтаксические типы общеотрицательных предложений // Падучева Е.В. Русское отрицательное предложение. М.: ЯСК, 2013. [Paducheva E.V. Sintaksicheskie tipy obshcheotritsatel'nykh predlozhenii [Syntactic types of general negative sentences]. Paducheva E.V. Russkoe otritsatel'noe predlozhenie. Moscow: YaSK, 2013.]
- Падучева 2015 — Падучева Е.В. Нереперентные местоимения на *-нибудь* (2015) // Русская корпусная грамматика. <http://rusgram.ru> [Paducheva E.V. Nereferentnye mestoimeniya na *-nibud'* (2015) [Non-referential pronouns *-nibud'*] Russkaya korpusnaya grammatika. <http://rusgram.ru>].
- Пекелис 2014 — Пекелис О.Е. Инфинитив vs придаточное с союзом *чтобы*: к вопросу о выборе способа оформления сентенциального актанта в русском языке // Вопросы языкознания. 2014. № 4. С. 13–45. [Pekelis O.E. Infinitiv vs pridatochnoe s soyuzom *chtoby*: k voprosu o vybore sposoba oformleniya sententsial'nogo aktanta v russkom yazyke [Infinitive vs subordinate clause with the conjunction *chtoby* ‘to’: towards choosing a way to express sentential argument in the Russian]. *Voprosy yazykoznaniiya*, № 4, 2014. Pp. 13–45.]
- Рахилина 2010 — Рахилина Е.В. (отв. ред.). Лингвистика конструкций. М.: Азбуковник, 2010. [Rakhilina E.V. (ed.). *Lingvistika konstruktsii* [Construction Linguistics]. Moscow: Azbukovnik, 2010.]
- РГ-80 — Шведова Н.Ю. (ред.) Русская грамматика, т. 2. М.: Наука, 1980. [Shvedova N.Yu. (ed.) *Russkaya grammatika* [Russian grammar]. Vol. II. Moscow: Nauka, 1980.]
- Adverbial Constructions 1998 — Adverbial Constructions in the Languages of Europe, Johan van der Auwera (ed.). Mouton de Gruyter. Berlin-New York, 1998.
- Croft, Cruse 2004 — Croft W., Cruse D. A. Cognitive linguistics. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.
- Goldberg 1995 — Goldberg A.E. Constructions: A Construction Grammar approach to argument structure. Chicago and London: The Univ. of Chicago Press, 1995.
- Goldberg 2006 — Goldberg A.E. Constructions at work: The nature of generalization in language. Oxford: Oxford University Press, 2006.
- Language Typology 2007 — Language Typology and Syntactic Description. Vol. 2. Timothy Shopen (ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 2007.
- Vendler 1967 — Vendler Z. The Grammar of Goodness. Vendler Z. *Linguistics in Philosophy*. Ithaca, New York, 1967. Pp. 172–195.

Статья поступила в редакцию 15.12.2023; одобрена после рецензирования 21.12.2023; принята к публикации 25.12.2023;

The article was received on 15.12.2023; approved after reviewing 21.12.2023; accepted for publication 25.12.2023.

Галина Ивановна Кустова

доктор филологических наук; Институт русского языка имени В.В. Виноградова РАН

Galina Kustova

Dr. Phil. Hab.; Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences

galinak03@gmail.com

Научная статья / Original article

УДК 81-114.2

doi:10.37632/PI.2023.76.55.004

СЕМАНТИКА И СИНТАКСИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ СЛУЖЕБНОГО СЛОВА **ѦТИ/ѦТИ** В ДРЕВНЕРУССКИХ ПАМЯТНИКАХ*

А.В. Птенцова

*МГУ имени М.В. Ломоносова / МГУ-ППИ в г. Шэньчжэнь /
Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН /
Институт языкознания РАН*

Аннотация: В статье рассматривается структура многозначности древнерусского служебного слова **Ѧти** и его варианта **Ѧти** на материале оригинальных текстов древнерусского подкорпуса и подкорпуса берестяных грамот Национального корпуса русского языка. В составе этих текстов **Ѧти/Ѧти** может выступать в качестве оптативной частицы; целевого, изъяснительного и условного союза. Спектр употреблений **Ѧти/Ѧти** оказывается шире представленного в словарях древнерусского языка. В части случаев значение лексем определяется однозначно; другая часть представляет собою промежуточные употребления. Представляется возможным реконструировать семантическое развитие рассматриваемого слова: следует предположить вслед за А.А. Зализняком, что **Ѧти**, возникшее из сращения служебных единиц **Ѧ** и **ти**, могло выражать первоначально оптативное и условное значения, исходно вносившееся служебным словом **Ѧ**, при котором **ти** выполняло усилительную функцию; затем оптативное значение стало базой для значений целевого и изъяснительного. **Ѧти**, по-видимости, не являлось отдельным служебным словом, синонимичным **Ѧти**, а представляло собою вариант **Ѧти** с более естественным для живого древнерусского языка гласным в начале слова. В исследованном материале этот вариант встречается немного **Ѧти**: для него не зафиксировано употребления в условном значении (редком и для **Ѧти**). С другой стороны, **Ѧ**-вариант оказывается более предпочтительным для памятников новгородского происхождения — при том, что в памятниках, связанных с другими зонами восточнославянского ареала, чаще встречается вариант **Ѧти**.

* Исследование поддержано грантом РФФ 22-18-00528 «Связь пропозициональных единиц в предложении и в тексте: семантика и пути грамматикализации».

Ключевые слова: лексическая семантика; служебные слова; оптативное наклонение; древнерусский язык; Национальный корпус русского языка

Для цитирования: Птенцова А.В. Семантика и синтаксические функции служебного слова *ати/оти* в древнерусских памятниках // Типология морфосинтаксических параметров. 2023. Том 6, вып. 2. С. 73–91. doi:10.37632/PI.2023.76.55.004

SEMANTICS AND SYNTACTIC ROLES OF THE FUNCTION WORD *ATI/OTI* IN OLD EAST SLAVIC TEXTS*

Anna Ptentsova

*Lomonosov Moscow State University / Shenzhen MSU-BIT University /
Vinogradov Russian Language Institute RAS / Institute of Linguistics RAS*

Abstract: In this article I go into the structure of the polysemy of the Old East Slavic function word *ati* and its variant *oti* on the base of original texts from OES subcorpus and the subcorpus of Birch bark letters of the Russian National Corpus. In these texts the regarded word can function as an optative particle, as a conjunction of the purpose, as a conjunction of complement clauses and as a conditional conjunction. The range of usages of the *ati/oti* appears to be wider than one described in OES dictionaries. Sometimes we can identify the meaning of these lexemes uniquely and in other cases the meaning lies between labeled semantic categories. It seems to be possible to describe the sequence of semantic changes. It should be assumed following A.A. Zaliznyak that *ati*, which arose from the fusion of function words *a* and *ti*, could express initially the optative and conditional meanings (introduced on the first step by the function word *a*, while *ti* performed an intensifying function); then the optative *ati* turned into a conjunction of the purpose and complement clauses. *Oti*, apparently, was not a separate function word synonymous with *ati*, but was a variant of *ati* with a vowel at the beginning that was more natural for the spoken Old East Slavic language. In the material studied there is no recorded use of it in a conditional meaning (rare for *ati* as well). On the other hand, the *o*-variant turns out to be more preferable for texts of Novgorod origin - despite the fact that in texts associated with other zones of the East Slavic area, the *a*-variant is more common.

* This research has been supported by the Russian Science Foundation, project No. 22-18-00528 “Clausal connectives in sentence and discourse: Semantics and grammaticalization paths”.

Keywords: lexical semantics, function words, Optative, Old East Slavic, Russian National Corpus

For citation: Ptentsova A. Semantics and syntactic roles of the function word *ati/oti* in Old East Slavic texts. *Typology of Morphosyntactic Parameters*. 2023. Vol. 6, iss. 2. Pp. 73–91. (In Rus.) doi:10.37632/PI.2023.76.55.004

1. Объект исследования

Настоящая статья дополняет и отчасти корректирует описание, изложенное в работе [Птенцова 2023]. Так же, как эта работа, статья посвящена описанию лексической семантики и синтаксических функций древнерусского служебного слова *ати/оти* (а также редуцированных вариантов *ать* и *оть*, весьма частотных в памятниках).

Следует пояснить, что *оти*, по всей вероятности, не являлось отдельной по отношению к *ати* синонимической служебной единицей, а представляло собою лишь ее вариант с более естественным для живого древнерусского языка гласным в начале слова¹; см. в разделе 2.1 некоторые наблюдения в развитие этой мысли.

Рассматриваемые слова вписываются в продолжительный ряд служебных слов, состоящий из пар на *а-* и на *о-*: *аже – оже*; *ако – око*; *але – оле*; *али – оли*; *али же – оли же*; *ано – оно*; *аче – оче* и под.

Относительно вариативности *ати* (*ать*) и *оти* (*оть*) ср. замечание А.А. Зализняка: «Характер исторического соотношения между этими двумя словами не совсем ясен; так или иначе, мена *а – о* здесь явно связана с такой же меной в *аже – оже*, *аче – оче*, *абы – обы*, *ако – око*» [Зализняк 1993: 307] Ср. еще [Зализняк 2008а: 277]: *ати* и *оти* рассматриваются здесь в одном ряду с *-ка/-ко*, *да* и *до*, *даже* и *доже*, то есть с лексемами, в которых чередование *а/о* представлено не в начале слова.

В дальнейшем при отсутствии необходимости конкретизировать варианты в статье будет использоваться обобщенное обозначение *ати/оти*.

¹ Выражаю благодарность М.Н. Шевелевой за это соображение, высказанное в ходе обсуждения данного материала.

2. Источники

2.1. Национальный корпус русского языка

Основным источником исследования послужили оригинальные тексты XI–XIV вв., входящие в исторический подкорпус Национального корпуса русского языка (далее НКРЯ) и тексты берестяных грамот (далее б. г.), составляющие отдельный подкорпус НКРЯ.

Распределение материала по оригинальным древнерусским текстам в составе НКРЯ выглядит следующим образом: в подавляющем большинстве случаев *ати/оти* встречается в текстах летописей — Волынской (ВЛ) и особенно в Киевской (КЛ) по Ипатьевскому списку; Новгородской I по Синодальному списку (НПЛ), Повести временных лет (ПВЛ) и Лаврентьевской (ЛЛ). Кроме этого, данные слова фиксируются в Уставе кн. Святослава Ольговича (1136–1137 гг.) — единожды; в Вопрошании Кириковом сер. XII в. (ВК); в Русской Правде по Новгородской Кормчей 1282 г. (РП) — единожды; в Поучении Ильи-Иоанна 2 пол. XII в. (Поуч. Ильи-Иоанна); по одному разу в Поучении Серапиона XIII в. и Духовной Климента (XIII в.). Активно используется *ати/оти* и в текстах берестяных грамот.

Вместе с тем *ати/оти* не встретилось в целом ряде памятников из числа входящих в НКРЯ: в Галицкой летописи (ГЛ; при активном употреблении в Волынской и особенно Киевской летописях!); в сочинениях Владимира Мономаха, в Хожениях игумена Даниила и архиепископа Антония, в Сказании о Борисе и Глебе, в Житии Феодосия Печерского, в Слове Даниила Заточника и некот. др. Интересно, что в книжных переводных памятниках, не являющихся предметом исследования в настоящей статье, вполне употребительно *ати* (*ать*): оно встречается в текстах Истории Иудейской войны Иосифа Флавия, Повести об Акире Премудром и в Пчеле.

Тем самым, обсуждаемые слова не имели выраженных территориальных ограничений внутри восточнославянского ареала и были допустимыми в текстах стандартного церковнославянского регистра, однако употреблялись в подобных текстах весьма избирательно.

Относительно причин наличия или отсутствия *ати/оти* в некоторых из указанных памятников можно предложить ряд объяснений.

КЛ, где *ати/оти*, как уже говорилось, используется очень широко, известна тем, что в ней активнейшим образом употребляется прямая речь персонажей, почти не подвергшаяся редактированию и потому близкая живому древнерусскому языку; ср. оценку, данную А.А. Зализняком: «По-

слания князей друг к другу по языку и стилю выглядят здесь [в Киевской летописи — А.П.] очень похоже на берестяные грамоты» [Зализняк 2008b: 24]; ср. еще: «Здесь послания князей <...> цитируются почти буквально (возможно, иногда с прямым использованием соответствующих грамот)» [Зализняк 2008a: 55].

Чуть забегаая вперед, отмечу, что *ати/оти* в подавляющем большинстве случаев тяготеет именно к прямой речи.

Весьма близка КЛ по целому ряду лингвистических признаков ВЛ, где данное служебное слово также вполне употребительно, — и по тем же признакам КЛ и ВЛ оказываются противопоставлены ГЛ², где *ати/оти* не зафиксировано (что, тем самым, может быть сочтено еще одним признаком, объединяющим КЛ и ВЛ в противопоставлении ГЛ). Значения, передаваемые в КЛ и ВЛ посредством *ати/оти*, регулярно выражаются в ГЛ конструкциями *да + praesens*, а также сочетанием *да* с сослагательным наклонением. Та же лингвистическая стратегия выбирается и в сочинениях Мономаха (здесь в отдельных случаях возможно также употребление союза *а*), в Хожениях игумена Даниила и Антония Новгородского.

В тексте Русской Правды, где, на первый взгляд, в многочисленных контекстах предписания *ати/оти* должно быть частотно, но где на самом деле лишь единожды зафиксировано *оть*, формулировки законов даются в более строгой модальности — не оптативной, а долженствовательной, выражаемой конструкцией ДАТ+инфинитив, неполной клаузой с указанием размера штрафа в форме ВИН и рядом других способов.

Продолжая разговор о распределении *ати/оти* по памятникам, отметим еще одно интересную особенность, связанную с текстами древненовгородского ареала. В этих текстах, в отличие от памятников других восточнославянских территорий, гораздо более предпочтительным оказывается *о*-вариант, что особенно заметно в случае берестяных грамот: на 6 употреблений *ати* приходится 14 случаев *оти*. В Поуч. Ильи-Иоанна на 6 *оть* встречается лишь 1 случай *ать*; в Духовной Климента и РП по Новг. Кормчей также используется *о*-вариант. Эту статистику нарушает лишь ВК — 5 *ать* против 1 *оть*, а также НПЛ — 2 *ать* на 1 *оть*.

Возможно, предпочтительность начального *о*- в данном служебном слове коррелирует с регулярными заменами вида *Андрѣи* → *Ондрѣи*, характерными для данной зоны.

² См. [Юрьева 2016: 76–77].

2.2. Исторические словари

Помимо двух названных подкорпусов НКРЯ, к исследованию привлекались данные исторических словарей русского языка. Словари также рассматривают *ати/оти* как слитные лексические единицы, однако лексикографические описания этих единиц не вполне совпадают друг с другом.

[СРЯ XI–XVII 1: 58; 13: 179] указывает, что *ать* и *оть* могут выступать в качестве союза или частицы, употребляться для выражения волеизъявления или намерения и близки по значению к *пусть* и *да*.

[СДРЯ I: 99; VI: 307] описывает *ати* (*ать*) как модальную частицу с указанными значениями, а *оти* (*оть*) — как союз со значением ‘чтобы’; тем самым, *ати* и *оти* подаются как две независимые лексемы.

В [Срезневский I: 32–33; III: 827] оба служебных слова переведены при помощи частицы *пусть*³.

В словоуказателе к текстам берестяных грамот [Зализняк 2004: 710, 733] *ати* (*ать*) и *оти* (*оть*) помечаются как союзы⁴.

3. Происхождение *ати*

Образование данного служебного слова путем сращения служебных единиц *а* и *ти* было описано А.А. Зализняком на материале берестяных грамот: «Наиболее специфическое развитие частица *ти* обнаруживает в сочетании с *да* и *а* <...> Здесь происходит полное сращение двух элементов в единое слово (для *ати* — в очень раннее время <...>)» [Зализняк 2004: 197]; см. также [Зализняк 1993: 308].

Действительно, если для компонентов *да* и *ти* в берестяных грамотах XII века еще находятся случаи дистантного расположения, не влияющего на семантику сочетания (см. [там же: 198–199]), то для *а* и *ти* подобных употреблений обнаружить не удастся: в случае дистантного расположения *а* выступает как сочинительный союз, связывающий две клаузы, а *ти* — как независимая частица со своей собственной семантикой; ср. *а не при-*

³ Отметим, что в [Словарь XI–XVII] не указаны исходные фонетические варианты *ати* и *оти*, и второй из них отсутствует также в словаре Срезневского.

⁴ Таким же образом маркировано и служебное слово *ать* в [СРНГ 1: 292]. Однако для этого слова указывается значение ‘ведь’, не находящее соответствий в древнерусском материале. Там же находим частицу *оть* со значениями ‘хоть’ и ‘вот’, не имеющими прямого отношения к исследуемым *оти* (*оть*) [СРНГ 25: 17]. [Даль 1: 29] дает следующие сведения: «Встарь был союз *ать*, *ать*, *ати* дабы, чтобы, то, так; пусть, инь; пожелат. или повелит. да. *Ать даютъ съ погостовъ кормъ и подводы по пошлннъ*, пусть дают, чтобы давали»; союз *оть* имеет помету стар. и снабжается теми же переводами [Даль 2: 770].

сѣлеши ми полѹпаты гривьны а хоцоу ти вырѹти въ тѣ лоуцьшаго новѣгорожанина⁵ (б. г. 246, XI в.); аналогичным образом обстоит дело и в других древнерусских памятниках, например в Киевской летописи: и рекоша изаславоу гюрги вышелъ ис киева а вачьславъ сѣдитъ ти в киевѣ (КЛ 1446: 19).

Семантическое описание частицы *ти* в независимых употреблениях, подобных данным, см. в работе [Зализняк 1993: 298-304]; здесь предлагается толкование ‘Обращаю твое внимание на следующий факт’. Независимая частица *ти* (в частности, в гр. 246), определяется А.А. Зализняком как «усилитель индикативности», ср. рассуждение о контекстах, подобных гр. 246: «Фраза с частицей *ти* выражает либо просто реальное событие, либо событие, которое произойдет в будущем при некотором условии; в этом последнем случае значение «усилителя индикативности», заложенное в частице *ти*, создает оттенок уверенности говорящего в том, что это событие произойдет непременно» [Зализняк 1993: 303].

А.В. Циммерлинг, обращая внимание на способность *ти* употребляться в гипотетических контекстах (в частности, после условного союза) и особенно на зафиксированный в ПВЛ случай употребления *ти* в контексте сослагательного наклонения, предлагает отказаться от термина «усилитель индикативности»: «ТИ₁ относится к числу *верификативных* маркеров, указывающих на то, что говорящий подтвердил логическую истинность *p*» [Циммерлинг 2023: 141].

Отмечу, что А.А. Зализняком сочетания с условными союзами рассматривались как несвободные; значение *ти*, согласно его предположению, включает в таких случаях лишь компонент ‘усилительность’; см. в разделе 4.5 обсуждение гипотез о пути возникновения условного *ати*.

4. Данные исследованных памятников

Перейду к изложению собственных наблюдений над семантикой *ати/оти*. Объектом описания послужил материал в общей сложности 97 контекстов из древнерусского подкорпуса и подкорпуса берестяных грамот — 74 контекста с *ати* (*ать*) и 23 контекста с *оти* (*отъ*). Редуцированные варианты с исходом на *-ь* в обоих подкорпусах фиксируются гораздо чаще, чем двусложные.

⁵ Тот факт, что *ти* в данном контексте является именно частицей, а не омонимичной ей формой дательного падежа от местоимения *ты*, доказывается невозможностью заполнения какой-либо валентности глагола *вырѹти* при помощи дательного — см. таблицу реализации семантических валентностей *роути/выроути* в [Зализняк 1986: 173].

Нужно заметить, что спектр употреблений данных служебных единиц оказывается несколько шире описанного в словарях: *ати/оти* могут выступать в качестве 1) оптативной частицы; 2) целевого союза; 3) изъяснительного союза. Кроме того, *ати* (*ать*) был зафиксирован в функции условного союза (однако такие употребления весьма редки, см. 4.5).

Возможность выступать в качестве изъяснительного союза словарями не отмечается; нет в них и упоминаний о функции условного союза, хотя в [СРЯ XI–XVII, 1: 58] в статье *ать* один из приводимых примеров соответствует именно условному значению.

В части случаев значение лексем определяется однозначно; другая же часть представляет собою промежуточные употребления.

Рассмотрю перечисленные выше значения по порядку, отмечая и промежуточные случаи.

4.1. Оптативное *ати/оти*

В качестве оптативных частиц со значением, близким значению современных *пусть*, *давай(те)*, *-ка*, описываемые служебные слова в подавляющем большинстве случаев используются в составе прямой речи:

- (1) *снѡу*_{VOC} *мои володимероу*_{VOC} *не*_{NEG} *могоу ѿ рати своен ѣхати*_{INF} <...> *а кто ми*_{DAT.SG.CL} *доправитъ*_{PRES.3SG} *ратъ мою домовъ*_{ADV} *а се в мое мѣсто снѣ мои улегъ* *ать* *ѣдетъ*_{3SG.PRES} *с тобою* (ВЛ 874: 13)

‘Сын мой Владимир, я не могу уехать от своего войска <...> — кто же отведет войско мое домой? А вот вместо меня мой сын Олег — пусть он едет с тобой!’

- (2) *и начаша*_{3PL.AOR} *са*_{REFL} *просити*_{INF} *чернии клобуци*_{NOM.PL} *оу мьстислава напередъ . ать* *согладаемъ*_{1PL.PRES} *кнже*_{VOC} *велика ли рать* (КЛ 185а: 16)

‘И стали проситься черные клобуки у Мстислава вперед: — Давай мы, князь, посмотрим, велика ли рать?’

- (3) *и посѣд[ѣ]въ мало давидъ рече*_{3SG.AOR} *гдѣ есть братъ . они же рекоша*_{3PL.AOR} *ему* *стоитъ на сѣнехъ . і въставъ давидъ рече*_{3SG.AOR} *ать* *иду*_{1SG.PRES} *по нь*_{ACC.SG.M.CL} *а ты тоу*_{ADV} *брате*_{VOC} *посѣди* (ПВЛ 89а: 21)

‘И, посидев немного, Давыд спросил: «Где брат?» — Они же сказали ему: «Стоит на сениях» — И, встав, Давыд сказал [Васильку]: «Пойдука я за ним, а ты, брат, посиди тут.»’

- (4) а ныне слышу болену сестроу оце_{CONJ} ю_{ACC.SG.F.CL} бо_{NOM.SG} поемете_{3SG.PRES} а присоли соно(sic!)_{ACC.SG} ко мене <...> оте побовуде_{3SG.FUT} сыно-у мене (б. г. 705, XIII в.)

‘А теперь я слышу (=ты мне сообщил), что сестра больна. Если ее Бог приберет, то пришли сына ко мне с ее «знатьбой», **пусть** он побудет у меня за сына.’ (пер. А.А. Зализняка)⁶

Возможно также употребление *ати/оти* в контекстах, не являющихся прямой речью в строгом смысле слова, но прагматически близких к ней; ср. фрагмент завещания, формат которого с обязательностью предполагает обращение от первого лица:

- (5) се гзъ_{1SG} князь володимѣръ <...> далъ_{PART.PERF.SG.M} есмь_{AUX.1SG} княгинѣ сво-
ен . по своемъ животѣ . городъ свои кобырь . и с людьми и з данью .
како_{ADV} при мнѣ давали_{PART.PERF.PL.M} тако_{ADV} и по мнѣ . атъ дають_{3PL.PRES} и
княгинѣ моеи (ВЛ 903: 21)

‘... Я даю княгине своей по своей смерти город свой Кобырь с людьми и с данью. Как при мне давали [дань], так и после меня **пусть** да-
ют княгине моей.’

Единственное исключение представляет собою, на первый взгляд, кон-
текст из Русской Правды, где *отъ* употребляется вне прямой речи:

- (6) аже_{CONJ} кто познаеть че(ла)динъ_{ACC.SG} свои оукраденъ_{PART.PERF.PASS.ACC.SG} . а
пойметъ и_{ACC.SG.M.CL} . то вномоу_{DAT.SG} вести_{INF} и_{ACC.SG.M.CL} по коунамъ и_{PRT} до
третьаго свода . поати_{INF} же челядинъ_{ACC.SG} въ челядина мѣсто_{ACC.SG} . а
вномоу_{DAT.SG} дати_{INF} лице_{ACC.SG} . отъ идетъ_{3SG.PRES} до конечнаго свода (РП)

‘Если кто-то опознает своего украденного челядина и заберет его, то
ему нужно вести его по денежным сделкам до третьей очной ставки,
[а потом] забрать себе челядина [принадлежащего третьему ответчи-
ку] вместо своего челядина, а тому (то есть третьему ответчику —
А.П.) отдать [своего] опознанного; **пусть** [третий ответчик] идет до
самой последней очной ставки.’

⁶ Точное значение слова «знатьба» неизвестно, поэтому оно оставлено без перевода.

Однако данный случай является исключением лишь формально, поскольку тексты законов, фактически представляющие собою распоряжения, весьма близки прямой речи⁷.

Интересно, что и в других семантических функциях рассматриваемые слова тоже всегда оказываются связаны с прямой речью. В этом отношении они типологически сходны со служебным словом *ци* (*чи*), отличающимся от своего ближайшего синонима *ли* именно по данному признаку; поэтому *ати/оти*, так же, как *ци* (*ти*), можно назвать дискурсивными словами (подробное описание семантики *ци* (*чи*) см. [Птенцова 2000]).

Выполняя роль оптативных частиц, рассматриваемые синонимы вводят независимую клаузу и в подавляющем большинстве случаев располагаются в ее начале, что исторически связано с их акцентным статусом. Статус слов типа *ати* описывается в [Зализняк 2004: 185–186, 188]: это сочетание представляло собою проклитико-энклитический комплекс, в составе которого акцентно самостоятельное слово отсутствовало, но который являлся отдельной тактовой группой (фонетическим словом)⁸. Данная акцентная модель «практически возможна только для ограниченного списка сочетаний: *а ли, а ти, а бы, и ли, да ти, да же, да бы*. Все эти сочетания <...> имеют тенденцию к превращению в единые слова с самостоятельным значением. Эта тенденция уже в ранне-д.-р. период по существу реализовалась для *али, ати, или*» [там же: 188]. Понятно, что аналогичный статус был и у варианта *оти*.

Исключения из правила о начальном положении в клаузе весьма редки. Отмечу *ать* в неначальной позиции в составе контекста (5): *такo и по мнѣ . ать дають и княгинѣ моен* — однако здесь начальная часть представляла собою ритмико-синтаксический барьер, блокировавший продвижение *ать* к началу клаузы⁹.

4.2. Оптативное и целевое *ати/оти*: промежуточные случаи

Возвращаясь к семантике рассматриваемых слов, следует обратить внимание на тот факт, что рассмотренные примеры не вполне однородны:

⁷ Ср. [Живов 2008: 316], где автор, выделяя особый («легальный», то есть относящийся к юридической сфере) режим интерпретации текста, противопоставляет его по ряду существенных признаков режиму нарративному и диалогическому. Полностью соглашаясь с выводами статьи, замечу, однако, что легальный и диалогический режимы весьма близки друг другу — именно в силу того, что формулировка санкции является как бы распоряжением, напрямую обращенным от лица общества к участникам судебного процесса.

⁸ См. подробнее работу [Зализняк 2008b: 72–78].

⁹ О понятии барьера см. [Зализняк 2004: 187].

контексты (4) и (6), в отличие от прочих случаев, допускают двоякую интерпретацию. **Отъ** может рассматриваться здесь не только как оптативная частица, но и как целевой союз, а присоединяемая им клауза — как подчиненная; тем самым, помимо представленных выше переводов, возможен и другой вариант — с целевым союзом *чтобы*.

Подобные случаи встречаются весьма регулярно; ср.:

- (7) **а жена моя пострижеть с_{REFL} въ чернице_{ACC.PL} то выданте ки четверть уть не_{NEG} боудеть_{3SG.FUT} голодна** (Духовная Климента)
 ‘Если жена моя пострижется в черницы, то выдайте ей четверть, пусть не будет голодать / *чтобы* она не голодала.’
- (8) **феодоси же рече^ч_{3SG.AOR} положите хлѣбъ пред нимъ и не вккладанте в рѹцѣ_{ACC.DUAL} емоу . ать самъ гасть_{3SG.PRES}** (ПВЛ 72а: 9)
 ‘Феодосий же сказал: положите хлеб перед ним, но не вкладывайте ему в руки, пусть сам ест / *чтобы* он сам ел.’
- (9) **пакы_{ADV} ли кто боудеть слабъ да_{PRT} льжышю_{ACC.SG.F.ADJ.COMP} заповѣдь данте уть въ ѿчааніе не_{NEG} въпадеть_{3SG.PRES}** (Поуч. Ильи-Иоанна)
 ‘Если кто-то окажется слаб, дайте ему более легкую заповедь; пусть он не впадет / *чтобы* он не впал в отчаяние¹⁰.’

Возможность двоякой интерпретации каждый раз возникает в том случае, когда семантическое соотношение клауз позволяет осмыслить вторую из них как содержащую указание на цель действия, обозначенного в первой¹¹. Именно подобные контексты, по-видимому, и послужили источником развития у рассматриваемых служебных слов целевого значения.

¹⁰ Относительно современной частицы *пусть*, используемой здесь в переводах рассматриваемых служебных слов в качестве первого варианта, ср. описание в [РГ 1980, I: 729]: «Многие частицы по своему значению и по своим синтаксическим функциям не противостоят резко словам других классов — союзам, вводным словам, междометиям <...> Частицы-союзы совмещают разные модальные значения со значениями связующих слов. Таковы (в отдельных своих значениях) частицы <...> *пусть, пускай*».

¹¹ Ср. описание придаточных целевых предложений современного русского языка в [РГ 1980, II: 594]: «Придаточное предложение информирует о назначении того, о чем сообщается в главном <...> Главная часть сообщает о предпосылке, которая предопределяет, обеспечивает ожидаемое следствие; придаточная часть сообщает о стимуле». Употребление в сходных древнерусских контекстах служебных слов со значением оптативности и их переход в целевые союзы обусловлен именно желательностью ситуации-цели.

Из приведенных выше примеров лишь некоторые относятся к данному типу; ср. невозможность целевой интерпретации в (1), где клауза, вводимая *а*ть, состоит в иных семантических отношениях с предшествующей клаузой и, безусловно, является не подчиненной, а равноправной ей в отношении синтаксическом. Ср. еще (2) и (3), где вводимая при помощи *а*ть клауза открывает прямую речь и не имеет тесной связи с левым контекстом; а также контекст (5), в котором *а*ть тоже вводит независимую клаузу. Во всех этих случаях мы однозначно имеем дело с оптативной частицей.

4.3. Целевое *ати/оти*

Существуют, однако, и такие контексты, в которых интересующие нас служебные слова выражают в точности целевое значение и должны быть квалифицированы именно как союз, вводящий подчиненную клаузу. Ср.:

(10) *аже ти*_{DAT.SG.CL} *боудемъ вборзѣ*_{ADV} *надоби*_{PRED} . *а послѣ противоу к намъ ать мы борже*_{ADV.COMP} *пидемъ*_{3PL.PRES} (КЛ 157б: 4)

‘Если мы тебе срочно понадобится, то пошли [гонцов] нам навстречу, **чтобы** мы быстрее пошли.’

(11) *а егъа*_{CONJ} *приходатъ дѣти к вамъ на покаяние мужи и жены въпрошанте самѣхъ* *ноужно бо*_{PRT} *естъ члвкъ* *еже*_{NOM.SG.N.REL} *самомъ*_{DAT.SG} *начати*_{INF} *и молвитѣ*_{INF} *своа*_{ACC.PL.M} *грѣхы*_{ACC.PL} <...> *но вамъ двстоинно*_{PRED} *спрашивати*_{INF} *съ тихостню ать внѣмъ*_{DAT.PL} *легко повѣдывати*_{INF}. (Поч. Ильи-Иоанна)

‘А когда приходят к вам духовные дети на покаяние, мужчины и женщины, спрашивайте их самих. Ведь трудно человеку самому начать и рассказать свои грехи <...>. Но вам подобает спрашивать с тихостью, **чтобы** тем было легко рассказывать.’

Как видно из примеров, рассматриваемые служебные слова сочетаются с личными формами глагола¹².

Эти синтаксические особенности сближают наши слова с диалектным древненовгородским союзом *дати* (*дать*) ‘пусть’, ‘чтобы’; ср.: «Союз *дати* (*дать*) выступает в нормальном случае в сочетании с презенсом <...>

¹² Интересно, что рассматриваемые служебные единицы легко сочетаются с формами 1-го лица, ср. (2), (3), (10), хотя в обычном случае употребление косвенного повеления с 1-м лицом затруднено. Благодарю Е.А. Власову за это наблюдение, высказанное при обсуждении моего материала.

Модификацией такого сочетания являются примеры, где опущена связка <...> Но этот союз может сочетаться и с *бы*, <...> и с инфинитивом» [Зализняк 2004: 199].

Сочетания с опущенной связкой возможны и для *ать/отъ*; ср. (11).

О близости данных служебных слов к целевому *дати* свидетельствуют также приводимые [там же: 199] колебания в параллельных чтениях летописей: *послц, дати Всеслава блюдоуть* (Новороссийский список Новг. IV лет.) / *ать Всеслава блюдутъ* (Акад. НПЛ).

Однако сочетания с *бы* и с инфинитивом в случае *ати* (*ать*) и *оти* (*отъ*) в текстах древнерусского подкорпуса не находятся¹³.

4.4. Изъяснительное *ати/оти*

В контекстах с глаголами речи рассматриваемые слова, связывая две соседние клаузы и тоже выступая в качестве союзов, реализуют изъяснительное значение (однако в некоторых случаях отчетливо ощущается близость таких союзов к оптативной частице). Ср.:

(12) и рече_{3SG.AOR} володиславъ . се_{PRT} держимъ колодники_{ACC.PL} собѣ на смѣртъ но повели княже ать посѣкоуть_{3PL.PRES} и_{ACC.PL(!).M.CL} . и съѣкоша_{3PL.AOR} ѣ_{ACC.PL.M.CL} всѣ_{ACC.PL.M} (КЛ 200в: 32)

‘И сказал Владислав: «Вот мы держим пленников себе на смерть, повели, князь, **чтобы** их посекали!» И посекали их всех.’

(13) оу котораго ти_{PRT} сыноу_{GEN.SG} вѣр[ъ]шь повели оти ѿѣда_{3PL.PRES} дати маренѣ (б. г. 798, сер. XII в.)

‘Тому из твоих сыновей, у которого есть зерно, прикажи, **чтобы** отдали дань Марене.’ (пер. А.А. Зализняка)

(14) ѿ микиѡра : ко тѣткѣ молони ратемирѣ оти соцете_{3SG.PRES} со мною (б. г. 346, кон. XIII в.)

‘От Микифора к тетке. Скажи Ратьмиру, **пусть** сочтется со мной / **чтобы** он счелся со мной.’

¹³ Отмечу, что по сравнению с *ати* (*ать*) и *оти* (*отъ*) союз *дати* (*дать*) оказывается ближе по своим синтаксическим возможностям к «классическим» целевым союзам *абы* и *чтобы*, сочетающимся с л-формами глагола; см. [Борковский 1958: 161–165].

Отметим и для этого типа контекстов значительную близость наших служебных слов к союзу *дати*, также способному выражать изъяснительное значение.

В некоторых случаях союз, вводящий клаузу-содержание, имеет дополнительный оттенок цели; подобные контексты, таким образом, являются нейтрализующими для описываемых слов в изъяснительном и целевом значении:

(15) *возбороніванте жена^м штъ не_{NEG} ходати_{3PL.PRES} къ волхвомъ* (Поуч. Ильи-Иоанна)

‘Препятствуйте тому, **чтобы** женщины ходили к волхвам.’ (клауза, вводимая *штъ*, указывает и на содержание запрета, и на его цель)

Выступая в качестве изъяснительного союза, *ати/оти*, так же, как и в других случаях, сочетается с личными формами глагола настоящего времени. В этом отношении изъяснительные клаузы с модальной семантикой, вводимые данным способом, противопоставляются другим модальным конструкциям косвенной речи. Такие конструкции были подробно описаны в работе [Власова 2014] — это, в частности, конструкция с л-формой глагола, вводимая союзами *абы* и *дабы*, с опорными предикатами просьбы/распоряжения, то есть с теми же предикатами, что и в рассмотренных примерах.

Тем не менее, несмотря на это синтаксическое различие, кажется правильным причислить *ати/оти* к числу служебных средств, способных выступать в качестве изъяснительных союзов, а вводимые ими клаузы с глаголами в личных формах настоящего времени считать еще одним способом передавать модально нагруженную косвенную речь.

4.5. Условное *ати*

Для *ати* (только в этом варианте) возможен еще один тип употреблений — в качестве условного союза. Однако подобные случаи были зафиксированы лишь трижды на 97 случаев употребления этого служебного слова, ср.:

(16) *атъ ворождоу_{ACC.SG} . про игора ѿложати_{3PL.PRES} . и пакы_{ADV} того не_{NEG} створати_{3PL.PRES} что же хотѣли оучинити_{INF} а то^т лишатъса_{3PL.PRES} . то мириса* (КЛ 133в: 25)

‘Если они перестанут враждовать с Игорем и не сделают снова того, что собирались, если они от этого откажутся, то мирись.’

- (17) **АТИ** **БОУДЕ**_{3SG.FUT} **ВОИНА** **А** **НА** **МЯ**_{ACC.SG.CL} **ПОЧЬНОУ**_{3PL.PRES} **А** **МОЛИТЕСА** **ГОСТЯТЮ**
кѣ кѣнѣзю (б. г. 527, сер. XI в.)

‘Если будет война и на меня нападут, то проситесь через Гостяту к князю.’ (пер. А.А. Зализняка)

- (18) **АТЬ** **ТИ**_{PRT} **ВИДЬЛО**_{PART.PERF.3SG.M} **КАКО**_{ADV} **ТИ**_{PRT} **БЫЛО**_{AUX.PLUPERF.3SG.M} **А** **ИВАНА**
АЛЪ_{PART.PERF.3SG.M} **ПОСТАВИ** **И**_{ACC.SG.M.CL} **ПЬРЕДЪ** **ЛЮДЬМИ** (б. г. 502, 2-я пол.
XIII в.)

‘Если он видел, как я Ивана арестовал, поставь его перед свидетелями.’ (пер. А.А. Зализняка)¹⁴

Возможно, условное значение **ати** развилось на базе **ати** оптативного. О развитии семантики условия из значения ‘пусть’ см. [Птенцова 2014: 182–183]. Возможность совмещения значений побуждения и допущения современными аналогами **ати** — частицами *пусть* и *пускай* — отмечается в [РГ 1980, I: 115].

Однако А.А. Зализняк предполагал здесь иное семантическое развитие: возможно, условное значение **ати** развилось не из оптативного значения этого служебного слова, а на шаге, предшествовавшем сращению **а** и **ти**, когда условность передавалась лишь посредством **а**, за которым следовала частица **ти**; таким же образом, согласно этой гипотезе, возникло и значение ‘пусть’, первоначально также вносившееся при помощи **а**¹⁵. «Употребление **а** в значении ‘если’ хорошо известно <...> Гораздо менее известны случаи употребления **а** в значении, близком к ‘пусть’ <...> Вот достаточно яркий пример: *а дружинъ его ре^а: а кому вас годно а идетъ* <...> (Киевская летопись по Ипат., под 1171 г., л. 195 об); *а идетъ* здесь практически равнозначно *ать идетъ*» [Зализняк 1993: 308].

¹⁴ Ср.: «Автор очень активно использовал частицу *ти*: в коротком тексте она встретилась пять раз. *Ать ти*, по-видимому, должно интерпретироваться в данном тексте как ‘если’, ‘если же’» [Зализняк 2004: 406]. *Ать ти* рассматривается здесь А.А. Зализняком как слитный союз [там же: 710], однако кажется правильным учитывать этот случай при анализе семантики *ать*, поскольку именно этот компонент отвечает здесь за передачу условного значения.

¹⁵ Как уже отмечалось, значение **ти**, согласно А.А. Зализняку, содержит здесь лишь компонент ‘усилительность’: «При значении “пусть” *ти* уже не может служить усилителем индикативности, поскольку речь идет лишь о желаемом, но еще не состоявшемся событии. Сохраняется только значение усиления» [Зализняк 1993: 306–307].

Так или иначе, **ати**, несмотря на редкость использования в значении ‘если’, безусловно, должно быть включено в число многочисленных условных союзов древнерусского языка¹⁶.

5. Вероятное семантическое развитие

Завершая описание структуры многозначности **ати/оти**, опишем вероятную последовательность развития рассмотренных значений. Оптативное и условное значения, вероятно, первоначально привносились в семантику комплекса **а ти** еще до его сращения в единое служебное слово компонентом **а**, при котором **ти** выполняло роль усилителя (соответственно, оптативности или условности). Позднее на базе оптативной семантики у **ати/оти** развивается, с одной стороны, целевое значение, а с другой стороны, значение изъяснительное.

Список условных сокращений

1, 3 — 1, 3 лицо; ACC — аккузатив; ADJ — прилагательное; ADV — наречие; AOR — аорист; AUX — вспомогательный глагол-связка; CL — клитика; COMP — сравнительная степень; CONJ — союз; DAT — датив; DUAL — двойственное число; F — женский род; FUT — будущее время (дается только для соответствующей формы глагола **быти** и его приставочных производных); GEN — родительный падеж; INF — инфинитив; M — мужской род; N — средний род; NEG — отрицательная частица; NOM — именительный падеж; PART — причастие; PASS — пассивный залог; PERF — прошедшее время; PL — множественное число; PLUPERF — плюсквамперфект; PRED — предикативная функция; PRES — настоящее время (способное употребляться и в значении будущего); PRT — частица; REFL — возвратная частица; REL — относительное местоимение; SG — единственное число; VOC — звательный падеж; Б. г. — берестяная грамота; ВК — Вопросание Кириково; ВЛ — Волынская летопись; ГЛ — Галицкая летопись; КЛ — Киевская летопись; ЛЛ — Лаврентьевская летопись; НПЛ — Новгородская первая летопись; РП — Русская правда.

Список источников / References

- Борковский 1958 — Борковский В.И. Синтаксис древнерусских грамот. Ч. 2. М.: Издательство Академии наук СССР, 1958. [Borkovskii V.I. Sintaksis drevnerusskikh gramot. [Old Russian charters syntax]. Part 2, Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1958].
- Власова 2014 — Власова Е.А. Инфинитив и сослагательное наклонение в косвенной речи в русских летописях XI–XVI вв. // Русский язык в научном освещении. Т. 27. № 1. М., 2014. С. 185–205. [Vlasova E.A. Infinitive and Conditional Mood in indirect speech in Russian Old Church Slavonic].

¹⁶ Нужно отметить, что в подробной и тщательной работе [Юрьева, в печати], посвященной описанию условных союзов в оригинальных древнерусских памятниках (в том числе в КЛ и берестяных грамотах), употребление **ать** ‘если’, к сожалению, не отмечается.

- sian chronicles of XI–XVI cc. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2014. Vol. 27. No. 1. Pp. 185–205].
- Даль 1, 2 — Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т.1-2. М.: Русский язык, 1998. [Dal' V.I. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka* [The Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. V. 1-2. Moscow: Russkii yazyk, 1998]
- Живов 2008 — Живов В.М. Юридические кодексы и режим интерпретации // Динамические модели. Слово. Предложение. Текст. Сборник статей в честь Е.В. Падучевой. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 309–328. [Zhivov V.M. Legal codes and the interpretation mode. *Dinamicheskie modeli. Slovo. Predlozhenie. Tekst. Sbornik statei v chest E.V. Paduchevoi*. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2008. Pp. 309–328.]
- Зализняк 1986 — Зализняк А.А. Новгородские берестяные грамоты с лингвистической точки зрения // Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте. Т. VIII. М.: Наука, 1986. С. 89–219. [Zaliznyak A.A. Novgorod birchbark letters from the linguistic point of view. Yanin V.L., Zaliznyak A. A. *Novgorodskie gramoty na bereste*. V. VIII. Moscow: Nauka, 1986. Pp. 89–219].
- Зализняк 1993 — Зализняк А.А. К изучению языка берестяных грамот // В.Л. Янин, А.А. Зализняк. Новгородские грамоты на бересте. Т. IX. М.: Наука, 1993. С. 191–321. [Zaliznyak A.A. On the study of the language of birch bark letters. Yanin V.L., Zaliznyak A.A. *Novgorodskie gramoty na bereste*. V. IX. Moscow: Nauka, 1993. Pp. 191–321].
- Зализняк 2004 — Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. 2-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2004. [Zaliznyak A.A. *Drevnenovgorodskii dialect* [Old Novgorodian Dialect]. 2nd ed. Moscow: Yazyki slavyanskoi kultury, 2004].
- Зализняк 2008a — Зализняк А.А. Слово о полку Игореве. Взгляд лингвиста. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2008. [Zaliznyak A.A. *Slovo o polku Igoreve: vzglyad lingvиста* [The Tale of Igor's Campaign: a linguist's point of view]. Moscow: Rukopisnye pamyatniki Drevnei Rusi, 2008].
- Зализняк 2008b — Зализняк А.А. Древнерусские энклитики. М.: Языки славянских культур, 2008b. [Zaliznyak A.A. *Drevnerusskie enklitiki* [Old East Slavic enclitics]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kultur, 2008].
- Зализняк 2010 — Зализняк А.А. Труды по акцентологии. Т. 1. М.: Языки славянских культур, 2010. [Zaliznyak A.A. *Trudy po aktsentologii* [Works on accentology]. Т. 1. Moscow: Yazyki slavyanskikh kultur, 2010].
- Птенцова 2000 — Птенцова А.В. Семантика и функции служебного слова *чи* (*chi*) в языке древнерусских памятников (XI–XIV вв.) и современных диалектах // Вопросы русского языкознания. Вып. VIII. М.: Издательство МГУ, 2000. С. 209–219. [Ptentsova A.V. Semantics and functions of the function word *tsi* (*chi*) in the OES texts (XI–XIV cc.). *Voprosy russkogo yazykoznaniiya*. Vol. VIII. Moscow: Izdatel'stvo MGU, 2000. Pp. 209–219].
- Птенцова 2014 — Птенцова А.В. *Даждь в ня поя обряще криво...* О союзе *даже* и статусе конструкции *да + praesens* в древнерусских текстах // Русский язык в научном освещении. Т. 28. № 2. М., 2014. С. 180–190. [Ptentsova A.V. *Dazh' v nya poya obryashche krivo...* About the conjunction *dazhe* and the status of the construction *da + praesens* in OES texts. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2014. Vol. 28, no. 2. Pp. 180–190].
- Птенцова 2023 — Птенцова А.В. *Отъ идеть до конечняго свода: семантика служебных слов *ати* (*at'*) и *оти* (*ot'*) в оригинальных древнерусских памятниках (на материале Национального корпуса русского языка) // Вестник Московского университета. Сер. 9: Филология. 2023. № 2. С. 30–43. [Ptentsova A.V. *Ot' idet' do konechnyago svoda: semantics of function words *ati* (*at'*) and *oti* (*ot'*) in original OES texts (on the base of the Russian National Corpus)*. *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Ser. 9: Filologiya. 2023. No. 2. Pp. 30–43].*

- РГ 1980, I, II — Русская грамматика / Под ред. Н.Ю. Шведовой. Т. I. М.: Наука, 1980. Т. II. М.: Наука, 1982. [Russkaya grammatika [Russian Grammar]. Ed. by N.Yu. Shvedova. V. I. Moscow: Nauka, 1980. V. II. Moscow: Nauka, 1982].
- СДРЯ I, VI — Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. I. М.: Русский язык, 1988. Т. VI. М.: Азбуковник, 2000. [Slovar' drevnerusskogo yazyka (XI–XIV vv.) [Dictionary of Old Russian language (XI–XIV cc.)]. V. I. Moscow, Russkii yazyk, 1988. V. VI. Moscow, Azbukovnik, 2000].
- СРНГ 1, 25 — Словарь русских народных говоров. Вып. 1. М.–Л.: Наука, 1965. Вып. 25. Л.: Наука, 1990. [Slovar' russkikh narodnykh govorov [Dictionary of Russian Folk Dialects]. V. 1. Moscow-Leningrad: Nauka, 1965. V. 25. Leningrad: Nauka, 1990].
- Срезневский I, III — Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. I. СПб., 1893. Т. III. СПб., 1903. [Sreznevskii I.I. Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka [Materials for Old Russian language dictionary]. V. I. Sankt-Peterburg, Izdanie Otdeleniya russkogo yazyka I slovesnosti Imperatorskoi Akademii nauk, 1893. V. III. Sankt-Peterburg, Izdanie Otdeleniya russkogo yazyka I slovesnosti Imperatorskoi Akademii nauk, 1903].
- СРЯ XI–XVII 1, 13 — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1. М., 1975. Вып. 13. М., 1987. [Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. [Dictionary of Russian language of the XI–XVII cc.]. Vol. 1. Moscow, Nauka, 1975. Vol. 13. Moscow, Nauka, 1987].
- Циммерлинг 2023 — Циммерлинг А.В. Конкретно: синтактика без семиотики? // Слово.ру: балтийский акцент. 2023. Т.14. № 3. С. 125–153. [Zimmerling A.V. Really: syntactics without semiotics? Slovo.Ru: Baltic Accent. 2023. V.14. No. 3. Pp. 125–153].
- Юрьева 2016 — Юрьева И.С. Лингвистические параметры стилистических отличий между Галицкой и Волынской летописями // Письменность Галицко-Волынского княжества: историко-филологические исследования. Olomouc, 2016. С. 65–77. [Yur'eva I.S. Linguistic parameters of stylistic differences between Galician and Volynian chronicles. Pis'mennost' Galitsko-Volynskogo knyazhestva: istoriko-filologicheskie issledovaniya. Olomouc, 2016. Pp. 65–77].
- Юрьева (в печати) — Юрьева И.С. Условные союзы в оригинальных древнерусских памятниках разных жанров (в печати). [Yur'eva I.S. Conditional conjunctions in original OES texts of various genres (in print)].

Источники примеров

- Национальный корпус русского языка, древнерусский подкорпус. [Электронный ресурс]. URL: https://ruscorpora.ru/new/search-old_rus.html (дата обращения 29.12.2023). [OES subcorpus of the National Russian corpus] [Elektronnyi resurs]. URL: https://ruscorpora.ru/new/search-old_rus.html (data obrashcheniya 29.12.2023).]
- Национальный корпус русского языка, подкорпус берестяных грамот [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru/new/search-birchbark.html> (дата обращения 29.12.2023). [Birch bark letters subcorpus of the National Russian corpus] [Elektronnyi resurs]. URL: <https://ruscorpora.ru/new/search-birchbark.html> (data obrashcheniya 29.12.2023).]

Статья поступила в редакцию 13.12.2023; одобрена после рецензирования 25.12.2023; принята к публикации 25.12.2023;

The article was received on 13.12.2023; approved after reviewing 25.12.2023; accepted for publication 25.12.2023.

Анна Владимировна Птенцова

к.ф.н.; МГУ имени М.В. Ломоносова / МГУ-ППИ в г. Шэньчжэнь / Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН / Институт языкознания РАН

Anna Ptentsova

Ph.D.; Lomonosov Moscow State University / Shenzhen MSU-BIT University / Vinogradov Russian Language Institute RAS / Institute of Linguistics RAS

anna.ptentsova@gmail.com

Научная статья / Original article

УДК 81-114.2

doi:10.37632/PI.2023.94.43.005

ИМПЛИКАТИВНЫЕ ВОПРОСЫ И СЕМАНТИКА ХЭМБЛИНА*

А.В. Циммерлинг

*Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина /
Институт языкознания РАН*

Аннотация: В статье оценивается модель вопросов, известная как семантика Хэмблина, и ее роль для семантико-прагматического интерфейса. Импликативные вопросы, где говорящий предрасположен принять один из ответов и ждет от слушателя подтверждения, что *p* истинно, важны для оценки применимости модели Хэмблина. Приводятся аргументы в пользу того, что импликативные вопросы реализуют модифицированную семантику Хэмблина, в то время как нейтральные да-нет вопросы реализуют базовую семантику Хэмблина в неосложненном виде. Импликативность как компонент значения вопроса может быть объяснена композиционно. Имеется класс выражений, вводящих пресуппозиции о разной степени вероятности альтернатив, эти выражения могут сочетаться с операторами вопроса и маркерами верификации. Прагматические эффекты, сходные с импликативностью, маргинально возможны в альтернативных вопросах и вопросах с вопросительным словом, но лишь в да-нет вопросах они могут быть закреплены в структуре предложения. Все основные типы вопросов могут быть описаны семантикой Хэмблина, но ее экстраполяция на другие типы высказываний не всегда продуктивна.

Ключевые слова: семантика Хэмблина, исчерпывающие множества, вопросительные слова, альтернативы, импликативные вопросы, семантико-прагматический интерфейс, коммуникативная структура, дискурсивная связность, пресуппозиция, композициональность

Для цитирования: Циммерлинг А.В. Импликативные вопросы и семантика Хэмблина // Типология морфосинтаксических параметров. 2023. Том 6, вып. 2. С. 92–135. (На английском.) doi:10.37632/PI.2023.94.43.005

* Исследование поддержано грантом РФФ 22-18-00528 «Связь пропозициональных единиц в предложении и в тексте: семантика и пути грамматикализации».

BIASED QUESTIONS AND HAMBLIN SEMANTICS*

Anton Zimmerling

Pushkin State Russian Language Institute / Institute of Linguistics RAS

Abstract: This paper takes a stand on Hamblin semantics and its relation to the semantics-to-pragmatics interface. Biased questions, where the speaker finds one of the options more likely and expects the confirmation that *p* is true, raise a concern about the limits of Hamblin semantics. I argue that biased questions have modified Hamblin semantics, while unbiased questions have unconstrained Hamblin semantics. The optional bias feature explains compositionally. It is triggered by likelihood presuppositions ranging Hamblin sets and highlighting the preferred alternative(s). Biased effects are exceptionally possible in alternative and *wh*-questions, but only in polar questions, they can be encoded lexically and grammatically. I argue that Hamblin semantics covers all core types of questions, while some of its applications for non-questions are problematic.

Keywords: Hamblin semantics, exhaustive sets, *wh*-words, alternatives, biased questions, semantics-to-pragmatics interface, communicative structure, discourse coherence, presupposition, compositionality

For citation: Zimmerling A. Biased questions and Hamblin semantics. *Typology of Morphosyntactic Parameters*. 2023. Vol. 6, iss. 2. Pp. 92–135. doi:10.37632/PI.2023.94.43.005

All we need to do is to resolve to say that an indicative proper name such as ‘Mary’ stands not for the individual Mary but for the set whose sole member is Mary; that ‘Mary walks’ stands not for the proposition that Mary walks but for the set whose sole member is this proposition; and so on.

Charles Hamblin

* This research has been supported by the Russian Science Foundation, project no. 22-18-00528 “Clausal connectives in sentence and discourse: Semantics and grammaticalization paths”.

1. Introduction

This paper aims to take a stand on the model of questions known as Hamblin semantics and assess its role for the semantics-to-pragmatics interface. I discuss biased questions and their relation to Hamblin semantics. The formal aspects of Hamblin semantics have been analyzed in the preceding literature more extensively than its linguistic implementation. Therefore, I concentrate on the limits and perspectives of the Hamblin-style analysis. The standard model of questions [Dayal 2016] explores the idea that an answer to a question is a choice on the exhaustive set of mutually exclusive alternatives [Hamblin 1958, 1973]. Biased questions, where the speaker is disposed to pick one of the options and expects the confirmation that *p* is true, pose a problem for Hamblin analysis. Biased polar questions are attested in different languages [Suda 2013; Šimík, to appear], while the existence of biased *wh*-questions was challenged [Rudnev 2023]. I first render two Hamblin's ideas and the distinction between complete and partial answers in sections 2 and 3, discuss the reduction of Hamblin sets to true and relevant alternatives in section 4, and touch on the modifications of Hamblin semantics in section 5. In sections 6 and 7, I discuss biased questions and provide contexts where biased *wh*-questions can occur. Section 8 addresses the semantics/pragmatics divide and methodological issues.

2. Two Hamblin hypotheses and Hamblin semantics

In 1973, the great philosopher Charles Leonard Hamblin wrote an influential paper [Hamblin 1973], reprinted in [Hamblin 1976]. Apart from treating the title issue — adding *wh*-words to Montague grammar — he put two general claims.

2.1. Hamblin-A and singleton sets

The first claim (hence — Hamblin-A) is that grammar deals with sets, not individuals. Hamblin barely outlined this idea, see the epigraph above: probably he considered it a matter-of-fact observation. The distinction between individuals and singleton sets is crucial for the border between lexicon and grammar. Grammar can be modeled in terms of restrictive conditions constraining the variation, while lexicon cannot: to predict the uses of any item stored in the lexicon, one needs to get the unique concept associated with it. Grammatical rules occasionally apply to *hapax legomena*, i.e., unique expressions. Many languages have ordering rules that apply to singleton sets of particles but not to other elements. The puzzle is that syntactic rules operating on singleton sets

can be retrieved without recourse to the lexical meaning, but if one aims at giving instructions on how to use a lexical item, one is forced to look at the concept and its lexicographic type, i.e. identify the discourse element, e.g., Modern Russian clitic particle *zhe* or Old Russian clitic particle *ti*, ‘indeed’, ‘really’ as a marker of focus, contrast, polarity, verification, evidentiality [Zimmerling 2023].

2.2. Hamblin-B and exhaustive alternatives

The second claim (hence — Hamblin-B) pertains question-answer pairs. Hamblin assumes that knowing what counts as a valid answer amounts to knowing the question and argues that valid answers to a question are an exhaustive set of mutually exclusive alternatives¹. In other words, if the speaker picks p as the answer, he² denies $q, r...x, y, z$. The tag ‘Hamblin semantics’ in the following refers to Hamblin-B only. In the original version, Hamblin-B operates on the set of all possible exhaustive alternatives. The generalized denotation for exhaustive questions like ‘Who stole the pie?’, ‘Did John steal the pie?’, ‘Did John or Cthulhu steal the pie?’, ‘Did John steal the pie or did someone else do it?’ for an open set of n propositions involving potential agents like *John* and *Cthulhu* is shown in the simplistic form in (1)³:

$$(1) \llbracket ?p \rrbracket = \{(\text{John}, \text{Cthulhu}, \text{John \& Cthulhu}, \text{anyone else}, \text{nobody}) \oplus_n\}.$$

Karttunen [1977, § 2] points out that Hamblin did not apply the formalism sketched in Montague’s paper “Proper Treatment of Quantification in Ordinary English” [Montague 1974]. If one uses generalized quantifiers, the question ‘Who stole the pie?’ stands for all objects of the type $\langle \langle e, t \rangle t \rangle$ and gets the denotation $\{Q \mid Q (\lambda x.\text{stole} (x. \iota y.\text{pie} (y)))\}$, $Q: \langle \langle e, t \rangle t \rangle$.⁴

¹ The word ‘alternative’ in the pre-Hamblin sense means that there are exactly two options that exclude each other. The Hamblin approach to exhaustive sets describes them via functional point-wise application $\{A \text{ stole the pie}, B \text{ stole the pie}, C \text{ stole the pie} \dots \text{nobody stole the pie}\}$, the minimal requirement being at least two alternatives. The proposal to consider singleton sets of alternatives [Biezma, Rawlins 2012] is extravagant, but since the Hamblin tradition already deviates from the common sense picture, it is not a terminological failure.

² For ease of reference, I treat the speaker as male and the addressee as female if the context is ambiguous.

³ In (1), I ignore language-specific differences in the form of the replies ‘John’ versus ‘John did’.

⁴ An advantage of this approach is that it explains the use of all quantifiers and quantified expressions in the answer, cf. ‘all/everybody’, ‘nobody’, ‘John and Cthulhu’, ‘John or one of his friends’, ‘half of Cthulhu’s believers’, etc. I am grateful to Daniel Tiskin (p.c.) for this comment.

In this paper, I am primarily interested in the logical form of the question and semantics-to-pragmatics interface, not in morphosyntax. I follow in the footsteps of Hamblin himself [1958: 159, 1976: 254], who refused to capitalize on the asymmetry of word order in declarative versus interrogative clauses or *wh*-movement. I wonder whether he would be happy with modern diagnostics of declarative versus interrogative syntax based on the use of polarity items and prosody. I touch on the use of PPI and NPI in passim and provide the details about prosody of one language, Russian. The prosodic transcription is introduced below.

2.3. Hamblin operators and compositional semantics

A standard Hamblin approach stipulates multiple operators for different types of questions: these operators interact with the logical form of the sentence in a compositional way. One can also use a unified operator *Q* and get the set of alternatives from the context by a discourse principle, e.g., Relevance [Roberts 1996]. For most of this paper, I remain agnostic about the merits of these approaches and state that a sentence is a Hamblin question iff it contains the operator *Q* that activates a set of alternatives. Otherwise it is an assertion, exclamation, imperative, vocative, etc.

The standard version of Hamblin semantics, which deals only with direct and indirect questions [Karttunen 1977] assumes that *Q* generates the sets of alternatives. The modified version proposed by Kratzer, Shimoyama [2002] assumes that *Q* only manipulates expanding sets of Hamblin alternatives, but these sets are generated lexically by such items as *wh*-words, disjunction *or*, yes-no particles like Russian and Bulgarian *li*, Polish *czy*, Ukrainian *čy*, or adverbs/particles like *only* and *even*. An advantage of this approach is that it explains the use of *wh*-elements in non-questions, cf. Russian *koe*_{INDEF} + *gde*_{WH} ‘somewhere’, *ni*_{NEG} + *gde*_{WH} ‘nowhere’, *né*_{NEG,∃} + *gde*_{WH} ‘there is not such a place, where *p*’ and the presence of alternative semantics in some declaratives, see section 5 below. Polar questions can be built in many languages without an overt *Q* morpheme and with the same word order as the corresponding declarative. In such cases, only prosody marks that the sentence is a question in Russian. The communicative-neutral reading of assertions like (2a) has two accents — the falling accent tagged by ‘ \searrow ’ (L*HL-) is in the focal (rhematic) part of the sentence, and the rising accent tagged by ‘ \nearrow ’ (HL*L-) in its topical part. Adding the restrictor *tol’ko* ‘only’ removes the topical accent and replaces it with the focal accent on the contrastive subject *Vanya*: I tag it by ‘ $\searrow\searrow$ ’ (H*LL-)

in (2b). The contrastive question (2c) places the reinforced rising accent ‘↗ ↗’ (LH*LL-) on *Vanya*. In the notation, prosodic tags are given before the word form.

- (2) a. ↗ *Vanya* brings ↘ *shampanskoe*.
 ‘Johnny brought champagne.’
- b. *Tol’ko* ↘ ↘ ***Vanya*** brings *shampanskoe*.
 ‘Only **Johnny** brought champagne.’
- c. *Tol’ko* ↗ ↗ ***Vanya*** brings *shampanskoe*?
 ‘Was **Johnny** the only one who brought champagne?’

In the assertion (2b), Hamblin semantics comes from the adverb *tol’ko* ‘only’ restricting the set of agents who could do *p* by a single member. Yet in the question (2c) that offers the choice between two propositions $\{\lambda w A(w); \lambda w \neg A(w)\}$, or shortly $\{p; \neg p\}$, Hamblin semantics comes from prosody [Yanko 2001: 21, 26, 41, 50]⁵. A skeptic might object that prosody cannot be the source of alternatives unless it encodes either the force [Yanko 2001] or exhaustivity [Zimmermann 2000; Xiang 2022], while it is counterintuitive to split Q and illocutionary force of polar questions⁶. My aim is to explore the limits of Hamblin approach but not to replace it by other theories, e.g., inquisitive or conversational semantics, cf. [Krifka 2015], therefore I state that to proceed, one needs an agreement like (i):

- (i) A sentence is a Hamblin question iff it contains the question operator Q and a lexical or prosodic component introducing a set of exhaustive alternatives⁷.

⁵ The silent particle analysis ascribing the force of the question to the deleted *yes-no* particle is not attractive, given that the absence of the *yes-no* marker often contributes to a different flavor than its presence, cf. Suda [2013] for Japanese and Šimík [to appear] for Czech. The prosody of Russian questions with *li* is discussed by Yanko [Yanko 2019].

⁶ I am aware of the tradition in Germanic studies to dub sentences like *There is a school here?* ‘rising declaratives’ or ‘declarative polar questions’, i.e., structures with the word order and morphosyntax of declaratives but illocutionary force and prosody of polar questions. I doubt whether this label applies to languages, where prosodic marking of questions overrides overt movement and segmental cues such as merger of question particles.

⁷ Roberts [1996: 7] makes a similar statement and argues that Hamblin semantics can be modeled both by recognizing *wh*-words with question operators and by postulating a silent operator Q that unselectively binds all *wh*-variables.

3. Partial and complete answers and the Communicative Filter

3.1. Partial and complete answers

In the earlier paper [Hamblin 1958] Hamblin introduced the distinction of partial versus complete answers. Complete answers are those where the overt form of the reply discloses its exhaustive semantics, cf. (3a). The answers (3b) and (3c) are partial since they mention that John came to the party but do not exclude the possibility that someone else could come to the same party.

(3) — *Who came to the party?*

- a. *The one who came was John.* (Hamblin Alternative, hence — HA),
- b. *John came.* (*Non-Hamblin Alternative, hence — Non-HA)
- c. *John came.* (*Non-HA)

Hamblin's central claim is that communication is based on complete answers like (2a) but not on more peripheral cases like (2bc). This view is shared by Paducheva [Paducheva 1986: 236], Roberts [1996: 12], and Dayal [2016]. The shape of the reply is elusive, and the fragments (3bc) can have the same logical form as (3a). It is casual to explain the grammar of fragments by phrasal A' movement to the focus position and ellipsis deleting the remnant part of the answer [Merchant 2004]. I am not going to contest this approach here but introduce an interface condition that can be called Communicative Filter. It is impossible to check the status of the reply as complete or partial without taking into account its communicative structure (c-structure) and the matching c-structure of the question.

- (ii) Communicative Filter (CF): The logical form of the answer can only be established on pairs of sentences, where both the question and the answer have assigned c-structures.

Communicative status (c-status) can be marked overtly by prosody and word order. Prosodic disambiguation of partial answers of the type 'John came', and complete answers with the same string of elements is discussed in [Xiang 2022]⁸.

⁸ The status of the reply depends on the question. The sentence *John ate a pie* serves as complete answer to the question *What did John eat?* and gets the interpretation 'The pie is what John ate'. However, if the question is *Who ate what at the party?*, the reply *John ate a pie* serves only as a partial contribution to valuating all members in the set of propositions $\{A \text{ ate } b_1, B \text{ ate } b_2 \dots Z \text{ ate } b_n\}$.

3.2. Russian fragments and prosodic clitics

The CF is salient for identifying complete answers. Russian is a language with direct accentual marking of *c*-status: sentences with the same word order can be assigned different *c*-structures [Yanko 2001: 34–45, 2008]. The locus of the accent can vary, but there are default settings for the accent placement for each type of constituents. For the VP with one object argument, the accent is by default placed on the object, irrespective of the word order: V + O ~ O + V, cf. the reply (3b), which is a complete answer to the question (3a). The variant with the accented verb, **szheg elku* ‘burnt the X-mas tree’ is strictly impossible here. The locus can shift due to pragmatic factors: if the object is activated, the accent falls on the verb [Yanko 2008: 41, 45–46; Zimmerling 2008]. In (4b), the argument *elka* ‘X-mas tree’ is activated, and the accent goes over to the verb *szheg* ‘burnt <something>’. The variant **szheg elku* is not acceptable here. I use the following notation: the tag ‘↘’ stands for the focus accent realized as the slight fall or even tone, the tag ‘↘↘’ stands for the reinforced focus accent realized as the marked fall, the tag ‘↗’ stands for the steep rise with the subsequent fall on the posttonics if any, the tag ‘↗’ stands for the slight rise without the subsequent fall⁹. Deaccented elements get the tag ‘₀X’. In the wake of [Zimmerling 2008, 2021: 421], I place the accent tags before the word form, not after it.

(4) A: — *Chto on sdelal posle Novogo ↘ Goda?*

‘What did he do after the New Year?’

B.: — ₀*Szheg ↘ elku; ↘↘ elku ₀szheg; *↘ szheg ₀elku; *₀elku ↘szheg.*

‘Burnt the X-mas tree.’

(5) A: — ↗ *Chto on sdelal so svoei ↘ elkoi?*

‘What did he do with his X-mas tree?’

B: — ↘↘ *Szheg ₀elku; ↘↘ Szheg; *₀Szheg ↘ elku; *↘↘ Elku ₀szheg.*

‘Burnt the X-mas tree’; ‘Burnt <it>.’

⁹ The accent tags identify relevant prosodies known as ‘intonation constructions’ (*intonatsionnye konstruksii*, IKs) in Russian studies. I give autosegmental equivalents for four IKs after [Zimmerling 2021: 425]. The tag ‘↗’ stands for IK-3 (LH*L-), ‘↘’ stands for IK-1 (HL*L-), ‘↘↘’ stands for IK-2 (H*LL-), and ‘↗’ stands for IK-6 (L*HH-).

The accent placement rules are not focus-sensitive and hold in topical and focal constituents, as well as inthetic sentences. The realization of the focus accent, however has a specific effect in Russian: it excludes any relevant accents of the sentence level in the post-focal part¹⁰. This condition blocks the sequences with post-focal accents like *↘ ↘ *elku ↗ szheg*, *↘ ↘ *szheg ↗ elku* in any type of speech acts. The sequences with unstressed post-focal elements are possible in fragmented answers [Morgunova 2019], cf. the licit fragment ↘ ↘ *szheg* _o*elku* in the example (5) above. The same holds for the fragments with the V_{intr}+S structure, which can be realized with either order: ↘ ↘ *Ivan* _o*prishel* <Who came?> ‘*John came*’ ‘*prishel* ↘ ↘ *Ivan*’. The main problem is that the variants with the elided and non-elided post-focal and pre-focal elements are not synonymic. While the short variants pronounced with the default focus accent ‘↘ ↘’ (LH*LL-), cf. (7) are normally interpreted as complete answers to *wh*-questions like (6) — ↘ ↘ *Ivan* _o*prishel* = ‘The one who came to the party is John’, the variants with the non-elided sentence material (≈ ‘prosodic clitics’) are ambiguous between a partial and a complete reading. In the notation of examples (6) and (7), prosodic clitics are marked with blue, and the elided part that affects the interpretation is marked by double strike-through.

(6) ↗ *Kto prishel na* ↘ *korporativ*?
‘Who came to the party?’

(7) — ↘ ↘ *Ivan* ~~*prishel na korporativ*~~. (HA)
‘John came to the party.’

John is the one who came to the party. I do not have information about others, or it is not relevant. (HA)

*Take, for instance, John. He came to the party.

(8) — ↘ ↘ *Ivan* = _o*prishel* ~~*na korporativ*~~.
~ _o*Prishel* = ↘ ↘ *Ivan* ~~*na korporativ*~~ (partial or complete answer)

Take, for instance, John. He came to the party. Others could come too.
(Non-HA)

John is the one who came to the party. (HA)

¹⁰ The only relevant accent licensed in Russian after the focus accent is the incompleteness accent [Yanko 2008: 132-133], which is a discourse level prosody indicating that the text is to be continued. The incompleteness accent is realized in several ways, including the rising tone ‘↗’ (LH*L-), the falling-rising contour ‘↘ ↗’ (H*LH), the slight rise without the subsequent fall ‘↗’ (L*HH-) and in exceptional cases, with the gradual rise ‘↗ ↗’ (L*H-^H%) [ibid., 163–170].

Prosodic clitics mark the status of partial answers in Russian, which is in line with the idea that partial answers require pragmatic cues [Paducheva 1985: 236]. Partial answers also have non-segmental cues. Suppose the standard focus accent IK-2 (H*LL-) is replaced by the prolonged variant of the IK-6 accent (L*HHH-). In that case, the fragmented answer reconstructs an open set ‘X came, Y came...U, W came’, even if only one of its elements is visible. In the notation of (9), this accent is marked with the tag ‘↗ + X’.¹¹

(9) A: ↗ *Kto prishel na \ korporativ?*

‘Who came to the party?’

B: — ↗ + *Ivan prishel...* ~ ↗ + *Prishel Ivan...*

‘John came... <Y came...Z came...>

The speaker’s commitment to give a partial or complete answer is based on his ability to interpret the *c*-structure of the question and use the appropriate cues to encode them. Other languages can have more simple rules for the fragments, but I see no reason to assume that the status of complete and partial answers in any language can be established without recourse to *c*-structure.

4. Relevant alternatives and true alternatives

4.1. Relevant alternatives

The notion of Relevance [Sperber, Wilson 1986; Roberts 1996: 15, 33, 46] is a matter of convention. If a speaker asks ‘In which continent is Luxembourg?’, there is a presupposition that Luxembourg is on some continent [Hamblin 1958: 164], and the answer ‘In no continent’ is not desired, i.e., not relevant. To move one step further towards real life, one can stipulate that the answers to this question are a choice on the restricted set of 7 continents (*Europe, Asia, Africa, North America, South America, Australia, Antarctica*) accepted by the shared background knowledge so that the answers ‘Eurasia’, ‘Gondwana’, or ‘Cthulhuland’ referring to disputed, previously existing or fictitious continents are irrelevant. However, problems with identifying ambiguous names in different worlds may preclude a logician from ignoring negative replies ‘nothing’, ‘nobody’, and ‘in no continent’ as valid answers to *wh*-questions. According to

¹¹ The prolonged IK-6 accent (↗ + X) spreads over the whole fragment. The slight rise is on the first element, irrespective of whether it is the subject or the verb.

Wikipedia¹², the name ‘Bristol’ can refer to at least 46 places and businesses: let us, on simplistic reasons, assume that the references to all items from that list are correct and that the set of true alternatives is a subset of the set of all relevant alternatives. Then, if the name ‘Bristol’ refers to the city in Gloucestershire, UK, the true answer is (9a). If it refers to one of the 30 places located in the USA, the answers (10b) and (10e) are true. If it refers to *Bristol Paint*, the Australian company, the answers (10c) and (10e) are true. If it refers to *Bristol Boats*, the Indian manufacturer, the only true answer is (10d).

(10) — *In which continent is Bristol?*

- a. — *In no continent.* (HA)
- b. — *In North America.* (HA)
- c. — *In Australia.* (HA)
- d. — *In Asia.* (HA)
- e. — *Either North America or Australia.* (Non-HA).

Mind that Hamblin semantics is about exhaustive alternatives, not true alternatives. Option (10e) being a true answer in some scenarios where Bristol is either in North America or Australia, is not a Hamblin alternative since it is compatible with (10b) or (10c). Relativizing Relevance by the shared Common Ground of the interlocutors reduces the set of alternatives in (9), where the number of alternatives is denotatively restricted but not necessarily so with questions like ‘Who killed John Kennedy?’, where no preliminary consensus exists, and the addressee is not obliged to proceed from the same set of alternatives as the questioner¹³. Moreover, one cannot exclude paradoxes even if the questioner wants the addressee to choose between *p* and *q*. Such speech acts can surface both as *wh*-questions, cf. (11a) and (12a), and as alternative questions, cf. (11b) and (12b).

¹² [https://en.wikipedia.org/wiki/Bristol_\(disambiguation\)](https://en.wikipedia.org/wiki/Bristol_(disambiguation)). Accessed on 17.12.2023.

¹³ Technically, their sets follow the pattern {X, Y... **someone else**, *nobody*}, where the indefinite pronoun stands for a variable expanding the enumeration. There is no obvious way to relativize the binding of this variable uniformly in the worlds of the interlocutors. The option ‘nobody’ is activated if the addressee cancels the presupposition, e.g., that Kennedy was killed and asserts that Kennedy died from natural reasons or committed suicide. Roberts [1996] hopes to eliminate this scenario by her Question Under Discussion principle since canceling presuppositions is not desired. However, the desires of the speakers are not part of Hamblin semantics. I concur with [Grindrod, Borg 2019] in that substantial claims about the mental lives of conversational participants should be better placed outside any semantic theory.

- (11) a. [_{WH} *Who informed the police: Finkelstein_i or the financial inspector_j?*]
 b. [_{ALT} *Did Finkelstein_i inform the police or did the financial inspector_j inform the police?*]
- (12) a. [_{WH} *Who wrote “The Grammatical Dictionary”: Andrej_i or Elena’s husband_j?*]
 b. [_{ALT} *Did Andrej_i write “The Grammatical Dictionary” or did Elena’s husband_j write “The Grammatical Dictionary”?*]

The questioner in (11a–b) believes that *p* (Finkelstein informed the police) and *q* (the financial inspector informed the police) are exhaustive, and assumes that the expressions ‘Finkelstein’ and ‘the financial inspector’ identify different persons in the context of his question. This condition, called presupposition of uniqueness or uniqueness requirement [Xiang 2017: 17] is salient for recognizing well-formed questions. Finkelstein and the financial inspector can be the same person in the real world or the world of the addressee, and the same holds for Andrej and Elena’s husband in (12a–b). It does not threaten the Hamblin picture since it deals with all exhaustive alternatives, including those emerging in intensional contexts. Roberts [1996: 15, 29] and Xiang [2022] assume that Relevance trims Hamblin sets¹⁴, but in some contexts, cf. (10) non-relevant alternatives are cut off based on shared epistemic bias of both interlocutors, while in other contexts, cf. (11)–(12) the available alternatives hold only in the world of the questioner. Finally, the non-constrained Hamblin’s model does not range the alternatives according to their probability, common sense matches, or other factors. Let us assume that there are only two reasonable complete answers to the question ‘Who stole the pie?’ in (13): if the pie was stolen, then either John or Mary is the culprit. The model does not exclude weird complete answers like (13c) or vague complete answers like (13d). Likewise, it allows the addressee to pick the answer (13e) and deny that the pie was stolen. HA are propositions. I ignore propositions with complex individuals in my toy example for simplistic reasons. Otherwise, Hamblin can also account for actions realized by different sets of possible agents, e.g., ‘John & Mary stole the pie together’ or ‘Mary stole the pie with Cthulhu’s assistance’.

¹⁴ Relevance in the Gricean sense is a vague notion. Sperber, Wilson [1986] reduce all Gricean maxims to a single Relevance postulate: the premise is that to produce a coherent discourse, the interlocutors must behave in an R way, whatever it means. In Roberts’ framework [1996: 15], Relevance is defined based on the shared Common Ground of the interlocutors.

- (13) — *Who stole the pie?*
- a. — *John.*
 - b. — *Mary.*
 - c. — *Cthulhu.*
 - d. — *Someone else.*
 - e. — *Nobody.*

Hamblin’s model does not entail that the speaker is committed to telling the truth: it does not matter whether who gave the answer (13c) joked or really believed in Cthulhu’s intervention or used ‘Cthulhu’ as the nick of the actual culprit. The only constraint is exhaustivity: that means that if the addressee is obeying Hamblin semantics, ‘Cthulhu’ should not be another name for ‘Mary’ or ‘John’ or just a figure of speech synonymic to ‘nobody’ in the possible world of the speaker.

4.2. True alternatives and indirect questions

Unconstrained Hamblin semantics gives a ‘run-of-the-mill’ [Kratzer, Shimoyama 2002] picture and begs for diverse applications to be valued. A substantial revision of Hamblin’s model was made by Karttunen [1977], who restricted the set of possible alternatives by the subset of exhaustive true alternatives and claimed that this reduction almost obligatorily takes place in indirect questions. Karttunen considered Hamblin semantics a great model in search of its linguistic object and hoped to find it in the meaning of indirect questions, cf. his comment: “I think that Hamblin’s suggestion is not the best one explicating the meaning of direct questions... However, I believe that his idea what questions mean can be developed to yield the right kind of model-theoretical interpretation for indirect questions.” The claim that indirect questions reduce HA to the set of true alternatives that jointly constitute a complete answer to a question is based on two observations. The first one is that with predicates like *X depends on Y* indirect questions can fill both the subject and the object slot as in (14):

- (14) *Who is elected depends on who is running.*

Karttunen alternatives (hence — *KA*) do not necessarily refer to the real world, but definitions of the lexical meanings like ‘depend on’ make little sense without the stipulation that all members of the *KA* set are true in *some* world *w*. The Russian version of (14) is shown in (15). Note that (15a) follows the de-

fault pattern with accent placement on the object in the V+O constituent. Shifting the accent to the verb could diagnose the meaning of contrast or verification, but this strategy is not available here, as shown by the ill-formedness of (15b).

- (15) a. \uparrow Kto ₀vyigraet \nearrow vybory, zavisit ot togo, kto \searrow \searrow kandidaturu ₀vydvinet.¹⁵
 b. *Kto \nearrow vyigraet ₀vybory, zavisit ot togo, kto (\searrow) vydvinet (\searrow) ₀kandidaturu.

The second observation is that verbs like *tell*, *indicate* typically entail that the embedded proposition is true if it is contained in an indirect question, cf. (16a) but do not do so with that-complements, cf. (16b).

- (16) a. *John told Mary, who passed the test. →
 Whoever passed the test, John told the truth about it.*
 b. *John told Mary that Bill and Sue passed the test →
 Bill and Mary passed the test.*

Karttunen explained this asymmetry by the logical form of indirect questions and the lexical semantics of the verbs selecting them as propositional arguments. While *know*, *forget*, *find out*, *discover* are always veridical (in traditional terms — ‘factive’), *tell*, *indicate*, *disclose* turn veridical with indirect questions. I feel that Karttunen’s contribution can be characterized the way he treated Hamblin: a great model but not a very accurate description of indirect questions. To start with, veridical effects arise in interrogative and negative *that*-clauses as well [Spector, Égre 2015: 11]¹⁶.

- (17) a. *John told Mary that the snow was not removed. → The snow was not removed.*
 b. *John did not tell Mary that the snow was not removed. → The snow was not removed.*
 c. *Did John tell Mary that the snow was not removed? → The snow was not removed.*

¹⁵ In (15a), the word order Comp OV (*kto* \searrow \searrow *kandidaturu* ₀*vydvinet*) shows that the last word or phrase does not get the accent by default.

¹⁶ There is some debate as to which veridical reading is forced in contexts like (17a–c). Spector and Égre [ibid.] assume that the wait-a-minute test [Von Stechow 2004] proves that there is factive presupposition that can be canceled. The cancellation strategy for (17a–c) is (17’).

(17’) *Hey! Wait a minute. I didn’t know that the snow had not been removed.*

This test suggests that the veridical reading of verbs from the *tell* class is rather a feature of some embedded contexts than a feature of indirect questions. Moreover, the veridical reading holds in biased questions, where the questioner is disposed to pick one of the options and expects the confirmation that *p* is true. Such questions lack standard Hamblin denotations (see section 6 below), but pass the veridical test.

(18) *Didn't he tell you that the snow was not removed?* →

The snow was not removed.

For the second, non-veridical readings of indirect questions are not completely blocked, especially in the 1st and 2nd person, cf. the example from [Bulygina, Shmelev 1988: 88].

(19) A: *Tak, ty uznal chto-nibud' novoe?*

'So, did you learn anything new?'

B. *Nu, on skazal mne, kogo naznachayut direktorom, no ya ne ochen'-to doveryayu ego svedeniyam.*

'Well, he told me who is appointed director, but I do not really trust his sources.'

One might split the verbs from the *tell* class into pairs 'non-factive *tell*₁ versus factive *tell*₂', but this undermines the claim that indirect questions are licensed lexically by the matrix verb, given that a similar split is attested in *that*-clauses, cf. (17a–c). Moreover, the non-factive member in such pairs combines with verification words like *really*, *indeed* that mark the dedicated true alternative, cf. (20b).

(20) a. *Did John tell₂ Mary that Victor is 7'4''?* → *Victor is 7'4''.*

b. *Did John really tell₁ Mary that Victor is 7'4''?* → *Victor is 7'4''.*

(20a) and (20b) have different prosody in spoken English, but the accent placement alone cannot disambiguate the factive *tell*₂ versus non-factive *tell*₁¹⁷.

¹⁷ Given that the default accent on *tell*₂ with deaccenting does not 100% exclude that the embedded proposition is false, the accent placement on the verb *tell* in *that*-clauses like (20a) rather marks that the interlocutors are already familiar with *p*, e.g., know the rumor that Victor is 7'4'' than factivity. I am grateful to Wayles Brown for the consultation. This weakens Spector and Égre's claim that veridical reading are forced by embedding of *that*-clauses into

The meaning of verification is encoded by intonation across the world's languages, which holds for Russian. In neutral polar questions like (21a), the focus accent falls on verification words *dejstvitel'no* 'really' or *pravda* 'indeed'. In emphatic polar questions like (21b), the characteristic prosody expands over the whole domain, and the accent falls on the last word.

- (21) a. $\{_{PQ} Ivan \searrow \searrow \textit{dejstvitel'no} \textit{skazal Mashe, chto rost Viktora} — 220 \textit{santimetrov}?\}$
 'Is it true that John told Mary that Viktor is 220 cm tall?' \rightarrow Viktor is 220 cm tall.
- b. $\{_{PQ EMPH} \uparrow \rightarrow Ivan \textit{dejstvitel'no} \textit{skazal Mashe, chto rost Viktora} — 220 \textit{santimetrov}??\}$
 'What! Can it be true that John told Mary that Viktor is 220 cm tall?' \rightarrow Viktor is 220 cm tall.

For the third, not all Karttunen's sentences are questions¹⁸. Sentences with emotive verbs *amazed* or *surprised*, cf. *Peter was amazed what this would lead to. Everybody was surprised where the bride had gone* do not reconstruct direct questions and should be better classified as indirect exclamations, to use Paducheva's term [Paducheva 1988: 40]. These critical points do not kill Karttunen's account but deprive it of its original motivation: not every linguistic object that can be explained in terms of true exhaustive alternatives is an indirect question.

5. Hamblin semantics beyond questions

In this section, I briefly touch on several applications of unconstrained Hamblin semantics in 1980–2000-s: their objective is to model linguistic objects other than questions.

interrogative and negative clauses. However, weak factivity effects hold here, and it is possible to cancel the presupposition by the wait-a-minute reply. In (20b), which has the non-factive *tell₁*, the questioner solicits an answer as to which it is really true that X told Y that *p*, but does not directly ask whether *p* or $\neg p$. Therefore, (20b) pronounced with a rising accent on the final part does not provide a suitable context for the wait-a-minute reply.

(i) A: Did John *really* *tell₁* Mary that Victor is 7'4"??

B: ??Hey! Wait a minute. I didn't know that Victor is 7'4".

¹⁸ The starting point of Karttunen's analysis is that indirect questions are a proper subset of questions.

5.1. *Wh*-words and declarative sentences

I start with Kratzer, Shimoyama's indeterminate *wh*-pronouns [2002]. On their account, indeterminate phrases that surface as interrogatives, negatives, existentials, free choice indefinites, or negative polarity items (NPI) introduce sets of alternatives that keep expanding until they meet an operator fixing their distribution in some type of clauses. This approach captures the behavior of free and bound *wh*-elements in Japanese, German, and Russian. In Russian studies, it was implemented in the descriptions of *ne*- existentials [Kondrashova, Šimík 2013] and *wh*-items licensing endoclititic insertion of prepositions, e.g., *ni*- negatives and *koe*- indefinites, cf. $u_{\text{PREP}} + ni_{\text{NEG}} kogo_{\text{WH}} > ni\ u\ kogo, u\ koe_{\text{INDEF}}-kogo_{\text{WH}} > koe\ u\ kogo$ [Zimmerling 2018].

Another extension of Hamblin semantics is the theory of focus developed by Rooth [1985, 1992]. On his account, affirmative and negative statements have a two-tier meaning and include an ordinary non-set assertive value plus an alternative focus value added as a second tier. The focus feature recalls the functional notion of *rheme*, i.e., the principal illocutionary component of the declarative sentence in the Prague school of discourse analysis. However, these notions cannot be easily reconciled. The Moscow school also introduces the notion of *contrast*, which is largely equivalent to Hamblin-Rooth alternatives [Yanko 2001: 28–34]. The main beef is that the contrast value can be assigned both to the focal and non-focal (topical) parts of the sentence, cf. (22)–(23), while Rooth allows only one focus location per sentence. In other words, the contrastive value is superimposed on the topic-focus (= topic–rheme) articulation and is not a *sine qua non* feature of declaratives (ibid.). The contrastive topic accent is marked below with the tag ‘↗ ↗’, the *c*-constituents are marked with curly brackets. The so-called focus words like *only*, *even* freely combine with contrastive topics, cf. (23a–b).

- (22) {_{TCONTR} [_{NP} ↗ ↗ **Voskresnyu progulku**]} {_F *prishlos'* ↘ ↘ *otmenit'*}
 < a *subbotnyaya proshla khorosho*. >
 ‘The **Sunday** trip had to be canceled < but the Saturday trip fared well >.’

- (23) a. {_{TCONTR} **Tol'ko** [_{PP} *posle* ↗ ↗ **povtornogo zaprosa**]} {_F *my poluchili otvet iz*
 ↘ ↘ *ministerstva*.}
 ‘**Only** after the **repeated** request did we receive an answer from the ministry.’

- b. $\{_{\text{CONTR}} \textit{Tol'ko} [_{\text{PP}} \textit{posle smerti} \nearrow \nearrow \textit{Petrova}] \{_{\text{F}} \textit{sleduyushchii direktor smog uvolit'}$ $\searrow \searrow \textit{Ivana.}\}$
 ‘Only after Petrov’s death, the next director managed to fire John.’

One might object that the notion of focus is global in the sense that if a topical *c*-constituent is contrastive, the contrast value is also found on the focal *c*-constituent, and that there are different kinds of focus depending on the pragmatic context, cf. multiplying terms ‘contrastive focus’, ‘polarity focus’, ‘information focus’, ‘predicate focus’, ‘constituent focus’, ‘verb focus’, ‘argument focus’, ‘presentational focus’, ‘verum focus’, ‘sentential focus’, also ‘narrow focus’ and ‘broad focus’. If focus is an added feature that can be ‘highlighted’, i.e., marked overtly at the semantics-to-pragmatics interface, and the term ‘prosodic focus’ = prosodic marking of the focus *in situ* is valid, cf. Rooth (1985) and Roberts (1996), one could also play with terms like ‘linear-accent focus’ = prosodic marking combined with inversion, cf. [Paducheva 1985], ‘morphosyntactic focus’ = use of extra morphemes or sentence material, and even ‘topical focus’ = highlighting the presumably topical parts of the sentence if they have contrastive semantics, cf. (22) and (23) above. Nevertheless, the burden to explain how topical elements can be focused and to prove that the focal constituent in non-contrastive sentences can be realized without any overt marking diagnosing alternative semantics is on the adepts of the Hamblin-Rooth approach. There is more than a terminological discrepancy between the tradition, where contrast is considered an optional feature, and the tradition, where Hamblin semantics is recognized as a general feature of all declaratives.

I conclude that the Hamblin-Rooth account of declaratives is great as a model but probably does not give the best description of the phenomena it was presumably designed for — topic-focus articulation and the semantics-to-information structure interface.

5.2. Contrastive replies and exhaustive inferences

In two cases, Hamblin-Rooth semantics is adequate. The first case concerns contrastive sentences. Here one must be careful with reconstructing or removing the silent alternatives, so-called exhaustive inferences [Zimmermann 2000; Kratzer, Simoyama 2002: 18–20]. A complete answer to the polar question ‘A or B?’ with a truth-conditional content P ($A \vee B$) can be either $\{A\}$ or $\{B\}$: if the addressee picks the answer $\{A\}$, there is a licit inference that $\neg P$ (B) is true. If the question offers a wider set of alternatives $\{A \& B\}$, e.g., someone

asks whether it is true that X fears (A & B), and the addressee picks {A}, there is again a licit inference that $\neg P$ (B) is true.

(24) — *Ivan boitsya {Andreya i ↗ ↗ Eleny}*?

‘Does John fear **Andrej and Elena**?’

— *On boitsya {_{FCONTR} ↘ ↘ Andreya}*. → *Ivan ne boitsya Eleny*.

‘He fears **Andrej**’ → John does not fear Elena.

The same reply {A} as an answer to the *wh*-question ‘Who does John fear?’ does not count as a contrastive sentence since the list of people and demons who John fears is not supposed to be known beforehand. There is no licit inference that $\neg P$ (B) and $\neg P$ (C), e.g., that John does not fear Elena or does not fear Cthulhu.

(25) A: — *Tak ↗ kogo boitsya ↗ Ivan*?

‘So, who does John fear?’

B: — *On boitsya {_F ↘ ↘ Andreya}*. → *Ivan ne boitsya Eleny*.

‘He fears **Andrej**’ → John does not fear Elena.

Let us consider an example with John playing a musical piece from the six-element set called “English Suites”. Let “№1”... “№6” be the proper names of its members. Then $||\{\text{№ } 6\}||$ as an answer to the disjunctive question $||?\{ \text{№}1 \vee \text{№}2 \vee \text{№}3 \vee \text{№}4 \vee \text{№}5 \vee \text{№}6 \}\|$ is a contrastive sentence, so the inference that John did not play №1 ($\neg P$ (№1)) is licit. Natural languages often apply free choice items like Russ. *kakoi-to* or Ger. *irgendein* instead of the whole enumeration.

(26) A: — *Ivan igral {kakuyu-to Angliiskuyu ↗ ↗ Syuitu / odnu iz Angliiskikh ↗ ↗ Sjuit} vchera na kontserte*?

‘Did John play any English Suite / one of the English Suites yesterday at the concert?’

B: — *On igral {_{FCONTR} № ↘ ↘ 6}*. → *Ivan ne igral №1 vchera na kontserte*.

‘He **did play № 6**’. → John did not play № 1 at yesterday concert.

If the question is ‘What did John play at the concert yesterday?’ this reply is not a complete contrastive answer unless it is known that X played only one

piece at that concert. There is no licit inference that John did not play №1, *Murka*, or *People United*.

(27) A: — \mapsto *Chto Ivan igrал na vcherashnem \nearrow kontserte?*
 ‘What did John play at the yesterday concert?’

B: — *Angliiskuju Syuitu № 6. \rightarrow Ivan ne igrал №1.*
 ‘The English Suite №6.’ \rightarrow John did not play №1.

5.3. Verification, Hamblin alternatives, and Karttunen alternatives

The notions of verification and falsification are good candidates for Hamblin-Rooth analysis since the speaker picks two alternatives, p and $\neg p$, and verifies or falsifies p . It is a matter of convention whether verification sentences are recognized as a subset of contrastive sentences¹⁹. There is one reason to treat them separately. The speaker who has a verification commitment asserts that he considered both p and $\neg p$ and found p true so that the verification meaning involves a clash of two states of his mind — before the verification procedure and afterwards.

The speaker can provide some arguments supporting his conclusion, but this is optional²⁰. Let us have a closer look at the verification domain. It is often maintained that verified propositions always relate to the real world, but this is an emergent effect caused by language-specific restrictions on the distribution of verification markers. The Arabic particle *inna* ‘verily’, ‘really’ is used only in nominal clauses in the indicative mood and can therefore only refer to the real world. The overtly similar Old Russian particle ti_1 ‘really’, ‘indeed’ occurs in verbal clauses and combines with both indicative and optative mood [Zimmerling 2023: 136–140]. It can, therefore, be used in hypothetical and even counterfactual contexts. The same holds for Eng. *really*, *indeed*, Ger. *wirklich* or Russian *deistvitel’no*, *v samom dele* ‘indeed’ and <stressed> *pravda* in the meaning ‘really’.

¹⁹ Cf. “The verification meaning, i.e., the yes-no meaning, is a special case of contrast” [Yanko 2001: 61].

²⁰ If I say that Hans is a real cheater (in cards, chess), it does not matter whether I have direct visual evidence of him cheating, heard anyone else’s opinion about him, made my own investigation, or firmly believe that people with such faces as Hans always cheat in cards. What matters is that the speaker himself is the guarantee that p is verified.

(28) *If John indeed were a good student, he would have read Mary's seminal paper about questions. → John did not read Mary's paper & John is not a good student.*

The validity of the verification can be questioned since, from the perspective of natural language metaphysics the situation where some X asserted that p is a spatiotemporal *event*, i.e., part of the real world, located in space and time. Therefore, Y can ask whether X *really said that* p , e.g., whether Plato really defined humans as bipods without feathers, or whether King Henry really told his servants to kill St. Thomas. Cf. also non-factive uses of the verb *tell* with verification markers in (20b) and (21a–b). These ties with the real world notwithstanding, it is hardly possible to explain verification sentences in terms of Karttunen alternatives since p and $\neg p$ cannot be both true in the same world.

6. Bias and polar questions

Polar questions, i.e., questions soliciting two answers — “yes” and “no” — are challenging for Hamblin semantics on two reasons. The first issue is that the spell-out of HA hangs on the semantics-to-pragmatics interface. The term “bias” means that the speaker expects a specific answer to the question [Asher, Reese 2007]. Standard definitions of biased questions rely on epistemic probability.

(iii) A polar question is biased if the speaker finds p more likely than $\neg p$ (positive bias) or vice versa (negative bias).

The bias is diagnosed by the choice of the replies “yes” or “no”²¹, cf. the experimentation [Panchenko 2021] for Russian, as well as by structural characteristics such as the use of polarity items [Ladd 1981; Suda 2013], negation [Büring, Gunlaugson 2000], prosody [Biezma, Rawlins 2012], word order [Šimík, to appear] and particles [Hirayama 2018]. If biased questions contain a hidden assertion [Asher, Reese 2007] plus a request to accept the expectation of the speaker instead of introducing a set of alternatives, they are incompati-

²¹ To put it cautiously, the replies “yes” and “no” provide language-specific diagnostics of bias once the discourse strategy behind the choice of these replies is established. Japanese and English have similar structural conditions in biased questions [Suda 2013] but apply different pragmatic strategies for questions like *John is not running? John is running, isn't he?* In Japanese, the answers *hai* “yes” and *iie* “no” only signal the (dis)agreement with the highlighted proposition, so the answer *hai* is possible only if John is running, and the answer *iie* is only possible if John is not running [Hirayama 2018: 3].

ble with the Hamblin picture. The second issue is the status of negation and its interaction with epistemic modals. It is common to assume that only polar questions and tag questions are biased. There is little motivation to look for bias in alternative questions, cf. section 7.1 below. Biased *wh*-questions occur rarely and are discussed in 7.2.

6.1. Spell-out of Hamblin alternatives and Prosodic Closure

The difference between alternative $[[? [_{ALT} (p \vee q)]]$ and polar questions, including disjunctive polar questions like $[[? [_{PQ} (p (p_1 p_2 \dots p_n) \vee \neg p)]]$, can be formulated in truth-conditional terms [Karttunen 1977]²², which does not entail it is the most prominent difference between these groups of sentences. Two interface conditions have been discussed extensively. The first one concerns spell-out. In alternative questions, both *p* and *q* are spelled out and equal. In polar questions, only one alternative is spelled out, while the other is silent. One may hypothesize, like [Larson 1985], that the silent alternative is concealed in the deleted *or not* part. However, even if there is a silent *or not* part, it is its absence that makes polar questions pragmatically different.

²² Let us render the basics. The denotation of an alternative question with a strict disjunction, as in (i), is a set of two propositions: either *p* is true, or *q* is true.

(i) $[_{ALT} \text{Did John eat the fish } (p) \text{ or } \langle \text{did John eat} \rangle \text{ the pasta } (q) ?]$.

John ate the fish (*p*).

John ate the pasta (*q*).

The denotation of a polar question containing a binary disjunctive phrase with a non-strict disjunction like (ii) is a set of four propositions $p_1, p_2, p_3 (p_1 \& p_2), \neg p$.

(ii) $[_{PQ} \text{Did John eat } ((\text{the fish})_{p_1} \text{ or } (\text{the pasta})_{p_2})_{p_3} \langle \text{or not} \rangle \neg p ?]$

John ate the fish (p_1).

John ate the pasta (p_2).

John ate both the fish and the pasta (p_3).

John ate neither the fish nor the pasta ($\neg p$).

The logical form in (i) and (ii) is different, which is fixed in PF, at least in languages like English or Russian. The exhaustive semantics of alternative questions like (i) is encoded by the falling final accent called Prosodic Closure [Zimmermann 2000]. The absence of Prosodic Closure in polar questions like (ii) can be interpreted as proof that polar questions are not exhaustive, but this is a matter of convention. If one considers two options, *p* and $\neg p$, and treats $p^1, p^2, p^3 \dots p^n$ not as alternatives but as different scenarios of manifesting the positive alternative *p*, then the most straightforward way is to treat polar questions as exhaustive [Karttunen 1977].

There is a conviction that the speaker is always biased to the overtly realized alternative p and that polar questions are mixed speech acts combining the force of an assertion and the force of the question soliciting answers “yes” and “no” [Asher, Reese 2007]. This claim is backed by the second interface condition. In languages like English and Russian, alternative questions are marked by the falling accent on the final element, while polar questions lack it. Given that alternative questions are exhaustive, Zimmermann [2000] considers the clause-final falling accent a general marker of exhaustivity, called Prosodic Closure. On this account, the rising tone or other prosodies characteristic of polar questions can encode the illocutionary force but not Hamblin semantics. This does not necessarily entail that polar questions are not exhaustive but leaves a path for the argument that the denotation of a question can, contrary to Hamblin, be a singleton set consisting of the content proposition p , while the missing alternative $\neg p$ is restored from the context by some pragmatic principle. This kind of analysis was outlined by Biezma, Rawlins [2012: 26]; they argue that all polar questions are biased and lack Hamblin semantics. Their model has two weak points. For the first, there are no obvious triggers for the pragmatic coercion restoring the missing alternative $\neg p$ from the context. A discourse-based mechanism is only possible if polar questions have some hidden contrastive or ‘focus’ value. The focus theory was developed to explain specific features of declaratives; therefore, extending it to all sentences blurs the border between assertions and questions. For the second, there is no evidence that polar questions are always biased and that the absence of Prosodic Closure predicts that p is the strongly preferred option. In Russian sentences (29a–b), Prosodic Closure is missing, and the rising accent ‘↗’ (LH*L-) is placed on the clause-final element, be it the last part of the Disjunction Phrase as in (29a) or the verb as in (29b). The example (29c) is a verification statement:

- (29) a. [_{PQ} Ty *proboval* [_{DISP} **rybu ili ↗ *pastu***]]? –Prosodic Closure
 ‘Have you tried the fish or the pasta?’
- b. [_{PQ} [_{DISP} **Rybu ili *pasty***] ty ↗ *proboval*]? –Prosodic Closure
 ‘the same.’
- c. [_{ASS} Ty ↘ ↘ ***proboval*** [_{DISP} *rybu ili* ₀ *pastu*]]. (+Prosodic Closure)
 <I know> ‘You **did try** the fish or the pasta?’
- d. [_{ALT} Ty *proboval* ↗ **rybu ili ↘ *pastu***]? +Prosodic Closure
 ‘Have you tried the fish or the pasta?’

The prosody of (29a–b), unlike the word order, unambiguously tells that these sentences are polar questions and not assertions like (29c) or alternative questions like (29d). The speaker in (29a–b) might be biased towards p and suspect that the addressee tried the fish or the pasta, but this information cannot be inferred from either word order or prosody. On the contrary, the prosody of the verification statement (29c) does entail that the speaker knows p . I conclude that the claim that all polar questions are biased is too strong. The presence of bias in polar questions must be proved.

6.2. Negative polar questions and kinds of negation

Several authors starting from Ladd [1981] expressed the view that Positive and Negative Polar Questions are not equivalent, although underspecified theories like Hamblin semantics supply them with the same denotation $||? [_{pQ} (p \vee \neg p)] ||$. Although a device like a toggle switch has only two modes — “on” and “off”, questions like (i) *Is the toggle switch on?* (ii) *Isn't the toggle switch on?* (iii) *Is the toggle switch off?* are not synonymic insofar they have different felicity conditions, and require different contexts to be uttered [Büring, Gunlogson 2000]. The differences between (i), (ii), and (iii) have a semantic trigger — the logical operator of negation corresponds to two or more language categories. This idea comes from Ladd [ibid., 166], who introduced the distinction of Inner versus Outer Negation. These notions are semantic-pragmatic but arguably linked with clausal syntax. Outer Negation is the form applied in Negative Polar Questions (NPQs) to mark the speaker's belief that the pragmatic presupposition p is true. Inner negation is the form applied in NPQs to confirm the speaker's belief that the presupposition $\neg p$ is true. In other words, in the context of Outer Negation, the speaker is biased towards p , while in the context of Inner Negation, he is biased towards $\neg p$. Inner Negation also licenses Negative Polarity Items (NPIs), while Outer Negation licenses Positive Polarity Items (PPIs), cf. Ladd's original examples (30a–b).

- (30) a. $[_{NPQ} \textit{Isn't Jane coming EITHER}_{NPI} ?]$ Inner Negation, NPI
 b. $[_{NPQ} \textit{Isn't Jane coming TOO}_{PPI} ?]$ Outer Negation, PPI

According to Ladd, in (30a), the speaker had previously assumed that at least Jane would come and has now drawn the inference that she is not coming either, while in (30b) the speaker believes that Jane is coming and wants to confirm his belief. Büring, Gunlogson [ibid.] add that in German and English, Inner and Outer Negation can have different morphosyntax, Inner Negation being the default form licensed in all clauses with negative polarity, both nega-

tive declaratives and NPQs, Outer Negation being an option reserved for NPQs. E.g., the contracted German form *kein* ‘no one’ (< NEG + *ein*) is licensed both in declaratives and in NPQs, while the combination of the free negation *nichts* with the indefinite article/PPI *ein* is only licensed in declaratives. A similar correlation of the contracted Danish form *ingen* (< NEG + *nogen*) versus the combination *ikke nogen*, with the corresponding bias, is attested in Danish²³. The German strategy of encoding bias by the two idiosyncratic forms of negation in NPQs partly corresponds to the Russian strategy of using indefinites versus negatives in biased NPQs, cf. (31a–b). Indefinites and NPIs like Russian *kakoi-nibud* ‘someone’ in (31a) are based on \exists , while negatives like Russian *nikakoi* ‘no one’ in (31b) are based on \forall . It is well-known that expressions based on the universal quantifier tend to be stressed. It is, therefore not surprising that *nikakoi* in (31b) takes over the accent from the negation *net* that otherwise is accented in Russian NPQs, as in (31a).

- (31) a. [_{NPQ} ↗ *Net tut **kakogo-nibud**’ restorana?*] Outer Negation, positive bias
 ‘Isn’t there **some restaurant** around here?’
 → X believes that *p* (there is some restaurant here).
- b. [_{NPQ} *Net tut ↗ **nikakogo** restorana?*] Inner Negation, negative bias
 ‘Is there **no restaurant** around here?’
 → X believes that $\neg p$ (there is no restaurant here).

NPQs frequently express epistemic and inferential bias. The bias effects in English and German are due to the realization of the negation operator. From the pragmatic perspective, to believe in $\neg p$ is not the same thing as not to believe in *p*. I wonder whether all this has to do with the logical form. If one removes the bold-faced markers from (31a–b), these sentences will no longer be biased but still will be polar questions. Ladd’s examples (30a–b) can be rendered in Russian in several ways. I opt for the variants with the particle *tozhe* that is not polarity-sensitive and corresponds both to *too* and to *either*. The ad-

²³ The combination of a free negation (*ikke*) with the indefinite marker *nogen* (*noget*) has a broader distribution in Danish than in German. It is possible in some declaratives, cf. the corpus examples:

- (i) *Der er **ikke noget land** i Europa, der har så mange naboer som Tyskland.*
 lit. ‘There is **not any country** in Europe that has so many neighbors as Germany.’
- (ii) *Der er **intet land**, vi kan hente hjælp hos.*
 lit. ‘There is **no** country we can get the help from.’

ditional marker is the additive proclitic *i* ‘and’, its semantic contribution is to add an element to a set. Note that (32b) is a PPQ, not an NPQ²⁴. The particle *tozhe* is usually stressed and takes the phrasal accent in the absence of *i* in PPQs, but if *i* precedes the NP *Jane*, the accent goes over from *tozhe* to *Jane* in (32b).

- (32) a. [_{NPQ} *I*_{PTCL} *Dzhein* ↗ *tozhe*_{PTCL} *ne*_{NEG} *pridet?*] Negative bias
 → X had assumed that several people, including Jane, are coming (*p*), but now believes that $\neg p$ (even Jane is not coming).
- b. [_{PPQ} *I*_{PTCL} ↗ *Dzhein tozhe*_{PTCL} *pridet?*] Positive bias
 → X believes that several people, including Jane, are coming (*p*) and wants to confirm that Jane is in that set.

I conclude this section by stating that negation combines with particles and other epistemic and inferential markers. However, there are no grounds to assume that it is the source of epistemic semantics or hypothesize that the logical form of NPQs and PPQs is responsible for such combinations.

6.3. Diagnosing bias and biased questions

In this section, I render two contributions. The first insight is that bias always has triggers. Several scholars suggested that the speaker’s preferences can be motivated or not motivated by the public evidence in favor of *p*. Suda [2013] divided the background information into *private epistemic bias* analyzed as the set of beliefs and attitudes of the speaker, and *evidential bias* analyzed as the shared Common Ground of both interlocutors. The combinatory model of Japanese polar questions illustrates this conception. Japanese, like Russian or

²⁴ Providing Ladd’s example (30b) with an equivalent Russian NPQ is difficult since Outer Negation is less grammaticalized in Russian than in English. The translation (i) with the particle *razve* ‘isn’t it?’ adds a different flavor — that the speaker somehow inferred that Jane is not coming and wants a confirmation that his reasoning is correct.

(i) [_{NPQ} *Razve*_{PTCL} *Dzhein ne*_{NEG} ↗ *pridet?*]. → X inferred that Jane is coming (*p*).

The variants (ii)-(iii) with the *yes-no* particle *li* pose another problem — they are not necessarily biased.

(ii) [_{NPQ} *Ne*_{NEG} *pridet li*_{V/N} *i*_{PTCL} ↗ *Dzhein?*].

(iii) [_{NPQ} *Ne*_{NEG} *pridet li*_{V/N} *i*_{PTCL} *Dzhein* ↗ *tozhe?*].

The NPQs (ii) – (iii) are felicitous in contexts where the speaker has a strong belief that *p* (Jane is coming), but they are just as felicitous in contexts where the speaker has no information about the likelihood of *p* and $\neg p$.

English, is a language that allows prosodic marking *in situ* but, unlike these languages, lacks the option of deriving questions by movement. The primary cue is the combination of rising prosody with merging the clause-final particles *-ka*, *-no(da)*, *-desho*. Suda and subsequent authors, including [Hirayama 2018], work out Ladd's distinction of Inner and Outer Negation and test it on PPIs like *dareka* 'somebody', NPIs like *daremo* 'nobody', and negative morpheme *nai*. According to Hirayama, Japanese polar questions with *-ka* do not bring about any epistemic bias and are used in contexts that are neutral regarding the presence of any public evidence in favor or against *p*, while other types of polar questions are biased: *nai*₂ questions have positive epistemic bias, while *-no(da)* have both positive epistemic and positive evidential bias (ibid., 7). If this description is correct, biased questions comprise a subset of Japanese polar questions.

The second issue in bias studies, which gains increasing attention, is the concern about the speaker's goal. The classical discourse model assumes that the dialogue's primary goal is to share new relevant information about the outer world or — in more formal terms — to add new items to the context set of true propositions [Stalnaker 1978]. Some authors explore the idea that in polar questions the goal of the speaker may be different — to explain something, double-check one's intuition, or clarify the intentions and competence of the addressee. Šimík [to appear], quoting [AnderBois 2019], resorts to the assumption that although in real life, all polar questions might be biased, the speakers often apply to the "quiz scenario" with the primary concern not to give any clue to the truth of *p* or $\neg p$ and not to show which answer is expected. Šimík argues that quiz questions, where the speaker pretends that he does not know the answer pattern with unbiased polar questions, use a narrow inventory of cues compared to information-seeking polar questions, where the speaker really does not know the answer. In Slavic languages, the speakers can build unbiased information-seeking polar questions by prosody alone, without verb movement and question particles. Nevertheless, as Šimík argues, Czech, Slovenian, Polish, Ukrainian, Serbian, Bulgarian, and Russian speakers in the context of a TV quiz show strongly prefer to get questions by overt verb movement or the use of question particles²⁵ and avoid NPQs (ibid., xxiii–xxviii). I concur

²⁵ I leave aside parametric variation across Slavic languages, e.g., the presence/ absence of the constraint blocking V1 declaratives with overt post-verbal subject NPs and the impact of this parameter on the syntax of polar questions in West Slavic [Šimík, to appear, vii, xxvii]. Russian widely uses V1 declaratives with post-verbal subjects; a classification of such sentences can be found in [Yanko 2001: 179-220].

with Šimík in that quiz questions are a subset of unbiased polar questions, but I doubt that the context of a TV quiz show is quite representative of all situations, where the speaker pretends that he does not know the answer. The same scenario occurs at the exam, where the inventory of polar question varieties is much broader, at least in Russian. The professor supposedly knows the correct answer to (33) but can ask his student a question with accent marking *in situ*. The Russian initial proclitic *a* ‘and’, ‘but’, ‘what about’, like the Slovenian proclitic particle *a* mentioned by Šimík (ibid., xxiii), may or may not signal ‘weak bias’. It is felicitous in (33a–b), where the speaker is not expected to prompt the student. Suppose that the professor adds the dubitative marker *a shto* ‘and what’ to (33c). In that case, his question is biased: it does not matter whether he is really shocked by the student’s previous answer or is deliberately trying to confuse her.

(33) <Quiz scenario: The professor asks the student during an exam.>

- a. [_{PPQ} A_{PTCL} ↗ **vse**_∇ **gadyuki** *yaitsezhivorodyashchie?*] No bias
 <What about ovoviviparous snakes:> ‘Are **all** **vipers** ovoviviparous?’
- b. [_{PPQ} A_{PTCL} **gadyuki** ↗ **vse**_∇ *yaitsezhivorodyashchie?*] No bias
 <What about vipers:> ‘Are they **all** ovoviviparous?’
- c. [_{PPQ} A_{PTCL} **shto**_{PTCL} ↗ **vse**_∇ **gad’uki** *yaitsezhivorodyashchie?*] Negative bias
 ‘What?! Are **all** **vipers** ovoviviparous?’

Status communication, where the interlocutors have unequal ranks, can infer bias. Everyone can assume the roles of quiz master, professor, or expert in everyday life and challenge the competence or educational level of the audience. Question (34) is about stress location in the Russian word form *snosyakh* ‘very pregnant’, ‘on the verge of pregnancy’. It is unbiased if the questioner has not encountered that word before or is unsure of where the stress is. It can also be unbiased with the quiz scenario, where a teacher checks the competence of his non-native students. Almost everyone says *na snosyákh*, so the teacher likely takes the answer “yes, the stress is on the last syllable” to be correct and expects that good students pick it. His beliefs notwithstanding, the quiz strategy makes him act as if he does not know the answer. However, if the questioner is Professor Higgins and the addressee knows that, the question is no longer unbiased since the norm prescribes stress on the first syllable: *na snósyakh*. The

addressee might be unaware of it but able to understand that it was a trick question²⁶.

- (34) [_{PPQ} A_{PTCL} v sochetanii 'na snosyakh' udarenie na ↗ poslednem sloge?]
 'Does stress fall on the last syllable in the phrase 'na snosyakh'?'

I conclude this section by warning against diving too deep into pragmatic contexts to learn whether the speaker was biased. What matters is the form: if polar questions include a presuppositional component introduced by an epistemic/evidential particle or encoded in some other way, they are biased. Otherwise they are not. The presuppositional component does not come from the logical form of the polar question. Unbiased polar questions are possible and widespread.

- (iv) A polar question is biased iff the speaker finds p more likely than $\neg p$ (positive bias) or vice versa (negative bias), and his bias is encoded lexically or by morphosyntax or prosody.

6.4. Biased polar questions: Interim summary

Abusing the bias terminology, I could say that the sentiment that all polar questions *must* be biased is a private epistemic belief on the part of those scholars who are prone to describe the meaning of sentences in terms of compelling contextual evidence against and for p . Biased questions are a subset of polar questions, it intersects with the subset of negative polar questions (NPQs). The claim that all NPQs are biased is an overgeneralization. The bias feature explains compositionally by a presuppositional component realized lexically by epistemic and evidential particles or grammatically by an optional combination of dedicated morphosyntactic and prosodic cues. Non-biased polar questions have standard Hamblin semantics and can be divided into information-seeking

²⁶ Note that verification markers like Russian *tochno* 'exactly', 'just', *deistvitel'no* 'indeed', *pravda* 'really' do not contribute to biased readings of questions: what is questioned is the validity of the verification procedure, but not the embedded proposition. All these words take the main accent from the last phrase. The sentences (i)-(ii) differ in the positions of verification markers but convey the same meaning 'Is that true that anyone confirmed p ?'.
 (i) [_{PPQ} A ↗ **tochno** / ↗ **deistvitel'no** / ?*pravda* v sochetanii 'na snosyakh' udarenie na poslednem sloge?]
 'Does the accent **really** fall on the last syllable in the phrase 'na snosyakh'?'
 (ii) [_{PPQ} A v sochetanii 'na snosyakh' udarenie ↗ **tochno** / ↗ **deistvitel'no** / ↗ **pravda** na poslednem sloge?]
 'Does the accent **really** fall on the last syllable in the phrase 'na snosyakh'?'

and quiz questions pace [Šimík, to appear]. Biased questions can be analyzed in terms of modified Hamblin semantics or in terms of singleton sets pace [Biezma, Rawlins 2012]. If bias feature does not come from the alternative-setting operator, be it a visible yes-no particle like Japanese *ka*, Slavic *li*, or an invisible value triggering verb movement or rising prosody, both approaches are valid. Semantic models are underspecified. Therefore, some pragmatic subtleties escape either analysis. As Büring, Gunlogson [2000: 1] aptly put it, it is not the number of alternatives but the behavior of negation that prevents differentiating pairs of questions like $[_{NPQ} \text{Isn't the toggle switch on?}]$ versus $[_{PPQ} \text{Is the toggle switch off?}]$ With polar alternatives $\{\llbracket p \rrbracket \llbracket \neg p \rrbracket\}$, they get the same denotation, and if one replaces the polar alternatives with the singleton set $\{\llbracket p \rrbracket\}$, they still will get the same denotation ‘The toggle switch is off in the world *w*’.

7. Biased alternative questions and *wh*-questions

In the previous section, I argued that unbiased polar questions *must* be recognized as having unconstrained Hamblin semantics if other types of questions get Hamblin denotations, whereas biased polar questions *can* but not necessarily must be described as having modified Hamblin semantics. It is essential to check whether bias holds in other types of questions.

7.1. The logical machine scenario: Are all alternative questions unbiased?

It is well-known that polar questions often have paraphrases in the form of alternative questions and *wh*-questions. It is possible to ask a question about the state of the logical machine, e.g., an ideal toggle switch²⁷, with a *wh*-word instead of asking whether it is on: $[_{WH} \text{In which position is the toggle switch?}]$. It is equally easy to make an alternative question out of it: $[_{ALT} \text{Is the toggle switch on or off?}]$. As we know that some polar questions are biased, one can check whether bias disappears in such paraphrases. It does not. Let us try Professor Higgins example about stress in the disyllabic word *w*. For the sake of simplicity, I ignore answers ‘there is no stress in *w*’ and ‘the stress affects both syllables in *w*’²⁸ and treat stress assignment as a logical machine: either the stress falls on the first syllable or it falls on the second and last syllable. Mind that Professor H. knows the answer, and the addressee knows that the questioner is tricky.

²⁷ I leave out the scenario where the toggle switch as a physical mechanism is stuck so that ‘be off’ in *w* is not the same thing as ‘be on’.

²⁸ The readers can outline alternative semantics for this scenario themselves.

- (35) <Scenario: A noted authority, Professor H., asks a question in the situation where most people believe they know how to stress the disyllabic word *w*. >
- a. [_{ALT} *A*_{PTCL} ∨ *sochetanii* ‘*na snosyakh*’ *udarenie na* ↗ *pervom sloge ili*_{DIS} *na* ↘ *poslednem?*]
 ‘So, does the stress in the phrase ‘*na snosyakh*’ fall on the first syllable **or** the last one?’
- b. [_{WH} *A*_{PTCL} ↗ *gde*_{WH} *udarenie* ∨ *sochetanii* ‘*na* ↘ *snosyakh*’?]
 ‘And where is stress in the phrase ‘*na snosyakh*’?’

Both (35a–b) have Prosodic Closure, i.e., falling final accent, whereas the polar question (34) lacks it. Otherwise, (34) and (35a–b) are pragmatically equivalent and have inferential bias. The addressee knows that the questioner is a high authority who challenges the customary usage. If she pronounces *w* with stress on the second syllable or is aware that most people do that, the correct inference is → ‘the word *w* is pronounced with stress on the first syllable’. Professor Higgins can also ask about stress in *n*-syllabic words, like the Russian word *fenomen* ‘phenomenon’ consisting of three syllables *a*, *b*, *c*. The three-element set {*P*_a, *P*_b, *P*_c} does not comply with the logical machine scenario. However, the questioner is hinting at a narrower subset {*P*_b, *P*_c} containing the correct answer (*P*_b) and the typical mistake (*P*_c).

- (36) <Scenario: A noted authority, Professor H., asks a question in a situation where most people believe they know how to stress the trisyllabic word *w* and make stress on the third syllable. >
- a. [_{ALT} *A*_{PTCL} ∨ *slove* ‘*fenomen*’ *udarenie padaet na* ↗ *pervyi slog, ili*_{DIS} *na* ↗ *vtoroi slog ili*_{DIS} *na* ↘ *poslednii?*]
 ‘So, does the stress in the word ‘*fenomen*’ fall on the first syllable **or** on the second **or** on the third and last one?’

The context (36) has the following conversational logic. The questioner assumes that if the addressee does not pick the answers at random she will reduce the set of alternatives to two {*P*_a, *P*_b, *P*_c} ⇒ {*P*_b, *P*_c} since nobody puts the stress on the first syllable: most people say *fenomé́n*, but few intellectuals stress the second syllable (*fenómen*). The addressee then has two moves — to base the answer on her own experience or go along the path suggested by the authority — to pick {*P*_b}. One might ask why bias in alternative questions is ignored, while there is a bulk of literature about biased polar questions. I guess this has to do

with spell-out. If both alternatives are overt, bias does not affect Hamblin semantics. It is also possible that the role of bias in polar questions is misconceived.

7.2. Biased *wh*-questions: To see Mary and to see nobody

The logical machine scenario is insufficient for proofing the existence of biased *wh*-questions. Sentences like (35b) represent a degraded case defined for denotatively closed Hamblin sets consisting of two propositions so that they are polar questions in disguise. Are biased *wh*-questions denoting expanding sets of alternatives possible? Rudnev [2023] argues that a *wh*-question ‘Who have you seen?’ cannot be met with a reply *I have not seen Mary* in any language. The answer *Nobody* (whatever it means in a real dialogue, see below) in that context is OK, but the message that the addressee has not seen some particular individual violates Hamblin’s and Dayal’s definition of complete answers. There are, however, situations where such a dialogue is felicitous. I argue that contexts like (37) show the missing link — biased *wh*-questions and answers to such questions. In Suda’s terms (2013), one deals here with evidential or inferential bias since the information that the addressee has an interest in Mary and Mary was expected to be in the same place as the addressee is part of the shared Common Ground.

(37) <Scenario: A and B know that Mary is used to coming to the university and that B likes Mary. B just returned from the university. A asks who B saw there today. >

A: [_{WH} I_{PTCL} ↗ **kogo**_{WH} ty tam segodnya ↘ videl?]

‘And **who** have you seen there today?’

B: ↗ **Mashi** ne_{NEG} ↘ videl.

‘I have not seen **Mary**.’ ≈ ‘You ask about Mary? I have not seen her.’

Along the same lines, one can build congruent dialogues about shopping, favorite music or conversational topics, and any other events that were expected but did not happen.

(38) <Scenario: John is a pianist. A and B know that he played some Beethoven sonatas in yesterday’s concert and that he usually plays Beethoven’s Seventh Sonata, but only B knows which ones John played yesterday. >

A: [_{WH} I_{PTCL} ↗ **kakie**_{WH} zhe_{PTCL} **sonaty** Ivan vchera igrat?]

‘And **which sonatas** did John play yesterday?’

B: ↗ *Sed'muyu ne*_{NEG} ↘ *igral*.

'He did not play **the Seventh**.' ≈ 'You ask about the Seventh? This time, he did not play it.'

I am not aware of *wh*-questions with private epistemic bias, but retrieving a hidden presupposition from evidential bias is an option. One cannot exclude that the speaker in (37)–(38) asked an unbiased question without any hidden presupposition about the expected event, but the addressee was preoccupied with Mary or with the Seventh Sonata and abused the evidential strategy. I will not dwell on this scenario since these exchanges can be explained without the conjecture that the addressee has gone mad. Deciding whether (37)–(38) display partial or complete answers is more important. I argue for the latter since if there is no presupposition about the likelihood of seeing Mary or hearing the Seventh Sonata, and the addressee, out of the blue, denies that she saw M. or heard that piece of music, the dialogue is a communicative failure.

Let us turn to the perspective of *seeing nobody* in the Hamblin world. The answer 'nobody' is weird if both interlocutors know or believe that the addressee should have seen somebody. Nevertheless, the hidden presupposition can salvage such dialogues as (39).

(39) < *Scenario*: A and B are waiting for credits from their teachers. They know that only Professor Higgins and his assistant Dr. Stein can sign their student books. B just visited the Department. The room was full, but neither Professor H. nor Dr. S. were present. A asks who B has seen. B answers that he has seen nobody. >

A: [_{WH} ↗ *Kogo*_{WH} *ty* ↘ *videl?*].

'Who have you seen?'

B: ↘ *Nikogo*.

'Nobody.'

The interlocutors in (37)–(39) produce portmanteau questions. Overtly, these are unbiased *wh*-questions about the choice on a larger set of HA. However, the questioner is, in fact, interested in getting information about the relevant subset of alternatives: it is a singleton set in (37)–(38)²⁹ and a non-

²⁹ (37) and (38) do not exclude non-singleton subsets. If it was expected that *X* meet Mary and Olga, a reply like *Mashi i Oli ne videl* 'I have neither seen Mary nor Olga' is felicitous in (37).

singleton set in (39)³⁰. The negative answer cancels the presupposition in all cases, the only difference being that in (37)–(38), the presupposition is about the likelihood of event *p* (*X saw Mary*; *X played the Seventh Sonata*), while in (39) the presupposition is about the satisfied wish that the event *p* be realized (*X assumed that Y and Z would appear and sign the record books*).

7.3. Bias outside polar questions: summary

The bias feature explains compositionally. There is no need to stipulate ad hoc an exclusive relation between bias and polar questions. Biased alternative and polar questions are possible under logical machine scenario and hidden presupposition scenario. The first scenario shows a degraded case of Hamblin semantics with a closed set of two propositions. Some languages allow converting biased polar questions into pragmatically equivalent alternative questions and *wh*-questions (35a–b). The second scenario is based on the interlocutors' ability to retrieve a hidden presupposition from the Common Ground and cancel it, as in (37)–(39).

8. Discussion

Two points must be clarified: 1) the contribution of the proposed analysis of biased questions to Semantics/Pragmatics divide. 2) the interpretation of language-specific phenomena.

8.1. The semantics-pragmatics divide

Hamblin semantics is straightforward. Pre-theoretically, it captures two intuitions: a) questions are different from non-questions; b) all types of questions are similar, so that if alternative questions $[[? \text{ [ALT } (p \vee q)]]]$ denote exhaustive sets the same applies to polar questions $[[? \text{ [PQ } (p \vee \neg p)]]]$ and *wh*-questions

³⁰ A neutral way of asking a portmanteau question with the scenario (39) is to add the NPI item *kto-nibud* 'anyone' to a polar question:

- (i) < Scenario: A and B are waiting for credits from their teachers. They know that only Professor Higgins and his assistant Dr. Stein can sign their student books. B just visited the Department. The room was full, but neither Professor H. nor Dr. S. were present. A asks whether B has seen anyone. B answers that he has seen nobody. >

A: $[_{PQ}$ Ty *kogo-nibud*'_{NPI} / *videl?*].

'Have you seen anyone?'

B: \ *Nikogo*.

'Nobody.'

[[? [_{wh} (p₁, p₂... p_n)]]]. It is an effective tool if questions are its natural linguistic object, i.e., if 1) it in the non-modified form applies to all kinds of questions; 2) it cannot without substantial revision apply to non-questions. Alternative-setting expressions — *wh*-words and Kratzer, Shimoyama's indeterminate pronouns, quantifiers, indefinites, and negatives based on \exists and \forall , restrictors like *only*, modal particles — surely occur in non-questions. However, they are not sentences and thus are not a threat to Hamblin. Rooth's theory of focus [1985; 1992] claiming a Hamblin-style operator for all assertions poses a problem. Functional theories of the semantics-pragmatics interface generally reject that declaratives get the focus value by default. Yanko [Yanko 2001] argues that contrastive and verification sentences = potential answers corresponding to matching polar and alternative questions that introduce strictly limited sets of propositions, e.g., 'Did Sparrow dine out at the Zoo?', 'Did Sparrow really dine out at the Zoo?', 'Did Sparrow dine out at the Zoo or did he have dinner at home?'³¹ have Hamblin semantics but vigorously denies that it is contained in plain assertions = potential answers corresponding to standard *wh*-questions, e.g., '*Where did Sparrow have dinner?*' plusthetic sentences matching information-seeking or explanatory questions 'What happened?' and 'Why p?', cf. <*What happened?*> — *Sparrow did not come for dinner.* <*Why are you so gloom?*> — *The Croc swallowed Sparrow.* The assessment of this controversy is beyond the scope of my paper. Since my baseline assumption is that Hamblin's account is correct unless the opposite is proven, I cannot accept Yanko's claim that *wh*-questions lack Q. But I can reject Rooth's theory of focus, which is about assertions, not about specific features of questions. Nevertheless, I find his two-tier theory of meaning with an added focus-like value useful for analyzing questions.

Polar questions raise a concern about the limits of Hamblin approach for three reasons: 1) only one alternative is spelled out; 2) Q can be covert; 3) the speaker is often biased towards or against *p*. These three factors stimulated radical ideas that all polar questions are biased [Büring, Gunlaugson 2000], that polar questions lack Hamblin semantics and denote singleton sets [Biezma, Rawlins 2012], and that they might not be questions at all [Asher, Reese 2007]. In my survey, I did not find compelling evidence that all polar questions are biased: what matters is whether epistemic or evidential bias is encoded overtly in the form of the sentence or just inferred from the reconstructed men-

³¹ The examples are mine. They echo a child poem.

tal lives of the interlocutors, as in Professor Higgins contexts (34)–(36). The bias feature in questions can be explained compositionally: it arguably comes from presuppositional expressions (including modal particles) contained in some questions but not from Q. There are two kinds of question presuppositions. Each question has a sortal presupposition and some bring about existential or factive presuppositions. If one asks ‘Who killed John?’, one presupposes that John was killed, and if one asks ‘Did Sparrow have dinner at home today?’, one presupposes that S had dinner somewhere³². These primary presuppositions pass the wait-a-minute test [Von Fintel 2004] and can be canceled, which is in accord with Hamblin semantics since the reply ‘∅’ is part of the question denotation: — *Wait a minute. John was killed? Haven’t heard about that; — Alas, the poor thing did not have his dinner at all: the Croc swallowed him this morning.*³³ There are also secondary presuppositions coming from optional epistemic particles like Russian *razve* ‘X doubts that p’ (for PPQ) or ‘isn’t it’ (for NPQ) or affirmative markers like Russian *ved’* ‘after all’ (PPQ & NPQ). Such items combine with polar questions and bring about likelihood presuppositions for a set of two alternatives — either the likelihood of *p* is higher $\langle P(p) \rangle > P(\neg p)$, cf. [_{PPQ} *Ved’*_{PTCL} *Ivan byl ubit?*] ‘**After all**, John was killed?’, [_{NPQ} *Razve*_{PTCL} *Ivan ne_{NEG} byl ubit?*], ‘**Wasn’t** John killed?’ or the likelihood of $\neg p$ is higher $\langle P(\neg p) \rangle > P(p)$, cf. [_{PPQ} *Razve*_{PTCL} *Ivan byl ubit?*] ‘John was killed? **<Unlikely>**’. Since polar questions, except for degraded cases capitalized by Krifka [2015: 336], leave a choice between the answers “yes” and “no”, likeli-

³² I assume that sortal presuppositions of polar questions in the absence of the implicit contrast (*to have dinner at home* versus *to dine out*) are realized via an abstract predicate with the features of one of the primary predicate types, e.g., PROPERTY, STATE, ACTION, so that [_{PQ} *Is this shirt red?*] has the presupposition $\alpha^{\text{PROPERTY}} \{p; \neg p\}$, informally \approx ‘the shirt has the property α such as that it either is red or not red’, [_{PQ} *Are you cold?*] has the presupposition $\alpha^{\text{STATE}} \{p; \neg p\}$, \approx ‘there is a state α such as X can experience α or not experience α at the moment t ’, and [_{PQ} *Did you eat the pizza?*] has the presupposition $\alpha^{\text{ACTION}} \approx$ ‘there is an action α such as X can either eat the pizza or not eat the pizza’. With alternative questions, the primary category is EVENT, so that [_{ALT} *<What an awful noise!> Did you slip (p) or was your dad hanging the shelf (q)?*] has the presupposition $\alpha^{\text{EVENT}} (p \oplus q) \approx$ ‘there is a pair of events p and q such that either p or q took place in w ’. Such presuppositions can be canceled. Imagine the context: — *What an awful noise! P or q? — Neither. Your guess is wrong: it is music on my phone.* There are several ways of canceling presuppositions in polar questions. One can take Von Fintel’s prompt and cancel the existential presupposition in [_{PQ} *Is this shirt red?*], cf. the reply: — *Hey! Wait a bit. This is a coat, not a shirt.* One can also cancel the sortal presupposition: — *Hey! Wait a bit. I do not know how to answer. This shirt is white with red stripes.*

³³ A paradox of polar questions is that canceled presuppositions do not block the answer ‘ $\neg p$ ’: — *No, he did not have dinner anywhere; he died before dinner.*

hood presuppositions normally can be canceled³⁴. The elements bringing likelihood presuppositions do a double job — they range Hamblin alternatives and reduce Hamblin sets to non-empty relevant subsets. In polar questions, there are just two options, which makes the preferred option a singleton set. This gives rise to theories that polar questions are not exhaustive. However, the optional character of likelihood presuppositions and the evidence that bias marginally arises in other question types (section 7) indicate that this claim is unjustified. I conclude that biased questions show modified Hamblin sets, not the absence of Hamblin semantics. Discourse presuppositions can exceptionally highlight non-singleton sets of biased propositions, which is marginally possible in alternative and *wh*-questions like (36) and (39).

Hamblin semantics does not say much about pragmatics and is underspecified. It needs to be accommodated to discourse theories. This need stimulated many brilliant works and gave rise to new theories. It is unclear whether their concepts, e.g., the focus feature and Prosodic Closure are semantic, pragmatic or related to the semantics-to-pragmatics interface. The perspective of *seeing nobody* in the Hamblin world and canceling the presupposition of *wh*-questions is an inherent feature of Hamblin semantics. If we play by Hamblin rules and accept answers like ‘ \emptyset ’, ‘There is no such event as “killing of John”’ to questions like ‘Who killed John?’ we are forced to accept answers like ‘ \emptyset ’, ‘Neither *p* nor *q*’ to questions like ‘*p* or *q*?’. It is not so easy with polar questions. One needs an exhaustification condition [Xiang 2017: 55, 2022: 8] to ignore felicitous replies like ‘This is not a shirt’ or ‘This shirt has neither the property *p* nor the property $\neg p$ ’ as valid answers to the question ‘Is this shirt red?’: the relevant condition here is ‘if this thing is a shirt in *w*, and all things in *w* are either red or not red’.

I am unsure whether claims that the possible world must conform to a language model should be considered part of semantics or not. Mainstream pragmatics, i.e., discourse models, interacts with Hamblin semantics in a twofold way — it contextualizes Hamblin sets and tells apart felicitous question-answer pairs and larger dialogue fragments from the infelicitous ones. It is certainly reasonable to minimize Hamblin sets down to an intuitively reliable size and to

³⁴ The pick of the unlikely alternative *p* in *w*, i.e., the realization of *p* in *w* contrary to the speaker’s expectation, does not cancel likelihood presuppositions. An explicit strategy for canceling a secondary likelihood presupposition looks like this: — *Wait a bit. Your calculation is wrong. There are no grounds to assume that John was killed.* One might object that private epistemic bias cannot be canceled. That is true, but the addressee can challenge the questioner’s ability to process the data correctly, albeit this might appear rude.

expel the propositions with shadow agents like Cthulhu from the set of relevant alternatives. Scholars have different ideas about what counts as relevant. Moreover, the interlocutors sometimes assume non-identical sets of alternatives in (11), (12) and (36). In the most interesting case, the questioner identifies the relevant subset of alternatives, typically — a singleton set, via a likelihood presupposition. This is what happens in biased questions. Since the bias feature explains compositionally, I dubbed its contribution to the meaning of sentences ‘modified Hamblin semantics’ on the premise that extensions of Hamblin semantics are possible. If Hamblin semantics cannot be enriched, and the only way to handle it to constrain it, e.g., reduce Hamblin sets to Karttunen sets of true alternatives, bias studies pattern with pragmatics.

The remaining issues pattern with semantics-to-pragmatics interface. The CF filter introduced in section 3 claims that *c*-(ommunicative) structure mediates between logical form and spell-out: the logical form of the answer can only be established on pairs of sentences, where both the question and the answer have assigned *c*-structures. The Prosodic Closure taken to be a marker of exhaustive semantics is a similar condition, perhaps lying one step closer to the surface. I interpret it as a consequence of a more general principle that *c*-structure has a prosodic dimension. That returns us to the dilemma of whether rising intonation in questions encodes Force [Yanko 2001] or non-exhaustive semantics [Zimmermann 2000; Biezma, Rawlins 2012]. I opt for the first. Contrast and verification are two meanings that are always marked by prosody at *c*-structure. This holds both for declaratives and questions. A polar question under a default reading is not verificational unless it contains some optional component like English *really* or Russian *deistvitel’no*, but it is necessarily contrastive if the silent alternative is retrieved from the context and the addressee is free to pick it. It is logically possible to deny that polar questions have Hamblin semantics and simultaneously admit that they are contrastive at the level of *c*-structure only if one applies a two-tier theory of meaning with an added focus-like value. This is exactly what Biezma, Rawlins propose [ibid., 26]: they assume that the denotation of a polar question is a singleton set but restore the missing alternative from the context by pragmatic coercion. Paradoxically, their analysis arrives at the same end as Yanko [Yanko 2001: 49], who advocates a functional one-tier theory of meaning and claims that the meaning of a polar question is a Hamblin set. This precedent shows that questions as linguistic objects limit the number of reasonable solutions: different approaches arrive at the same end, and one can be cautiously optimistic. The meaning of verification (see section 5) combines with the meaning of questions and the bias com-

ponent in a compositional way. A declarative with a verification component asserts that X considered the hypotheses p and $\neg p$ and verified p : [_{ASS} ↗ Ivan ↘ ↘ **deistvitel'no**_{VER} ₀byl ₀ubit] ~ [_{ASS} ↗ Ivan ↘ ↘ **byl**_{VER} ₀ubit] ‘John was **really** killed.’. A neutral polar question with a verification component brings a request to confirm or deny that any X verified p : [_{PPQ} Ivan ↗ ↗ **deistvitel'no**_{VER} ₀ubit?] ~ [_{PPQ} Ivan ↗ ↗ **byl** ₀ubit?] ‘Was John **really** killed?’. A biased polar question brings a request to confirm or deny that the alternative p the speaker finds more likely, is true: [_{PPQ} **Ved'**_{PTCL} ₀Ivan ₀byl ↗ ubit?] ‘**After all**, John was killed, **right?**’. A biased polar question with an explicit verification marker brings a request to confirm or deny that any X verified the alternative p that the speaker finds more likely: [_{PPQ} **Ved'**_{PTCL} ₀Ivan ↗ ↗ **deistvitel'no**_{VER} ₀ubit?] ~ [_{PPQ} **Ved'**_{PTCL} ₀Ivan ↗ ↗ **byl** ₀ubit?] ‘**After all**, John was really killed, **right?**’ I suggest that in two-tier theories of meaning, the second-tier focus-like feature should be reserved for bias since the verification component introduced by *really*, *deistvitel'no* or displayed by the accent shift ₀byl ↘ (_Q ↗) ubit ‘was killed’ ⇒ ↘ ↘ (_Q ↗) **byl**_{VER} ₀ubit ‘**was** killed’ directly relates to the validity of verification procedure but not to the embedded proposition³⁵.

I conclude that all core³⁶ types of question comply with the Hamblin picture and there is no need to exclude polar questions, where Q can be silent. Therefore, the most straightforward solution is to postulate one generalized Hamblin operator Q that can be overt or silent.

³⁵ Note that expressions like *certainly*, *of course*, *as a matter of fact*, *naturally*, Russian *konečno*, *samo soboi razumeetsya* can signal bias but lack verification semantics. Such expressions are often used as alienation markers so that a sentence like ↗ Ivan,₀ **konečno**, byl ↗ ubit? ‘John was **naturally** killed, right?’ can convey the meaning: ‘You are replicating the misconception that X was killed, aren’t you?’

³⁶ In my paper, I kept silent about two peripheral cases that raise complications for a Hamblin approach — conditional polar questions and *why* questions. Hamblin himself refused to consider the word *why* [1976: 254]. Probably, he felt that the answers to a [[Why p ?]] question are not necessarily exhaustive. Although the answers like ‘because q ’, ‘because r ’ pass the exhaustification test (roughly \approx one verbalized reason for p is enough for the world w), this is not a valid explanation. Conditional questions [Isaacs, Rawlins 2008] leave too many answers depending on the partition of possible worlds and do not look like polar questions.

- (i) — *Will you come to the party if I buy a bottle of vodka and invite Kate?*
- a. *Yes.*
 - b. *No.*
 - c. *Only if you buy two bottles of vodka and also invite Ann.*
 - d. *Only if you apologize for your behavior.*
 - e. *I won’t come even if you buy ten bottles and invite a bunch of girls.*

I assume that Hamblin semantics can be extended to these question types but does not give the best description here.

8.2. Linguistic typology and semantic universals

This paper mentions language-specific details concerning prosody, fragments, distribution of particles, but discusses general models. I share three methodological assumptions on language comparison and linguistic typology. Typological research deals either with all the world's languages or with open classes of languages

1. There is no variation in logical structure across the world's languages. If the answer '∅' with canceling the question presupposition is part of a Hamblin denotation, it does not matter, how oft the speakers in Russian, English or Japanese communities apply to this option and cancel the presupposition.
2. The same holds for the groundwork of the semantics-to-pragmatics interface. The notions of 'theme', 'rheme', 'focus', 'contrast', 'verification', 'categorical sentence', 'thetic sentence' make sense only if they are universal notions and not just cross-linguistic categories rooted in the descriptions of some world's languages. How many languages are described in terms of theme-rheme articulation or focus, does not matter. It is, though, the plight of typologists to double-check whether these terms are used correctly and refer to the same things in the descriptions of different languages.
3. Semantics is the tertium comparationis of grammatical typology. To parametrize case systems, the distribution of verification particles, or any other language feature, one must assume that the applied definitions of case or verification are universal, even though there are case-less languages and languages without verification particles.

Thus, I deny the existence of semantic typology *sensu stricto* since typology is empirical science. The so-called lexical typology claiming the analysis of regular shifts in the lexical meaning is a viable branch of typology insofar as it is based on statistic tendencies retrieved from datasets containing fragments of diverse lexicons. The studies in the evolution of morphosyntactic categories involving a change in their meaning pattern with grammatical typology: a possible illustration is a scenario where perfect in language L or an open class of languages containing L acquires or loses evidential uses.

Are there any meaning-related things that pattern with typology and are not universal? I guess there are three candidates: grammaticalization, lexicalization, and constructions. The use of the Japanese clause-final particle *ka* or Slavic 2P particle *li* for encoding the meaning of polar questions results from

the grammaticalization process. It can occur regularly across the world's languages, but the fact that the corresponding Japanese and Slavic questions are typically unbiased is not trivial. In Russian, prosodic marking *in situ* is the primary cue for encoding the polar questions' meaning. It overrides other cues, and Russian polar questions marked by prosody alone are *ceteris paribus* unbiased. This result is not trivial either. The meaning of polar questions is neither Russian nor Japanese, Slavic or Altaic; it is universal. Still, each language develops its hierarchy of cues encoding this meaning, which partly predicts the bias effects and licensed combinations of question markers. The contracted English negation *n't*, as observed by Ladd [1986], contributes to bias effects in NPQs. This observation shows that unique (suffixed, cliticized, contracted) forms of negation are closely associated with epistemic modals, which is a general source of bias in NPQs. However, it does not predict that the epistemic operator in NPQ must be covert. The wide use of lexicalized negation forms like *isn't*, *hasn't*, *doesn't* in English NPQs compensates for the absence of high frequent epistemic particles like *ved'* and *razve* doing the same job in Russian biased polar questions. The term 'construction' is vague and biased. Under the most neutral reading, it refers to a conventionalized part of syntactic structure associated with a part of meaning structure in the language L. The default hypothesis is that constructions are language-specific and that the similarity of any constructions, e.g., cleft constructions in languages L and M, is not identity. Can questions be 'constructions' in the specified sense? Maybe. I have not met them in my data, and Hamblin semantics that guided me throughout this paper has not forced me to look for them.

References

- AnderBois 2019 — AnderBois, Scott. Negation, Alternatives and Negative Polar Questions in America. *Questions in Discourse — Volume 1. Semantics* (Current Research in Semantics/Pragmatics Interface). Von Heusinger K., Onea E., and Zimmermann M. (eds.). Leiden: Brill. 2019. Pp. 118–171. Doi: [10.1163/9789004378308_004](https://doi.org/10.1163/9789004378308_004)
- Asher, Reese 2007 — Asher N., Reese B. Intonation and Discourse: Biased questions. *Interdisciplinary Studies on Information Structure*. 2007. Vol. 8. Pp. 1–38.
- Biezma, Rawkins 2012 — Biezma M., Rawlins K. Responding to Alternative and Polar Questions. *Linguistics and Philosophy*. 2012. Vol. 35. No. 5. Pp. 361–406. Doi: [10.1007/s10988-012-9123-z](https://doi.org/10.1007/s10988-012-9123-z)
- Bulygina, Shmelev 1988 — Bulygina T.V., Shmelev A.D. A Question about Indirect Questions: Is it an Established Fact Their Dependence on Factivity? *Logicheskii analiz yazyka. Znanie i mnenie*. Arutyunova N.D. (ed.). Moscow: Nauka, 1988. Pp. 46 – 62. (in Russian).
- Buring, Gunlogson 2000 — Buring D., Gunlogson C. *Aren't Positive and Negative Polar Questions the Same?* Ms. USCS/UCLA.

- Dayal 2016 — Dayal V. *Questions*. Oxford: Oxford University Press. 2016.
- Grindrod, Borg 2019 — Grindrod J., Borg E. Questions under Discussions and the Semantics/Pragmatics Divide. *Philosophical Quarterly*. 2019. Vol. 69 (275). Pp. 418–426. Doi: [10.1093/pq/pqy058](https://doi.org/10.1093/pq/pqy058)
- Hamblin 1958 — Hamblin C.L. Questions. *Australasian Journal of Philosophy*. 1958. Vol. 36. Pp. 159–168.
- Hamblin 1973 — Hamblin C.L. Questions in Montague Grammar. *Foundations of Language*. 1973. No.10. Pp. 41–53.
- Hamblin 1976 — Hamblin C.L. Questions in Montague Grammar. *Montague Grammar*. Partee B.H. (ed.). Academic Press, 1976. Pp. 247–259.
- Hirayama 2018 — Hirayama H. Discourse Effects of Biased Questions in Japanese. *Japanese/Korean Linguistics*. 2018. Vol. 25. Shin Fukuda, Mary Shin Kim, and Mee-Jong Park (eds.). Stanford: CSLI, 2018.
[/https://web.stanford.edu/group/cslipublications/cslipublications/ja-ko-contents/JK25/JK25-Hirayama.pdf](https://web.stanford.edu/group/cslipublications/cslipublications/ja-ko-contents/JK25/JK25-Hirayama.pdf)
- Isaacs, Rawlins 2008 — Isaacs J., Rawlins K. Conditional questions. *Journal of semantics*. 2008. Vol. 25. Pp. 219–319.
- Karttunen 1977 — Karttunen L. Syntax and semantics of questions. *Linguistics and Philosophy*. 1977. No. 1. Pp. 3–44.
- Kondrashova, Šimík 2013 — Kondrashova N., Šimík R. Quantificational properties of neg-wh items in Russian. *NELS 40: Proceedings of the 40th Annual Meeting of the North East Linguistic Society*. Amherst, MA: GLSA Publications, 2013. Pp. 15–28.
- Kratzer, Shimoyama 2002 — Kratzer A., Shimoyama J. Indeterminate pronouns: The view from Japanese. *Proceedings of the 3rd Tokyo Conference on Psycholinguistic*. Otsu Y. (ed.). Tokyo: Hituzi Syobo. 2002. Pp. 1–25.
- Krifka 2015 — Krifka M. Bias in Commitment Space Semantics: Declarative questions, negated questions, and question tags. *Proceedings of SALT 25*. 2015. Pp. 328–345. Doi: [10.3765/salt.v25i0.3078](https://doi.org/10.3765/salt.v25i0.3078)
- Ladd 1981 — Ladd D.R. A first look at the semantics and pragmatics of negative questions and tag questions. *Chicago Linguistic Society*. 1981. Vol. 17. Pp. 164–171.
- Larson 1985 — Larson R. On the Syntax of Disjunctive Scope. *Natural Language and Linguistic Theory*. 1985. Vol. 3. No. 2. Pp. 217–264.
- Merchant 2004 — Merchant J. Fragments and ellipsis. *Linguistics and Philosophy*. 2004. Vol. 27. Pp. 661–738.
- Montague 1974 — Montague R. The Proper Treatment of Quantification in Ordinary English. *Selected papers by Richard Montague*. R.Tomason (ed.). New Haven, Conn: Yale University Press, 1974. Pp. 141–162.
- Morgunova 2019 — Morgunova E. 'Head of an XP' fragments in Russian. *Russian Linguistics* 2019. Vol. 43. Pp. 143–157. Doi: [10.1007/s11185-019-09212-y](https://doi.org/10.1007/s11185-019-09212-y)
- Paducheva 1985 — Paducheva E.V. Vyskazyvanie i ego otnesenost' k deistvitel'nosti [A Sentence and its Referentiality]. Moscow: Nauka, 1985 (in Russian).
- Paducheva 1988 — Paducheva E.V. Can Indirect Question Valence Be Deduced from Lexical Semantics? Logicheskii analiz yazyka. Znanie i mnenie. Arutyunova N.D. (ed.). Moscow: Nauka, 1988. Pp. 33–45. (in Russian).
- Panchenko 2021 — Panchenko Yu.D. Yes and no Answers to Russian Negative Polar Questions. Rhema. Rema. 2021. No. 4. Pp. 38–68. (In Russian). Doi: [10.31862/2500-2953-2021-4-38-68](https://doi.org/10.31862/2500-2953-2021-4-38-68)
- Roberts 1996 — Roberts C. Information Structure in Discourse: Towards an Integrated Formal Theory of Pragmatics. *Semantics & Pragmatics*. 1996. Vol. 5. Pp. 1 – 69.

- Rooth 1985 — Rooth M. *Association with Focus*. Dissertation. MIT.
- Rooth 1992 — Rooth M. A Theory of Focus Interpretation. *Natural Language Semantics*. 1992. Vol. 1. Pp. 75–116, Doi: [10.1007/bf02342617](https://doi.org/10.1007/bf02342617), S2CID 14108349
- Rudnev 2023 — Rudnev P. Negative Concord and Polarity Mismatches in Fragments: Revisiting Watanabe 2004. *Typology of Morphosyntactic Parameters 2023*. Moscow, 11–12 October 2023. <https://sites.google.com/view/tmp2023/accepted>
- Šimík (to appear) — Šimík R. Polar Question Semantics and Bias: Lessons from Slavic/Czech. *Topics in the semantics of Slavic languages*. Gehrke B., Šimík R. (eds.). Berlin: Language Science Press. (to appear).
- Spector, Egré 2015 — Spector B., Egré P. A Uniform Semantics for Embedded interrogatives: an Answer, not necessarily the Answer. *Synthese*. 2015. Doi: [10.1007/s11229-015-0722-4](https://doi.org/10.1007/s11229-015-0722-4)
- Sperber, Wilson 1986 — Sperber D., Wilson D. *Relevance: Communication and Cognition*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1986.
- Stalneker 1978 — Stalneker R. Assertion. *Syntax and semantics*. Vol. 9. Cole P. (ed.). 1978. Pp. 315–332. Doi: [10.1163/9789004368873_013](https://doi.org/10.1163/9789004368873_013)
- Suda 2013 — Sudo Y. Biased polar questions in English and Japanese. *Beyond expressives: Explorations in use-conditional meaning* (Current Research in the Semantics / Pragmatics Interface 28). Gutzmann D., Gärtner H.M. (eds.). Leiden: Brill, 2013. Doi: [10.1163/9789004183988_009](https://doi.org/10.1163/9789004183988_009)
- Von Fintel 2004 — Von Fintel K. Would you believe it? The king of France is back! Presuppositions and truth-value intuitions. *Descriptions and Beyond*. Bezuidenhout A., Reimer M. (eds.). Oxford: OUP, 2004. Pp. 315–341.
- Xiang 2017 — Yimei Xiang. *Interpreting Questions with Non-exhaustive answers*. Dissertation. Cambridge, Mass.
- Xiang 2022 — Yimei Xiang. Relativized Exhaustivity: Mention-Some and Uniqueness. *Natural Language Semantics*. 2022. Vol. 30. No. 3. Pp. 311–362. Doi: [10.1007/s11050-022-09197-3](https://doi.org/10.1007/s11050-022-09197-3)
- Yanko 2001 — Yanko T. E. Kommunikativnye strategii russkoi rechi [Communicative Strategies of Russian Speech]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2001 (in Russian).
- Yanko 2008 — Yanko T.E. Intonatsionnye strategii russkoi rechi [Intonation Strategies of Russian Speech]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2008. (in Russian).
- Yanko 2019 — Yanko T.E. The Russian LI-Questions Prosody. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii*. Vyp. 18. Trudy mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog 2019». [Computational Linguistics and Intellectual Technologies, issue 18. Proceedings of the International Conference “Dialogue 2019”. Issue 18.] Moscow: Russian State University for the Humanities, 2019. Pp. 715–725 (in Russian).
- Yanko 2023 — Yanko T.E. The Prosody of the Russian Question. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii*. Vyp. 22. Trudy mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog 2023». [Computational Linguistics and Intellectual Technologies, issue 22. Proceedings of the International Conference “Dialogue 2023”]. Moscow: Russian State University for the Humanities, 2023. Pp. 554–565. (in Russian). Doi: [10.28995/2075-7182-2023-22-554-565](https://doi.org/10.28995/2075-7182-2023-22-554-565)
- Zimmerling 2008 — Zimmerling A.V. Local and Global Rules in Syntax. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii*. Vyp. 6 (15). Trudy mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog 2008». [Computational Linguistics and Intellectual Technologies, issue 6 (15). Proceedings of the International Conference “Dialogue 2008” <https://www.dialog-21.ru/en/digest/2008/articles/>]. Moscow: Russian State University for the Humanities, 2008. Pp. 551–562. (In Russian).
- Zimmerling 2018 — Zimmerling A.V. Do They Deserve It: Are Endoclitics Necessary for the Description of Russian Grammar?. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2018. Vol. 36 (2). Pp. 159 – 180. (in Russian). <https://rjano.ruslang.ru/ru/archive/2018-2/159-179>

- Zimmerling 2021 — Zimmerling A.V. Ot integral'nogo k aspektivnomu [From Integral Frameworks to Aspective Descriptions]. Moscow-St-Petersburg: Nestor-Istoria, 2021 (in Russian). Doi: [10.31754/nestor4469-1792-1](https://doi.org/10.31754/nestor4469-1792-1)
- Zimmerling 2023 — Zimmerling A.V. Really: Syntactics without semiotics? Slovo.ru. The Baltic accent. 2023. Vol. 14 (3). Pp. 125–153 (in Russian). Doi: 10.5922/2225-5346-2023-3-9
- Zimmermann 2000 — Zimmermann T.E. Free Choice Disjunction and Epistemic Possibility. *Natural Language Semantics*. 2000. Vol. 8. Pp. 255–290.

Статья поступила в редакцию 25.11.2023; одобрена после рецензирования 01.12.2023; принята к публикации 09.12.2023;
The article was received on 25.11.2023; approved after reviewing 01.12.2023; accepted for publication 09.12.2023.

Антон Владимирович Циммерлинг

д.ф.н.; Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина / Институт языкознания РАН

Anton Zimmerling

Dr. Phil. Hab.; Pushkin State Russian Language Institute / Institute of Linguistics RAS

fagraey64@hotmail.com

Научная статья / Original article

УДК 81-114.2

doi:10.37632/PI.2023.72.40.006

СОГЛАСОВАНИЕ ПО ПЕРЕХОДНОСТИ В ЧЕЧЕНСКОМ ЯЗЫКЕ: ДИСТАНТНЫЙ ПАССИВ БЕЗ ПАССИВИЗАЦИИ

Ф.Г. Шушурин

Институт языкознания РАН

Аннотация: В настоящей статье даётся анализ конструкции с так называемым согласованием по переходности в чеченском языке. Данная конструкция представляет собой сложноподчинённую конструкцию, где в матричной структуре находится переходный глагол. Подчинённая структура в таких конструкциях должна быть строго переходной, непереходные глаголы в таких позициях не допускаются. В чеченском языке двумя матричными глаголами с такими свойствами являются переходные предикаты со значением *начинать* и *заканчивать*. В настоящей статье требование матричного глагола иметь переходную структуру анализируется как необходимость такого глагола иметь абсолютный аргумент. Показывается, что данная абсолютная ИГ является синтаксическим аргументом матричного, нежели вложенного глагола. В частности, доказывается наличие отношения согласования между вложенным абсолютным аргументом и матричным глаголом. Далее данная конструкция сравнивается с дистантным пассивом. Отмечается несколько ключевых параллелей между двумя конструкциями.

Ключевые слова: синтаксис, эргативность, нахско-дагестанские языки, полипредикативные конструкции

Для цитирования: Шушурин Ф.Г. Согласование по переходности в чеченском языке: дистантный пассив без пассивизации // Типология морфосинтаксических параметров. 2023. Том 6, вып. 2. С. 136–160.
doi:10.37632/PI.2023.72.40.006

**TRANSITIVITY CONCORD IN CHECHEN.
LONG-DISTANCE PASSIVE WITHOUT PASSIVIZATION**

Philip Shushurin
Institute of Linguistics RAS

Abstract: The current paper gives an account of the so-called Transitivity Concord, as found in Chechen. In the construction in question, a subordinate structure is found where the matrix clause contains a transitive verb which has a requirement to embed a strictly transitive structure. In Chechen, such position is found with two transitive matrix verbs — *begin* and *finish*. The constraint not to embed intransitive structure is analyzed as a requirement for the embedded structure to contain an Absolutive DP, which is demonstrably a syntactic argument of the matrix rather than of the embedded verb. The studied phenomenon is then compared to the Long-Distance Passive, and several key similarities between the two constructions are highlighted.

Keywords: syntax, Ergativity, subordinate clauses, Nakh-Dagestian languages

For citation: Shushurin Ph. Transitivity Concord in Chechen. Long-Distance Passive without passivization. *Typology of Morphosyntactic Parameters*. 2023. Vol. 6, iss. 2. Pp. 136–160. (In Rus.) doi:10.37632/PI.2023.72.40.006

1. Вступление

Настоящая статья посвящена феномену согласования по переходности — одному из малоизученных явлений нахского морфосинтаксиса. Данное явление может быть проиллюстрировано следующим примером¹.

(1) а. *Аса книга й-еша дIа-й-оли-ра*
я.ERG книга J-читать PRF-J-начинать-RPST
'Я начал читать книгу.'

б. **Со/*Аса уда дIа-й²-оли-ра*
я.ABS/я.ERG бегать PRF-J-начать- RPST
Ожид. зн.: 'Я начал бегать.'

Матричный переходный глагол в такой конструкции может подчинять переходную, но не может подчинять непереходную структуру. Таким образом, на дескриптивном уровне явление согласования по переходности

¹ Данные получены в ходе полевой работы с тремя носителями из с. Шарой Чеченской Республики.

² Неграмматично с любым классово-числовым префиксом.

заключается в том, что переходность матричного предиката влечёт переходность вложенной структуры³.

В работе предлагается анализ, согласно которому вложенный абсолютный объект, несмотря на свою семантическую ассоциированность с вложенной клаузой, является синтаксическим аргументом⁴ матричного глагола и контролирует на нём согласовательные признаки класса. Требование матричного глагола иметь переходную структуру, в свою очередь, следует из потребности матричного глагола иметь согласуемый прямой объект. Поскольку таковым объектом не может быть вложенная клауза целиком, матричный предикат вступает в синтаксическое отношение с именной группой за пределами своей клаузы.

Подобную конфигурацию можно сравнить с дистантной пассивизацией, как в следующем немецком примере, где вложенный пациент становится подлежащим матричной структуры и согласуется с матричным глаголом. Как и в чеченских примерах, вложенная структура в таких случаях должна быть переходной.

(2) Дистантный пассив в немецком языке

dass [der Traktor und der Lastwagen] zu reparieren
 что DET трактор и DET грузовик.NOM INF починить

versucht wurden
 пытаться.PASS были

‘что трактор и грузовик постарались починить’ [Wurmbrand 2016: 251]

2. Необходимые сведения о чеченском языке

Чеченский язык вместе с близкородственным ингушским образует вайнахскую подгруппу нахской группы нахско-дагестанской языковой семьи. На языке говорит порядка 1,3 миллиона человек, проживающих преимущественно в Чеченской Республике, а также в некоторых районах Ингушетии, Дагестана и Грузии. Чеченский язык отличается большой диалектной вариативностью.

В чеченском языке имеются многие морфосинтаксические характеристики, присущие нахско-дагестанской языковой семье. Язык обладает довольно богатой глагольной и именной морфологией и имеет эргативную

³ Ср. также сходные ингушские данные в [Nichols 2011].

⁴ Более точно — является контролёром согласования матричного предиката.

стратегию кодирования ядерных актантов. Контролёром согласования могут выступать исключительно абсолютивные именные группы. Мишенями согласования могут быть как лексические, так и вспомогательные глаголы. Признаки абсолютивного аргумента могут содержаться на нескольких глаголах, как в примере (5) [Халидов 2004].

- (3) *Аса бепиг д-и-на*
 я.ERG хлеб D-делать-PST
 ‘Я испёк хлеб.’
- (4) *Эли базар-а в-оьду*
 Эли.ABS базар-ALL V-идти.PRS
 ‘Эли (м.р.) идёт на рынок.’
- (5) *Зарина-с цуьнга кехат яз-д-ийр д-у*
 Зарина-ERG он.DAT письмо писать-D-IRR D-делать.PRS
 ‘Зарина ему напишет письмо.’

Морфологически согласование выражается в качестве классно-числового префикса на глаголе. Выделяются 6 именных классов и 4 различных классно-числовых префикса [Яковлев 1960, Dotton, Doyle 2017].

Таблица 1. Классно-числовые префиксы

Класс	Ед.ч.	Мн.ч.
I	в-	д-/б-
II	й-	д-/б-
III	й-	й-
IV	д-	д-
V	б-	б-
VI	б-	д-

Ещё одним типичным параметром является крайнее бедная система залога и глагольной актантной деривации. В чеченском отсутствуют как пассив, так и антипассив. Единственным регулярным показателем глагольной деривации является каузатив.

- (6) Морфологическая каузативизация в чеченском языке
Жижиг датт-ийта цуьнга
 мясо жарить-CAUS.IMP он.ALL
 ‘Заставь его пожарить мясо.’

В чеченском языке имеются как именная (масдарная), так и сентенциальная (инфинитивная) стратегии клаузуальной комплементации. В случае именной комплементации масдарная группа занимает аргументную позицию и вызывает дефолтное (по классу *δ*-) согласование на глаголе.

(7) Масдарная стратегия комплементации

Суна в-ада-р δ-еза
 я.DAT V-бегать-MSD D-нравиться.PRS
 ‘Мне нравится бегать.’

При сентенциальной стратегии комплементом глагола является инфинитивная (морфологически — немаркированная) глагольная/клаузуальная структура. Так, такая стратегия возможна с непереходными глаголами и совместима с абсолютным подлежащим маркированием.

(8) Инфинитивная стратегия клаузуальной комплементации

Аслан жоп кхета гьорти-ра
 Аслан вопрос понять.INF попытаться-RPST
 ‘Аслан попытался понять вопрос.’

3. Согласование по переходности

Настоящая статья посвящена феномену согласования по переходности. Суть данного феномена заключается в систематических ограничениях на переходность вложенного глагола в зависимости от переходности матричного предиката. В ходе полевых исследований данный феномен удалось обнаружить у двух строго переходных матричных глаголов *δIa-δ-оло* «начинать» и *чеккx-δ-аккxа* «заканчивать». Так, в примере ниже мы видим переходную структуру, вложенную внутрь матричной переходной структуры:

(9) Переходные вложенные структуры с глаголами *δIa-δ-оло* «начинать» и *чеккx-δ-аккxа* «заканчивать».

а. *Аса книга й-еша δIa-й-оли-ра*
 я.ERG книга J-читать PRF-J-начинать-RPST
 ‘Я начал читать книгу.’

б. *Аса книга й-еша чеккx-й-аккxи-ра*
 я.ERG книга J-читать PRF-J-закончить-RPST
 ‘Я закончил читать книгу.’

Исходя из строгой переходности матричных глаголов *ɖIa-ɖ-оло* «начинать» и *чеккx-ɖ-аккxа* «заканчивать» можно сделать вывод о том, что в таких конструкциях эти глаголы также имеют эргативный внешний аргумент, предположительно фонологически выраженное подлежащее *аса*.

Помимо сентенциальных дополнений, данные глаголы могут иметь и именные, при этом непереходные употребления данных глаголов не допускаются.

(10) Синтаксическая переходность глагола *ɖIa-ɖ-оло*

а. *Аса урок ɖIa-й-оли-ра*

я.ERG урок PRF-J-начинать-RPST

‘Я начал урок.’

б. **Урок ɖIa-й-оли-ра*

урок PRF-J-начинать-RPST

Ожид. зн.: ‘Урок начался.’

(11) Синтаксическая переходность глагола *чеккx-ɖ-аккxа*

а. *Аса урок чеккx-й-аккxи-ра*

я.ERG урок PRF-J-закончить-RPST

‘Я закончил урок.’

б. **Урок чеккx-й-аккxи-ра*

урок PRF-J-закончить-RPST

Ожид. зн.: ‘Урок закончился.’

В случае сентенциальной комплементации вложенный глагол имеет немаркированную (инфинитивную) форму, масдарная стратегия комплементации ведёт к неграмматичности.

(12) **Аса книга й-еша-р ɖIa-ɖ⁵-оли-ра*

я.ERG книга J-читать-IRR PRF-D-начать-RPST

Ожид. зн.: ‘Я начал читать книгу.’

В таких конструкциях, как видно их примеров выше, классово-числовой признак абсолютного аргумента содержится как минимум⁶ на двух глаголах — на вложенном и матричном.

⁵ Неграмматично с любым классово-числовым префиксом.

⁶ Также он может содержаться и на вспомогательных глаголах.

- (13) Схема конструкции с согласованием по переходности
 SUBJ_{ERG} [ИГ_i вложенный глагол_i] матричный глагол_i

Ключевым фактом для настоящего исследования является невозможность употребления в такой ситуации непереходных глаголов.

- (14) Непереходные вложенные структуры с глаголом *да-д-оло*

Со*/Аса уда да-в-оли-ра*

я.ABS/я.ERG бегать PRF-V-начать-RPST

Ожид. зн.: 'Я(м.р.) начал бегать.'

В чеченском языке также имеются непереходные глаголы *д-ола* < *д* > *ола* и *чеккх-д-ала*⁷ с похожей семантикой. Эти глаголы, вне контекстов синтаксической комплементации, совместимы лишь с непереходными употреблениями.

- (15) а. *Урок й-олайели-ра*

урок J-начинать-RPST

'Урок начался.'

- б. **Аса урок й-олавели-ра*

я.ERG урок J-начинать-RPST

Ожид. зн.: 'Я начал урок.'

В отличие от своих переходных аналогов, эти глаголы не накладывают ограничений на переходность своих вложенных глаголов при синтаксической комплементации. Так, данные глаголы способны употребляться как с переходными, так и с непереходными глаголами.

- (16) а. *Со уда в-олавели-ра*

я.ABS бегать V-начинать-RPST

'Я (м.р.) начал бегать.'

- б. *Со книга й-еша в-олавели-ра*

я.ABS книга J-читать V-начинать-RPST

'Я (м.р.) начал читать книгу.'

⁷ Далее из соображений экономии изложения примеры будут даваться с глаголами со значением *начинать*. Глаголы со значением *заканчивать* ведут себя аналогично во всех релевантных аспектах.

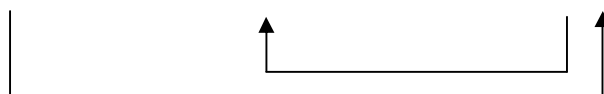
Одним из возможных анализов подобной конструкции является анализ в терминах обратного контроля, согласно которому фонологически выраженное подлежащее относится к вложенной клаузе, а подлежащим матричной клаузы является нулевое местоимение. Однако, исходя из невозможности левопериферийных эмфатических рефлексивов — диагностики, предлагаемой в [Polinsky, Potsdam 2002], можно сделать вывод о том, что данные конструкции не являются конструкциями обратного контроля и абсолютный аргумент в таких конструкциях находится в матричной, а не во вложенной клаузе. Ещё одной подобной диагностикой могут являться данные порядка слов, которые показывают, что все элементы конструкции, исключая абсолютный аргумент, способны передвигаться за подлежащее.

(17) а. *Ида в-олавели-ра со*
 бегать V-начинать-RPST Я.ABS
 ‘Я (м.р.) начал бегать.’

б. **Со-со со ида в-олавели-ра*
 сам Я.ABS бегать V-начинать-RPST
 Ожид. зн.: ‘Я (м.р.) сам начал бегать.’

Таким образом, предложения (8а) и (15b) можно рассматривать как минимальную пару с различием только в переходности матричного глагола. Пожалуй, главную аналитическую сложность в подобных примерах представляет ограничение на непереходность вложенного предиката, особенно ввиду отсутствия подобного ограничения у минимально отличных непереходных предикатов. В этой статье будет предложен анализ, согласно которому контролёром согласования на матричном глаголе в таких случаях является абсолютный объект. Ниже приведена схема подобного анализа, в которой стрелками показано направление согласования. Так, вложенный абсолютив передаёт свои признаки матричному глаголу в ходе предикативного согласования, далее эти признаки передаются вниз вложенному глаголу.

(18) SUBJ_{ERG} [ИГ_i вложенный глагол_i] матричный глагол_i

Две конструкции (т.е. с переходным и непереходным матричным глаголом) при дальнейшем исследовании обнаруживают некоторые синтаксические различия. Во-первых, в конструкциях с матричными переходными глаголами (т.е. в конструкциях с согласованием по переходности, далее КСП) вложенный глагол не может иметь деривационную морфологию, такую как каузатив и отрицание. Конструкции с непереходными глаголами такого ограничения не имеют.

(19) Каузативы и отрицание с переходными матричными глаголами

a. *Аса книга-ш ца-й-еша дIа-й-оли-ра
 я.ERG книга-PL NEG-J-читать.INF PRF-J-начать-RPST

Ожид. зн.: 'Я начал не читать книги (перестал).'

b. *Аса цуьнга книга-ш й-еши-та дIа-й-оли-ра
 я.ERG ему книга-PL J-читать-CAUS PRF-J-начать-RPST

Ожид. зн.: 'Я начал заставлять читать книги.'

(20) Каузативы и отрицание с непереходными матричными глаголами

a. Со книга-ш ца-й-еша в-олавели-ра
 я.ABS книга-PL NEG-J-читать.INF J-начинать-RPST

'Я (м.р.) перестал читать книгу.'

b. Со цуьнга книга-ш й-еши-та в-олавели-ра
 я.ABS ему книга-PL J-читать-CAUS V-начинать-RPST

'Я (м.р.) начал заставлять его читать книгу.'

Во-вторых, именные группы во вложенных структурах имеют систематические ограничения на семантическую интерпретацию. Абсолютивный аргумент в таких конструкциях может иметь лишь широкую сферу действия относительно матричного предиката. Например, в случае если матричная клауза содержит отрицательный оператор, а вложенная абсолютивная ИГ содержит универсальный квантор, универсальный квантор не может иметь сферу действия внутри отрицательного оператора. Конструкции с непереходными матричными глаголами, напротив, такого ограничения не имеют. Так, предложение в (20а) может значить как то, что говорящий не начал открывать *всех* окон (быть может, некоторые он открыть успел), так и то, что говорящий не начал открывать ни одного окна. Во втором примере, который является конструкцией КСП, доступна лишь вторая интерпретация.

(21) а. *Со мелдол куър-аш делла ца в-олавели-на*
 я.ABS все окно-PL открывать.INF NEG -Н чинать-RPST
 ‘Я (м.р.) не начал открывать все окна.’ $\neg > \forall; \forall > \neg$

б. *Аса мелдол куър-аш делла дла-д-ола ца д-и-на*
 я.ERG все окно-PL открывать.I PERF -Н чать NEG D-AUX-PST
 ‘Я не начал открывать все окна.’ * $\neg > \forall; \forall > \neg$

Ограничение на синтаксические свойства вложенного глагола действуют только в пределах непосредственно подчинённой структуры. Так, в приведённой ниже структуре вложенная переходная конструкция находится на расстоянии двух клаузальных границ от матричного предиката и отделена от него непосредственно доминирующим подчинённым предикатом.

(22) **Аса/со книга й-еша хаъжа дла-й-оли-ра*
 я.ERG/я.ABS книга J-читать пытаться.INF PRF-J-начинать-RPST
 Ожид. зн.: ‘Я (м.р.) начал пытаться прочитать книгу.’

Также невозможно употребление КСП с сочинёнными вложенными структурами:

(23) **Аса жижиг кхарза а чорпа кхехко а*
 я.ERG мясо жарить.INF и суп варить.INF и

дла-й-оли-ра / дла-д-оли-ра
 PRF-J-начинать-RPST PRF-D-начинать-RPST
 Ожид. зн.: ‘Я начал жарить мясо и варить суп.’

В это же время, подобные конструкции допустимы с непереходными матричными глаголами:

(24) *Со жижиг кхарза а чорпа кхехко а в-олавел-ира*
 я.ABS мясо жарить.INF и суп варить.INF и V-начинать-RPST
 ‘Я (м.р.) начал жарить мясо и варить суп.’

В таблице ниже представлены характеристические свойства КСП в сравнении с конструкциями с обычной непереходной сентенциальной комплементацией. В целом, эти данные показывают, что КСП имеет многие свойства, нетипичные для простой сентенциальной комплементации.

Таблица 2. Свойства переходной и непереходной комплементации

	Переходные матричные глаголы	Непереходные матричные глаголы
Только переходная вложенная структура	да	нет
Только широкая сфера действия вложенного абсо- лютива	да	нет
Сочетаемость с вложенным отрицанием	нет	да
Сочетаемость с вложенным каузативом	нет	да

4. Направление согласования

Как было указано выше, изучаемая конструкция представляет собой переходную матричную конструкцию, подчиняющую другую переходную структуру, не имеющую, однако, своего собственного подлежащего. Классные признаки внутреннего прямого объекта контролируют согласование на вложенном и на матричном глаголе. Схема такой конструкции представлена ниже.

(25) $SUBJ_{ERG}$ [ИГ_i вложенный глагол_i] матричный глагол_i

Важно отметить, что установить точную механику согласования в этой конструкции исходя из общих соображений не представляется возможным. Так, неясно, является ли вложенный предикат непосредственной мишенью абсолютного аргумента или же таковой мишенью является матричный предикат. Наконец, третья логическая возможность предполагает, что непосредственной мишенью абсолютного аргумента являются и вложенный, и матричный предикат. Все три опции обобщены ниже.

(26) Три возможные механики согласования

- I. Вложенный глагол согласуется с вложенным аргументом, матричный глагол согласуется с вложенным глаголом;
- II. С вложенным аргументом согласуется матричный предикат, вложенный предикат получает признаки от матричного глагола;
- III. С вложенным аргументом согласуются оба глагола.

Важно понимать, что первая механика предполагает, что абсолютный аргумент непосредственно согласуется с вложенным глаголом, который, в свою очередь, передаёт свои признаки матричному глаголу. Само по себе такое предположение не является неправдоподобным в свете нахско-дагестанских данных. Во многих конструкциях со вспомогательными глаголами признаки класса контролёра согласования имеются на нескольких глагольных вершинах. Следует, однако, отметить, что в чеченском языке подобная ситуация наблюдается лишь внутри одной клаузы и никогда — в сложных предложениях. Если подобная конструкция — действительно пример множественного выражения признаков — то тогда это единственная сложноподчинённая конструкция такого рода.

- (27) *Зарина-с цуьнга кехат яз-д-ийр д-у*
 Зарина-ERG он.DAT письмо писать-D-IRR D-делать
 ‘Зарина ему напишет письмо.’

Однако существуют свидетельства того, что такое предположение не совместимо с эмпирическими данными. Главным фактом против такого анализа является несовместимость КСП с непереходными глаголами с классово-числовыми префиксами в эргативных конструкциях. В таких случаях глагол имеет классово-числовые префиксы в отсутствие прямого объекта. Классово-числовой префикс в таких случаях является лексически определённым. Маркирование подлежащего при этом является эргативным. В ходе исследований удалось обнаружить два глагола, исторически происходящих от глагола *-еша*, имеющих лексически фиксированный классово-числовой префикс. Такими глаголами являются глаголы *й-еша* «читать» и *д-еша* «учиться». Пример такой конструкции приведён ниже.

- (28) *Аса й-еша*
 я.ERG J-читать.PRS
 ‘Я читаю.’

Данные глаголы демонстрируют дистрибуцию, свойственную для переходных, нежели чем для непереходных глаголов. Так, подобные глаголы способны участвовать в сочинении с полноценными переходными глаголами и их группами, имея с ними общее эргативное подлежащее.

- (29) *Аса кехат й-азда-р й-у а й-еша-р й-у а*
 я.ERG письмо J-писать-IRR J-AUX и читать-IRR J-AUX и
 ‘Я буду писать письмо и читать.’

Классово-числовые признаки являются синтаксически активными, о чём свидетельствует тот факт, что эти признаки могут передаваться вспомогательным глаголам, как показывает пример ниже.

- (30) *Аса й-еша-р й-у*
 я.ERG J-писать-IRR J-AUX
 ‘Я буду читать.’

Вместе с этим, отсутствуют свидетельства того, что в данных конструкциях имеется синтаксически активный прямой объект. Так, невозможна анафорическая отсылка к предполагаемому нулевому аргументу:

- (31) **Аса й-еша-р й-у и самукIане й-у*
 я.ERG J-читать-IRR J-AUX это интересный J-AUX
 Ожид. зн.: ‘Я буду читать (что-то_i), и это_i будет интересным.’

Эти факты свидетельствуют о том, что несмотря на отсутствие абсолютного прямого дополнения, подобные глаголы несут синтаксически активные классово-числовые признаки на префиксе.

Ключевым фактом является неспособность таких глаголов сочетаться с КСП.

- (32) а. **Аса й-еша дIа-й-оли-ра*
 я.ERG J-читать.INF PRF-J-начать-RPST
 Ожид. зн.: ‘Я начал читать.’
- б. **Аса д-еша дIа-д-оли-ра*
 я.ERG D-читать.INF PRF-J-начать-RPST
 Ожид. зн.: ‘Я начал учиться.’

Особенно показательным является сравнение неграмматичного примера в (32а) с минимально отличным примером в (9а), ещё раз приведённым ниже. Эта минимальная пара показывает, что приемлемость КСП зависит строгим образом от наличия абсолютивной ИГ во вложенной клаузе.

- (33) *Аса книга й-еша дIа-й-оли-ра*
 я.ERG книга J-читать.INF PRF-J-начинать-RPST
 ‘Я начал читать книгу.’

Из этих данных можно сделать вывод о том, что для означивания мишени на матричном глаголе недостаточно признаков на вложенном гла-

голе. Если бы операция согласования проходила итеративно от вложенного объекта к вложенному предикату, а затем от вложенного предиката к матричному предикату, то мы бы ожидали, что означенных признаков на вложенном глаголе было бы достаточно для означивания признаков матричного глагола. Из того что такие структуры невозможны, можно сделать вывод о том, что вложенный предикат не является контролёром согласования на матричном глаголе. В конструкции же со вспомогательным типа (30) подобные глаголы не дефектны и способны передавать свои признаки вспомогательному глаголу.

В этой статье будет предложен анализ, согласно которому вложенный объект согласуется с матричным предикатом, который впоследствии выступает контролёром согласования на вложенном предикате.

5. Анализ

5.1. Общие картина: КСП как дистантная пассивизация

В этой части статьи даётся попытка аналитического осмысления исследуемой конструкции во внетеоретических терминах.

Для начала суммируем наблюдаемые факты. Конструкция с согласованием по переходности представляет собой сложноподчинённую структуру с матричным переходным глаголом, подчиняющую другую строго переходную глагольную структуру, обязательно имеющую прямой абсолютивный объект. Прямой объект имеет обязательно широкую сферу действия, вложенная структура имеет дефектный статус.

Первым шагом на пути осмысления морфосинтаксиса наблюдаемой конструкции может служить сравнение её с другой сложноподчинённой конструкцией, в которой существует синтаксическое отношение согласования между семантическим аргументом вложенной клаузы и матричным предикатом. Речь идёт о так называемых дистантных пассивах, наблюдаемых в ряде языков, в частности, в немецком. В таких конструкциях, вложенный пациентивный аргумент является синтаксическим подлежащим матричной клаузы, а также контролирует согласование на матричном глаголе.

(34) Дистантный пассив в немецком языке (= (2))

dass [der Traktor und der Lastwagen] zu reparieren
что DET трактор и DET грузовик.NOM INF починить

versucht wurden

пытаться.PASS были

‘что трактор и грузовик постарались починить’ [Wurmbrand 2016: 251]

Подобные конструкции также демонстрируют асимметрию в морфологической специфицированности глагольных предикатов во вложенной и в матричной клаузах. Так, если пассивный залог маркирован на матричном глаголе, то вложенный предикат имеет немаркированную форму залога (морфологически совпадающую с активной)⁸.

(35) а. Пассивная форма: *repariert werden*

б. Активная; немаркированная форма: *reparieren*

Можем перечислить теперь те свойства, которые объединяют наблюдаемые конструкции. Во-первых, в обеих конструкциях имеются прямые аргументы, являющиеся семантическими аргументами вложенной клаузы и синтаксическими аргументами матричной клаузы. Во-вторых, многочисленные исследования немецкого дистантного пассива установили, что подобно чеченским конструкциям, кванторы в группах подобных конструкций не могут иметь сферу действия ниже матричного предиката (см. [Wurmbrand 2015; Bobaljik, Wurmbrand 2005]).

В-третьих, и в конструкциях с дистантным пассивом, и в конструкциях с КСП мы имеем дело со сложноподчинённой структурой, где семантический аргумент вложенного глагола является контролёром согласования на матричном глаголе.

В-четвёртых, в обеих конструкциях вложенная структура должна быть переходной. Что касается дистантной пассивизации, то этот факт может быть легко осмыслен ввиду того, что пассивное преобразование, как правило, предполагает исходную переходную структуру⁹.

Наконец, в обеих конструкциях вложенные структуры настолько редуцированы, что не способны иметь выраженный внешний аргумент.

⁸ Необходимо отметить, что для предлагаемого анализа несущественно, является ли данная конструкция моно- или биклаузальной, тем более что во многих современных работах данная оппозиция не рассматривается как строгая дихотомия.

⁹ Кроме случаев дистантного пассива, наблюдаемого, впрочем, далеко не во всех языках с дистантной пассивизацией.

Вместе с этим эти две конструкции имеют и ряд явных отличий. Во-первых, дистантный пассив является очевидным залоговым преобразованием, ассоциированным с соответствующей активной конструкцией. В результате пассивного преобразованием семантический аргумент вложенной клаузы становится синтаксическим подлежащим матричной клаузы, что подтверждается наличием согласовательной зависимости между данной ИГ и матричным предикатом, а также другими каноническими подлежащими свойствами. К таким свойствам относятся: левопериферийная позиция, способность связывать рефлексивы и т.д. Чеченская же конструкция, напротив, не связана очевидным образом ни с какой другой конструкцией.

Во-вторых, если дистантный пассив представляет собой конструкцию с синтаксической зависимостью по залоговым признакам, исследуемая чеченская конструкция представляет зависимость на уровне переходности, то есть на уровне взаимодействия глагола со своим прямым дополнением. Так, в дистантном пассиве вложенный предикат, несмотря на свою залоговую немаркированность, получает пассивную интерпретацию. В свою очередь, в чеченской конструкции между двумя вершинами существует зависимость по классово-числовым признакам.

Несмотря на эти различия, на обе конструкции можно посмотреть как на структуры, в которых два глагола — матричный и вложенный — имеют единый, прямой аргумент. В случае дистантного пассива таким аргументом является матричное подлежащее, в случае чеченских КСП — абсолютный прямой объект.

(36) Дистантный пассив и КСП как сложноподчинённые конструкции
с единым прямым аргументом

[ПРЯМОЙ АРГУМЕНТ_i [ВЛОЖЕННЫЙ ПРЕДИКАТ __i]] МАТРИЧНЫЙ ПРЕДИКАТ

Несмотря на то, что в чеченском не происходит собственно залогового преобразования, абсолютный аргумент имеет несколько сходных свойств с номинативным подлежащим в дистантном пассиве. Так, он контролирует согласование на матричном глаголе, а также не может иметь сферу действия во вложенной клаузе.

Необходимо также отметить, что в чеченском — языке с преимущественно левым ветвлением и свободным порядком слов — довольно затруднительно определить точную структурную позицию абсолютного аргумента.

В этой работе принято допущение, согласно которому факты сферы действия могут служить диагностикой структурной позиции именной группы. Таким образом, запрет на узкую сферу действия может свидетельствовать о высоком расположении абсолютного аргумента. Здесь необходимо отметить, что простые сложноподчинённые структуры с фазовыми глаголами не имеют ограничения на сферу действия, таким образом, не существует свидетельств высокого структурного положения их вложенных абсолютивов — я буду предполагать, что такие абсолютивы расположены во вложенной клаузе, вблизи своей канонической позиции.

Сравнение этих двух структур может служить ещё одним свидетельством в пользу структурного сходства КСП и дистантного пассива. Действительно, КСП отличают более высокое, по сравнению с немаркированной конструкцией, положение прямого (абсолютивного) аргумента. Разница в структурном положении можно сравнить с разницей в структурном положении пациентивного аргумента вложенной клаузы дистантного пассива.

(37) Структурное положение абсолютива в конструкции с непереходным и переходным матричным глаголом

КСП: SUBJ_{ERG} [ИГ_i [_i вложенный глагол_i]] матричный глагол_i

Простая комплементация: SUBJ_{ABS} [ИГ_i вложенный глагол_i] матричный глагол_i

Если в дистантном пассиве можно предположить, что высокое положение прямого аргумента вызывается собственно пассивным преобразованием, для КСП такая синтаксическая мотивация невозможна. В настоящей работе будет принято предположение, что высокое положение абсолютива вызвано не связанными с залогом причинами.

Обратимся теперь к различиям между двумя конструкциями, связанным с локусом зависимостного отношения между матричным и вложенным предикатом. Так, если в дистантном пассиве зависимость наблюдается между граммемами залога, то в случае чеченской конструкции — на уровне глагольных мишеней, отвечающих за согласование с прямым объектом.

Я предполагаю, что это различие следует напрямую из согласовательных свойств глаголов в чеченском (эргативном) и немецком (аккузативном) языке. Так, в немецком языке согласование наблюдается лишь с номинативным аргументом, а в чеченском — лишь с абсолютивным (внутренним или внешним) аргументом.

Немного упрощая, можно представить эту зависимость следующим образом. В немецком выбор пассивной конструкции означает, что глагол имеет в позиции подлежащего пациентивный (согласуемый) аргумент. Таким образом, зависимостное отношение между матричной и вложенной структурой по признаку *пассивный залог* передаёт информацию¹⁰ о свойствах номинативного подлежащего (внешнего аргумента).

В чеченском языке, в отличие от немецкого, отсутствует пассивное преобразование, а также согласование с агентивным аргументом в переходной конструкции. Таким образом, информация о (единственном) согласуемом абсолютном аргументе передаётся вложенному глаголу в виде классово-числового признака. Редуцированность вложенного предиката в КСП выражается в том числе в неспособности вложенного предиката иметь деривационную морфологию, такую как отрицание и каузатив.

Таким образом, обобщая, можно утверждать, что КСП имеет структурное сходство с дистантным пассивом, а различия между двумя конструкциями объясняются независимо наблюдаемыми особенностями чеченского морфосинтаксиса, главным образом связанными с эргативностью (нахско-дагестанского типа). Так, в обеих конструкциях имеется сложноподчинённая структура, в которой пациентивный аргумент, семантически ассоциированный с вложенной клаузой, выступает синтаксическим контролёром согласования на матричном глаголе. Данный аргумент занимает синтаксически более высокую позицию, по сравнению с немаркированной конструкцией (активной сложноподчинённой конструкцией в немецкой и с конструкцией с непереходным матричным глаголом в чеченском). Вместе с этим, в этих конструкциях существует также зависимостное отношение¹¹ между матричным и вложенным предикатом, где вложенный предикат является более синтаксически редуцированным и направление зависимости можно определить как направленное вниз. Природа этого зависимостного отношения ассоциирована с типом согласования глагола с прямым аргументом. В случае немецкого языка это зависимость по граммеме пассивного залога, тогда как в чеченском языке это непосредственная зависимость по классово-числовым признакам между вложенной и матричной структурой.

¹⁰ В следующем разделе эта интуиция будет формализована.

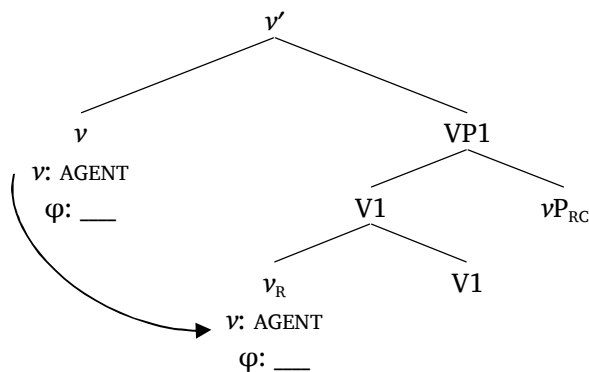
¹¹ См. далее более подробную формализацию этой интуиции.

5.2. Деривации

В этой секции будет предложен анализ данных конструкций, опирающийся на теорию Вурмбранд ([Wurmbrand 2015; Wurmbrand, Shimamura 2017]), представляющий дистантный пассив как синтаксическую зависимость между залоговыми вершинами, а также на модель согласования Ш. Кайне [Keine in press], разделяющую операции зондирования, с одной стороны, и означивания признаков, с другой.

В модели Вурмбранд дистантный пассив анализируется как отношение инкорпорации вложенной залоговой вершины в верхнюю залоговую вершину. В этой деривации вложенная клауза инкорпорируется в матричную, и матричная клауза означает признак AGENT (то передаёт информацию о подлежащем) вложенной глагольной вершины (v_R).

(38) Дистантный пассив как инкорпорация залоговых вершин

В этой модели (переходные) глаголы рассматриваются как кластеры двух глагольных вершин, верхняя из которых отвечает за лицензирование внешнего аргумента и является локусом залоговых преобразований. Залоговая вершина нижней клаузы входит в отношение инкорпорации с внешней вершиной и получает от верхней клаузы пассивную интерпретацию путём согласования. Если в немецком языке вложенный предикат в подобных конструкциях не маркирован по залогоу, в других языках, например, в чаморро, вложенный предикат имеет обязательную пассивную морфологию:

(39) Дистантный пассив в чаморро с пассивной морфологией на вложенном глаголе

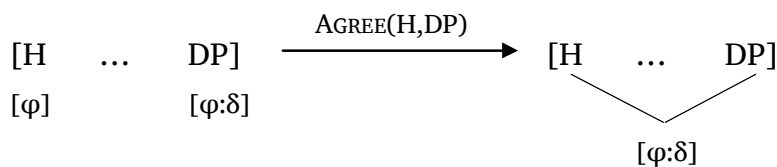
Pära tafan-ma-chägi ma-na'fanätuk ni lalahi siha

FUT 1PL.IR.IN-PASS-пытаться NPL.RL.IN.PASS-прятать OBL мужчина PL

‘Нас попробуют спрятать мужчины.’ [Wurmbrand 2016: 268]

В анализе, предлагаемом в этой статье, принимается модель согласования Ш. Кайне [Keine in press], вводящая в механику согласования понятие признаковой цепочки — множества из мишеней, имеющих согласовательный зонд лишь на одном из своих звеньев. Взаимодействие зонда и соответствующей цели происходит по стандартным правилам — зонд сканирует релевантные синтаксические узлы в поисках нужных ему признаков. Нахождение релевантного контролёра, однако, ведёт не к означиванию лишь данной глагольной вершины — релевантные признаки получает каждое звено цепочки.

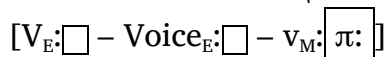
(40) Согласовательные цепочки в модели Кайне [in press]

Данная модель представляется более типологически адекватной, нежели классическая модель [Chomsky 2000], поскольку позволяет моделировать известную асимметрию между матричными (не дефектными) и подчинёнными (морфологически дефектными) глаголами путём постулирования отсутствия зонда на последних. В отличие от более поздней версии классической модели [Pesetsky, Torrego 2007] модель Кайне не постулирует цепочки из гипотетических глагольных признаков, таких как, например, Tense и поэтому представляется более концептуально адекватной.

Применительно к исследуемой конструкции предполагается, что глагольные вершины вложенной конструкции, а также матричная глагольная вершина образуют согласовательную цепочку, в которой лишь матричный глагол имеет согласовательный зонд.

(41) Согласовательные цепочки в КСП

Ключевым допущением является предположение о согласовательной дефектности вложенного глагола, формально выраженное как отсутствие согласовательного зонда на обеих глагольных вершинах — собственно вложенной *v* и залоговой вершины Voice. Ввиду отсутствия регулярных залоговых преобразований, а также ввиду отсутствия свидетельств независимой признаковой спецификации двух глагольных вершин предпола-

гается, что данные вершины находятся в отношении признаковой зависимости — признаки одной вершины могут быть переданы второй.

Наконец, последнее допущение предполагает высокую позицию абсолютного аргумента, предположительно, на левой периферии вложенной структуры. Вслед за [Polinsky 2017] я буду предполагать, что данное передвижение происходит по независимым причинам, установление которых выходит за рамки данной работы.

В чеченском языке предполагается следующий ход деривации. В ходе построения вложенной структуры абсолютный аргумент лишён возможности контролировать согласование на вложенном глаголе, ввиду морфологической дефектности последнего. Вложенные глагольные признаки остаются неозначенными на этом деривации. Абсолютный аргумент передвигается в позицию левой периферии вложенной клаузы и лишается возможности быть интерпретированным *in situ*.

В ходе построения матричной структуры в структуре появляется недефектная глагольная вершина, имеющая согласовательный зонд. Эта вершина согласуется с абсолютным аргументом, находящимся в пределах видимости её зонда. Поскольку эта вершина является частью согласовательной цепочки, то означивание её признаков ведёт к означиванию всех её звеньев. Таким образом, в результате одного зондирования фи-признаки получают как матричные, так и вложенные глагольные вершины.

(42) Означенная признаковая цепочка

$$DP_{\phi:i} + [V_E: \boxed{i} - \text{Voice}_E: \boxed{i} - v_M: \boxed{\pi:i}]$$

Наконец, последним этапом в деривации является инкорпорация вложенной залоговой вершины в нижнюю глагольную вершину матричной клаузы. В результате этой операции вложенная залоговая вершина теряет синтаксическую автономность, и вложенная расширенная проекция лишается возможности сочетаться с более высокими функциональными вершинами, такими как каузатив и отрицание¹².

¹² Анонимный рецензент замечает, что при подобной структуре абсолютный аргумент находится ниже матричного предиката и — при интерпретации *in situ* — должен быть способен получить узкую сферу действия. Однако подобная ситуация (неспособность ИГ быть проинтерпретированной во вложенной клаузе даже в отсутствие передвижения из неё) хорошо описана в языках мира, например, в ительменском [Bobaljik, Wurmbrand 2005: 810]. В указанной работе предлагается обобщение, согласно которому сфера Действия вложенных ИГ ограничена (снизу) нижней границей области их синтаксического

(43) Структура КСП

Аса [*книга*_i [[*t*_i *й-еша*]_{VP} < *Voice*_i >]_{VoiceP}]_{FP} *дIа-й-оли-ра* + *Voice*_i

Рассмотрим теперь неграмматичную структуру, в которой матричный переходный глагол имеет непереходный сентенциальный комплемент.

Можно отметить, что неграмматичность вследствие ненахождения переходным глаголом абсолютного аргумента возникает не только в сложноподчинённых структурах, но и в обычных переходных клаузах. Пожалуй, лучшей иллюстрацией данного факта может служить неграмматичность самого глагола *дIа-д-оло* в случае его непереходного употребления.

(44) а. *Урок *дIа-й-оли-ра*

урок PRF-J-начинать-RPST

Ожид. зн.: ‘Урок начался’.

б. *Аса *дIа-д-оли-ра*

я.ERG PRF-D-начинать-RPST

Ожид. зн.: ‘Я начал [что-либо]’.

Согласно предлагаемому анализу, неграмматичность во всех этих случаях возникает по одинаковым причинам. Предположив, что данный глагол синтаксически проецирует две глагольные вершины — нижнюю (*v*) и верхнюю (*Voice*) глагольные вершины, каждая из которых имеет потребность в именной группе в структурном падеже, можно предположить, что неграмматичность возникает вследствие отсутствия у одной из этих вершин соответствующего именного аргумента.

Наконец, необходимо рассмотреть структуры с непереходными матричными глаголами, представляющие менее маркированную стратегию сентенциальной комплементации. Я предполагаю, что в таких случаях сентенциальный комплемент непереходного глагола не является синтаксическим аргументом матричного глагола. Для полноты анализа я предположу,

лицензирования. Чеченские факты полностью соответствуют этому обобщению, поскольку, согласно анализу, согласуются с матричным предикатом. Конечная позиция абсолютной ИГ может быть альтернативным образом проинтерпретирована как находящаяся в матричной клаузе, выше отрицания, с минимальными последствиями для анализа.

Анонимный рецензент указывает, что каузативная вершина может быть также проанализирована как находящаяся ниже залога. В таком случае её дефектность может быть связана с общей признаковой дефектностью вложенных глагольных вершин. Мне неизвестно, как ведут себя морфологические каузативы в других языках с реструктурированием.

что в таких случаях имеется отношение контроля, хотя этот вопрос требует дальнейшего изучения.

Согласование в таких структурах происходит локально и никак не затрагивает согласовательные механизмы в матричной клаузе. Относительная синтаксическая автономность вложенной структуры позволяет матричным клаузам иметь как переходные, так и непереходные предикаты.

6. Заключение

В качестве заключения можно назвать несколько следствий, которые влечёт данный анализ.

Пожалуй, главным теоретическим следствием из чеченским данных можно назвать вывод о том, что *согласование по переходности* не является отношением согласования в строгом смысле слова. Требование переходности вложенного предиката возникает опосредованно, через необходимость вложенной структуры иметь прямой согласуемый объект. Таким образом, может быть твёрдо установлено, что переходность не является ни глагольным признаком, ни базовым понятием синтаксической теории, а является следствием аргументных и согласовательных свойств глагольной структуры.

Во-вторых, чеченские данные указывают на то, что конфигурация реструктурирования, предложенная для моделирования синтаксических зависимостей в полипредикативных структурах, имеет в эргативных языках ряд характерных, но в целом довольно предсказуемых особенностей.

Наконец, представленные данные позволяют сделать вывод о том, что синтаксическое отношение подчинения между матричным и вложенным глаголом — в случае, если таковое отношение формально выражено через признаковую зависимость — возможно не только на уровне залоговых, но и на уровне более низких глагольных вершин.

В заключение хотелось бы отметить, что несомненный интерес представляет сравнение данной конструкции с конструкциями так называемым дистантного согласования, описанной для многих нахско-дагестанских языков, включая, например, годоберинский и цезский, где, подобно изучаемой конструкции, существует отношение согласования между вложенным абсолютивом и матричным глаголом.

Безусловно, оправданным представляется дальнейшее изучение данных конструкций в свете новых данных и обобщений, представленных в этой статье.

Список условных сокращений

ABS — абсолютив; ALL — аллатив; AUX — вспомогательный глагол; CAUS — каузатив; D, V, J — классово-числовые префиксы; DAT — датив; DET — артикль; ERG — эргатив; INF — инфинитив; IRR — ирреалис; NEG — отрицание; PASS — пассив; PL — множественное число; PRF — перфективная приставка; PST — прошедшее время; RPST — давнопрошедшее время.

Список источников / References

- Халидов 2004 — Халидов А.И. Типологический синтаксис чеченского простого предложения. Нальчик: Эль-фа, 2004. [Khalidov A.I. Tipologicheskij sintaksis chechenskogo prostogo predlozheniya [Typological syntax of Chechen simple sentences]. Nalchik: El-fa, 2004.]
- Яковлев 1960 — Яковлев Н.Ф. Морфология чеченского языка. Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1960. [Yakovlev N.F. Morfologiya chechenskogo yazyka. [Morphology of the Chechen language]. Grozny: Checheno-Ingushskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1960.]
- Bobaljik, Wurmbrand 2005 — Bobaljik J.D., Wurmbrand S. The domain of agreement. *Natural Language & Linguistic Theory*. 2005. Vol. 23(4). Pp. 809–865.
- Chomsky 2000 — Chomsky N. Minimalist Inquiries: The Framework. Martin R., Michaels D., Uriagereka J. (eds.). Step by Step: Essays on Minimalist Syntax in honor of Howard Lasnik. Cambridge, MA: The MIT Press. 2000. Pp. 89–155.
- Dotton, Doyle 2017 — Dotton Z., Doyle W.J. A Grammar of Chechen. 2017.
- Gernsbacher et al. 1999 — Gernsbacher M.A., Tallent K.A., Bolliger C.M. Disordered discourse in schizophrenia described by the Structure Building Framework. *Discourse Studies*. 1999. Vol. 1(3). Pp. 355–372.
- Keine in press — Keine S. ϕ -Feature sharing. Grohmann K., Leivada E. (eds.). The Cambridge Handbook of Minimalism. Cambridge: Cambridge University Press. In press.
- Nichols 2011 — Nichols J. Ingush grammar. University of California Press. 2011.
- Pesetsky, Torrego 2007 — Pesetsky D., Torrego E. The syntax of valuation and the interpretability of features. Karimi S., Samiiian V., Wilkins W.K. (eds.). Phrasal and Clausal Architecture: Syntactic derivation and interpretation. John Benjamins Publishing Company. 2007. Pp. 262–294.
- Polinsky 2017 — Polinsky M. Syntactic ergativity. Everaert M., Riemsdijk H.C. (eds.). The Wiley Blackwell Companion to Syntax, Second Edition. 2017. Pp. 1–37.
- Polinsky, Potsdam 2002 — Polinsky M., Potsdam E. Backward control. *Linguistic Inquiry*. 2002. Vol. 33(2). Pp. 245–282.
- Wurmbrand 2016 — Wurmbrand S. Complex predicate formation via voice incorporation. Nash L., Samvelian P. (eds.). Approaches to complex predicates. Leiden: Koninklijke Brill NV. 2016. Pp. 248–290.
- Wurmbrand, Shimamura 2017 — Wurmbrand S., Shimamura K. The features of the voice domain: Actives, passives, and restructuring. D'Alessandro R., Franco I., Gallego A.J. (eds.). The verbal domain. 2017. Pp. 179–204.

Статья поступила в редакцию 01.11.2023; одобрена после рецензирования 28.12.2023; принята к публикации 29.12.2023;

The article was received on 01.11.2023; approved after reviewing 28.12.2023; accepted for publication 29.12.2023.

Филипп Григорьевич Шушурин

PhD; Институт языкознания РАН

Philip Shushurin

PhD; Institute of Linguistics RAS

phshushu@gmail.com

Типология морфосинтаксических параметров
том 6, выпуск 2

Сайт журнала:

<https://tmp.sc/>

Оригинал-макет: Кс.П. Семёнова

Подписано в печать 30.12.2023.

Формат 21*29.7 см. Гарнитура Charis SIL.

Электронное издание. Объём 161 стр.